

ИСТОРИЯ
HISTORY

Власов С. А.
S. A. Vlasov

**ИЗ ИСТОРИИ КРУПНОПАНЕЛЬНОГО ДОМОСТРОЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(КОНЕЦ 1950-х – 1980-е гг.)**

**FROM THE HISTORY OF LARGE PANEL CONSTRUCTION IN THE FAR EAST
(1950 – 1980 s)**

Власов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89), тел.: (423) 226-11-15. E-mail: vlasov54@bk.ru.

Mr. Sergey A. Vlasov – PhD in History, Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far East Peoples (Vladivostok, 89, Pushkinskaya str.), tel: (423) 226-11-15. E-mail: vlasov54@bk.ru.

Аннотация. Отражены особенности развития крупнопанельного домостроения на Дальнем Востоке в годы советской власти, благодаря которому в регионе удалось частично решить жилищную проблему и обеспечить большинство населения благоустроенным жильём.

Summary. The article features the peculiarities of the large panel construction in the Far East during the Soviet era, that helped the region partially solve the housing shortage and provide the majority of the population with comfortable housing.

Ключевые слова: жилищное строительство, крупнопанельное домостроение, домостроительные комбинаты, программа «Жильё 2000».

Key words: housing construction, large panel construction, house-building factories, the program «Housing 2000».

УДК [690+947.088](571.6)

Обеспеченность жильём относится к числу наиболее сложных и трудно решаемых социальных проблем, поскольку для возведения добротного, комфортного жилья для широких слоёв населения требуются длительное время и большие материальные затраты.

В Российской Федерации к кардинальному решению жилищной проблемы приступили в годы хрущёвской «оттепели», когда советским руководством был взят курс на развитие социальной сферы, включая обеспеченность всех советских граждан благоустроенным жильём.

В предыдущий сталинский период жилищная политика была направлена на удовлетворение, в первую очередь, потребностей партийно-государственной номенклатуры, высокопрофессиональных специалистов, передовиков производства – всех, кто относился к советской элите. Для них строилось качественное, дорогое по затратам жильё. Рядовые труженики могли рассчитывать на комнату в коммуналке или бараке, если хотелось более просторного жилья, то можно было путем индивидуального строительства с помощью государственного кредита построить небольшой (2-х-комнатный) деревянный дом без коммунальных удобств.

Для того чтобы решить жилищную проблему и обеспечить большинство граждан отдельными благоустроенными квартирами, правительством был взят курс на широкомасштабное, массовое строительство. Началом этого процесса следует считать 31 июля 1957 г., когда вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О развитии жилищного строительства в СССР». В постановлении была поставлена задача «в ближайшие 10 – 12 лет обеспечить жильём каждую советскую семью». Поскольку ставилась грандиозная задача по решению жилищной проблемы, одним из средств скорейшего её решения стало развитие крупнопанельного домостроения.

К этому времени в технологии строительного производства произошли существенные изменения, позволившие перейти к строительству на индустриальной основе с применением сборных железобетонных конструкций. Их внедрение началось в середине 1950-х гг., а сама техноло-

гия была заимствована у строителей европейских стран, которые после Второй мировой войны в короткие сроки восстановили разрушенные за годы войны города, благодаря чему во второй половине 1940-х гг. в окрестностях многих европейских городов появились заводы по изготовлению панелей, крупных блоков, междуэтажных перекрытий, лестничных маршей и других конструкций из железобетона.

В нашей стране активным сторонником внедрения сборного железобетона стал первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв. Он был одержим идеей обеспечить широкие массы трудящихся недорогим по затратам жильём, для чего убеждал строителей использовать железобетон вместо дерева и металла, что делало постройки долговечными и одновременно удешевляло строительство. Благодаря Хрущёву и началось активное использование в строительном производстве железобетонных конструкций.

Внедрение сборного железобетона позволяло коренным образом изменить методы возведения жилых домов – превратить строительное производство в механизированный поточный процесс монтажа жилых зданий из деталей и крупноразмерных элементов, изготавливаемых на заводах. Тем самым были созданы условия для широкого внедрения новой технологии возведения жилых домов из крупных панелей, которые впервые в качестве эксперимента были построены в середине 1940-х гг. в Свердловске, а затем в Москве. Всего в первое послевоенное десятилетие (с 1946 по 1955 гг.) в ходе экспериментального строительства было введено в эксплуатацию 230 крупнопанельных домов общей площадью 114 тыс. кв. м. За это время были найдены основные конструктивные решения панельных зданий, опробованы различные материалы, конструкции, способы изготовления панелей, доказаны экономические преимущества крупнопанельного строительства. Были выявлены его неоспоримые преимущества не только по трудоёмкости и стоимости строительства, но и по срокам ввода в эксплуатацию зданий. Затраты труда при возведении крупнопанельных жилых домов оказались в среднем на 35 – 40 % ниже, чем при строительстве домов из кирпича, а продолжительность строительства в 1,5 – 2 раза меньше [10, 205].

Крупнопанельное домостроение начинает развиваться с 1957 г., когда началось массовое жилищное строительство. В тот год было построено 120 тыс. кв. м жилой площади в крупнопанельном исполнении. Объём панельного строительства за 1957 г. превысил всё, что было построено в качестве эксперимента за первое послевоенное десятилетие. К концу года вошли в строй предприятия по производству панелей в Череповце, Мурманске, Магнитогорске, Березниках, Ленинграде и других городах. С 1959 г. роль крупнопанельного домостроения заметно возрастает, хотя в общем объёме возведённого жилья его доля пока еще оставалась незначительной. Согласно архивным данным в РСФСР в 1959 г. оно составило 2,3 %, в 1960 г. – 3,3 % (см. прим. 7).

На Дальнем Востоке первые крупнопанельные дома построили в 1960 г. во Владивостоке, Уссурийске, Комсомольске-на-Амуре, а в Охе и Южно-Сахалинске приступили к их возведению.

Для дальневосточных строителей крупнопанельное домостроение являлось совершенно новой технологией, для освоения которой требовалось определённое время. Первые дома возводились очень медленно, т.к. рабочим и инженерно-техническим работникам нужно было освоить новый метод работы, отрабатывать приёмы и технологию сборки домов.

Панели для новых домов изготавливались также практически в экспериментальных условиях. Производственным коллективам приходилось решать множество проблем, связанных с наладкой оборудования, режимом пропарки, уплотнения, отделки панелей, ритмичным выпуском изделий и т. д. и т. п.

Для того чтобы приобрести необходимый опыт, дальневосточные строители учились у своих коллег из западных районов страны. В 1959 г. группа строителей и проектировщиков с Сахалинской области была командирована в Москву и Киев для ознакомления с проектированием, изготовлением, транспортировкой панелей и монтажом крупнопанельных домов. Сахалинцы посетили ряд институтов, разрабатывающих проекты таких домов и оборудование для заводов, где изготавливались панели. По возвращению из командировки группой инженеров, возглавляемой В. А. Терновым, была разработана установка для изготовления стеновых панелей, и Охинский завод ЖБИ наладил их производство [8].

С этой целью – приобретение необходимого опыта – в 1960 г. в Москву из Владивостока была командирована группа инженеров и рабочих-строителей (см. прим. 6). Строители из Амурской области ездили на стажировку в г. Усть-Каменогорск. В монтаже первого крупнопанельного дома им оказал помощь инженер из Красноярска О. П. Мясников, специально прибывший для этого в длительную командировку [1].

Уже в конце 1950-х гг. стало ясно, что крупнопанельное домостроение при всех его недостатках и сложностях с внедрением было тем единственным путем, осваивая который, можно было в короткие сроки решить проблему расселения людей в отдельные квартиры. Следовало лишь более эффективно его использовать и найти новые способы в технологии доставки готовых панелей и сборки из них жилых домов на стройплощадке. В 1959 г. в Ленинграде был найден принципиально новый, прогрессивный метод строительства крупнопанельных зданий силами специально созданных домостроительных комбинатов (ДСК). Суть новшества заключалась в том, что в единую технологическую цепочку соединялись заводы по производству панелей и стройки, они подчинялись единому руководству. ДСК не только производили все основные строительные конструкции и детали и транспортировали их на стройплощадки, но и монтировали и отделявали дома до полной их сдачи в эксплуатацию. Объединение под одним руководством завода и его сборочной площадки – стройки позволило ввести и новую единицу отчета – конечную продукцию, жилой дом. Организация ДСК стала одним из важнейших этапов в развитии крупнопанельного домостроения. Уже в 1961 г. методом домостроительных комбинатов в Ленинграде было сооружено 40 % новой жилой площади (см. прим. 13). К 1965 г. свыше 60 % жилой площади в городе возводилось силами ДСК. Благодаря новому способу строительства сократились сроки строительства, снизилась его стоимость. За время с 1959 по 1965 гг. было сэкономлено 43,5 млн. руб. капиталовложений [9, 9]. Инициатива ленинградцев получила поддержку и одобрение. В короткий срок по всей стране были созданы десятки и сотни домостроительных комбинатов. В 1967 г. в СССР насчитывалось 293 ДСК, в РСФСР – 173 (см. прим. 14).

Появились домостроительные комбинаты и на Дальнем Востоке. Одним из первых стал работать (с января 1963 г.) домостроительный комбинат № 1 во Владивостоке, созданный на базе завода КПД-35. Владивостокский ДСК был рассчитан на выпуск панелей для строительства жилых домов площадью 35 тыс. кв. м в год. ДСК осуществлял весь цикл строительно-монтажных работ – от изготовления панелей до сдачи дома в эксплуатацию. Работники ДСК производили панели, везли их на стройплощадки, монтировали, вели отделку дома и сдавали его государственной комиссии. Со стороны, от других предприятий ДСК получал лишь столярные изделия, санитарно-техническое оборудование. Специализированный трест «Подземстрой» обеспечивал ввод водопровода, теплотрассы, канализации.

В апреле 1964 г. был создан Хабаровский домостроительный комбинат. По решению руководства «Главдальсроя» новое предприятие объединило завод крупнопанельного домостроения и строительное управление № 852 треста «Хабаровскжилстрой». Перед Хабаровским ДСК была поставлена задача – значительно увеличить объёмы крупнопанельного домостроения и активизировать его на территории края.

В том же году силами Хабаровского ДСК началось строительство крупнопанельных домов в пос. Амурске, где возводился крупный промышленный объект – целлюлозно-картонный комбинат (ЦКК). Работникам комбината необходимо было в кратчайшие сроки предоставить жильё, поэтому ставку сделали на крупнопанельное домостроение.

В марте 1965 г. домостроительный комбинат был создан в Благовещенске. К концу 1960-х гг. крупнопанельное домостроение стало доминирующим в жилищном строительстве Амурской области. Так, в 1969 г. объединение «Амурстрой» ввело в эксплуатацию 59 857 кв. м жилой площади, 35 124 кв. м было выполнено Благовещенским ДСК в крупнопанельном исполнении, что составило 65,4 % (см. прим. 1).

Крупнопанельное домостроение получило развитие и в северных районах Дальнего Востока – Камчатской, Магаданской и Сахалинской областях. Здесь также после того, как были построены первые крупнопанельные дома, в дальнейшем создали домостроительные комбинаты, после чего перешли к массовому возведению домов из панелей силами ДСК.

По мере широкого внедрения крупнопанельного домостроения всё более актуальной становилась проблема качества. У первых крупнопанельных домов были дефекты в заделке стыков между панелями, имелись и другие конструктивные недостатки. Для решения этих и других проблем в марте 1965 г. состоялось расширенное заседание коллегии Госстроя СССР, где с докладом выступил председатель Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре М. В. Посохин. Он в частности отметил, что в стране действует 285 домостроительных комбинатов мощностью 15,5 млн. кв. м жилья в год. Однако на заводах изготавливают только один тип крупнопанельного дома серии «1-464», которая имеет ряд серьёзных недостатков [7]. Так, набор квартир в типовых домах серии «1-464» был ограничен только одно-, двух- и трёхкомнатными, поэтому большие семьи вынуждены были заселять трёхкомнатные квартиры. Нарекания населения вызывали проходные комнаты, совмещённые санитарные узлы, недостаточная изоляция кухонь от жилых комнат, маленькие прихожие и коридоры. Неудовлетворительными были звукоизоляция и теплоизоляция жилых домов. Все эти недостатки необходимо было устранить, поэтому с 1965 г. стали разрабатываться проекты новых серий жилых домов «улучшенной планировки», а строителями осваиваться их возведение.

В производство внедрялась новая типовая серия крупнопанельных домов второго поколения «1-468». В домах новых серий увеличилось количество типов квартир с различным числом комнат. В большинстве квартир предусматривались непроходные комнаты, изолированные входы в кухни; во всех квартирах (кроме однокомнатных) – отдельные санитарные узлы, увеличились размеры прихожих. Наряду с 4-5 этажными домами в новых проектах предусматривались дома в 9 этажей, с этого времени в жилищном строительстве стала преобладать смешанная застройка по этажности и типам домов. Так, если в 1965 г. удельный вес 5-ти этажных домов в общем объёме жилищного строительства Дальнего Востока составлял 85 % (см. прим. 8), то в дальнейшем преобладали дома в 9 и 12 этажей.

В Приморском крае переход на новую серию крупнопанельных домов наиболее успешно проходил в Главвлдавостокстрое (ГВС). Здесь к 1976 г. все заводы ГВС были модернизированы и переведены на выпуск домов серии «1-468» с улучшенной планировкой (см. прим. 3). Модернизация позволила не только улучшить качественные характеристики возводимого жилья, но и увеличить мощности предприятий по выпуску панелей. Так, если в девятой пятилетке (1971 – 1975 гг.) удельный вес крупнопанельного домостроения в общем объёме жилищного строительства составил в Приморском крае 30 %, то в десятой (1976 – 1980 гг.) – 44 % (см. прим. 4).

В 1970-е гг. заметные изменения в крупнопанельном домостроении произошли в Хабаровском крае. В Хабаровском ДСК была проведена реконструкция, его мощности увеличились, предприятие способно было выпускать 110 тыс. кв. жилой площади в год. Благодаря реконструкции был освоен выпуск панелей для домов новой серии «1-468». Жители Хабаровского края получили дома с улучшенной планировкой, звукоизоляцией, с более удобными кухнями и санузлами. Строители стали возводить не только пятиэтажные, но и девятиэтажные крупнопанельные дома.

Помимо Хабаровска, заводы по выпуску панелей были построены в Комсомольске-на-Амуре, Биробиджане, Амурске. Ввод новых предприятий позволил строителям Хабаровского края увеличить объёмы крупнопанельного домостроения. Удельный вес его в общем объёме жилищного строительства составлял 56 %, а ведущая строительная организация края – Главдальстрой возводила в крупнопанельном домостроении 68 % жилья (см. прим. 11).

Среди строителей Хабаровского края в числе передовых по возведению домов из крупных панелей была комплексная бригада, которой руководил И. А. Гамалий. В апреле 1973 г. его бригада отметила своеобразный трудовой юбилей – она смонтировала 100 крупнопанельных жилых домов (см. прим. 12).

В 1973 – 1976 гг. была проведена реконструкция Благовещенского домостроительного комбината. На это израсходовали 11,3 млн. руб., в результате проектная мощность завода была удвоена и достигла 210 тыс. кв. м жилой площади в год (см. прим. 2). После реконструкции домами новой серии, которые стал выпускать ДСК, был застроен новый микрорайон в северо-западной части Благовещенска.

В Камчатской, Магаданской и Сахалинской областях строители осваивали новую серию крупнопанельных домов «1-138», которая была специально разработана для северных районов. В домах этой серии помимо улучшения теплоизоляции была увеличена площадь кухонь и прихожих, увеличена высота потолков, дома оборудовались мусоропроводом. В большинстве квартир предусматривались непроходные комнаты, во всех квартирах (кроме однокомнатных) – отдельные санитарные узлы. С 1974 г. дома новой серии с «улучшенной планировкой» стали возводиться в Магадане, Охе, чуть позднее – в Петропавловске-Камчатском.

Новая серия крупнопанельных домов сложно внедрялась в Южно-Сахалинске. Домостроительный комбинат Южно-Сахалинска долгое время не мог наладить выпуск изделий для домов серии «1-138». Реконструкция ДСК затянулась. Многочисленные поломки машин, большое количество бракованных изделий, сложности в монтаже – всё это сказывалось на работе предприятия. В полную мощность ДСК стал работать лишь в начале 1980-х гг. (см. прим. 9)

К этому времени в Приморском крае строители осваивали новые, более совершенные типовые проекты третьего поколения крупнопанельных домов серии «121». Дома этой серии имели ряд преимуществ – была увеличена площадь кухонь, встроенных шкафов, т.е. подсобных помещений, а также лоджий и балконов. За счёт увеличения толщины смежных квартирных стен улучшилась звукоизоляция. Были реализованы определённые достижения в области повышения качества уровня архитектуры жилища [3, 24]. Таким образом, жители Приморского края получали более комфортное жильё, чем раньше. Ведущая строительная организация края Главвладивостокстрой первой освоила возведение домов новой серии и располагала мощностями 642 тыс. кв. м жилой площади крупнопанельных домов нового поколения (см. прим. 5).

В 1970-е гг. крупнопанельное домостроение заняло ведущие позиции в жилищном строительстве по всей стране, включая Дальний Восток. К началу 1981 г. в СССР работали 484 предприятия крупнопанельного домостроения общей мощностью 60 млн. кв. м жилой площади в год. Во многих крупных городах – Москве, Ленинграде, Горьком, Новосибирске, Тольятти – в крупнопанельном исполнении осуществлялось более 75 % жилищного строительства [4, 9]. Благодаря крупнопанельному домостроению удалось в сравнительно короткие сроки обеспечить большинство населения благоустроенным жильём. Вместе с тем необходимо отметить, что крупнопанельные дома вследствие особенностей их конструктивного решения внешне мало отличались друг от друга. В градостроительном отношении с точки зрения архитектурной композиции застройка жилых районов крупнопанельными домами создавала определённую монотонную унылость в облике различных городов, что давало повод для критики и насмешек над проектировщиками и строителями (достаточно вспомнить телефильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром»). Однако при этом следовало учитывать, что иначе справиться с задачей по обеспечению каждой семьи отдельной квартирой было невозможно. При всех издержках крупнопанельного домостроения (невысокое качество, однообразность застройки) приоритетность на его развитие себя оправдала.

1986 г. ознаменовался новым этапом в крупнопанельном домостроении, что было связано с развернувшейся в стране кампанией по реализации программы «Жильё 2000». Согласно плану предполагалось к 2000 г. обеспечить каждую советскую семью отдельной квартирой или индивидуальным домом. В рамках этой программы на Дальнем Востоке только в 12-й пятилетке (1986 – 1990 гг.) планировалось построить 22,7 млн. кв. м жилой площади [6, 9]. Для сравнения отметим, что за 11-ю пятилетку (1981 – 1985 гг.) построили 14,7 млн. кв. м [5, 248-249], т.е. предусматривался рост на 65 %. Реализовать подобные планы можно было при условии, что большая часть возводимого жилья, как и ранее, будет строиться из крупных панелей. Для этого необходимо было увеличить мощности домостроительных комбинатов и заводов железобетонных изделий, выпускающих комплектующие изделия для крупнопанельного домостроения.

Работа по реализации программы «Жильё 2000» развернулась во всех краях и областях Дальнего Востока. Повсеместно начались мероприятия по реконструкции и расширению новых мощностей предприятий крупнопанельного домостроения, а также строительству новых. Так, в Приморском крае ввели в эксплуатацию Спасский завод ЖБИ-100, завод по производству бетонных блоков в с. Тереховка, завод керамических стеновых материалов в г. Спасске. Новые мощно-

сти по производству сборного железобетона и стеновых материалов были введены в Сахалинской области. Здесь также приступили к реконструкции завода КПД-100 в Южно-Сахалинске (см. прим. 10). Реконструкция домостроительного комбината с увеличением его мощностей прошла в Петропавловске-Камчатском. В Хабаровском крае помимо расширения существующих мощностей предполагалось построить 32 новых завода по выпуску стройматериалов, включая предприятия по производству изделий для крупнопанельного домостроения.

Однако этим и другим планам не суждено было осуществиться. В начале 1990-х гг. из-за политических событий, связанных с борьбой за власть в верхах, внимание к её выполнению ослабло. В целом реализация программы «Жильё 2000» осуществлялась непродолжительное время. В 1992 г. она была приостановлена, но даже за такой короткий срок были достигнуты определённые результаты. В течение трёх лет (1987 – 1989 гг.) на Дальнем Востоке ежегодно сдавалось в эксплуатацию более 3,5 млн. кв. м жилой площади [2, 176]. Никогда ранее так много не строили. Во многом этот рост был достигнут за счёт крупнопанельного домостроения, что позволило на излёте советской власти тысячам семей дальневосточников улучшить свои жилищные условия.

Оценивая в целом вклад крупнопанельного домостроения в жилищное строительство на Дальнем Востоке, следует отметить, что благодаря ему сотни тысяч дальневосточников улучшили свои жилищные условия, обзавелись благоустроенными квартирами. При всех недостатках этого вида строительства его значение в решении жилищной проблемы не следует недооценивать, и в перспективе крупнопанельное домостроение будет оставаться одним из приоритетных направлений в жилищном строительстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурская правда (Благовещенск). – 1 октября 1964.
2. Власов, С. А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946 – 1991 гг.). / С. А. Власов. – Владивосток : Дальнаука, 2008. – 204 с.
3. Магай, А. А. Крупнопанельное домостроение России / А. А. Магай, Б. И. Штейман // Жилищное строительство. – 2005. – № 12. – С. 21 – 25.
4. Меерсон, Д. С. Жилищное строительство в СССР в XI пятилетке. / Д. С. Меерсон, Д. Г. Тонский. – М. : Стройиздат, 1983. – 87 с.
5. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Стат. ежегодник. – М. : Финансы и статистика, 1986. – 398 с.
6. О ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1987 г. «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.». – Владивосток : Кн. изд-во, 1989. – 68 с.
7. Правда (Москва). – 6 марта 1965.
8. Советский Сахалин (Южно-Сахалинск). – 28 августа 1959.
9. Строительство в Ленинграде 1955 – 1965 гг. – Л. – М. : Стройиздат, 1965. – 132 с.
10. Черняк, В. З. Уроки старых мастеров. Из истории экономики строительного дела. / В. З. Черняк. – М. : Стройиздат, 1979. – 190 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГААО. Ф. П-1. Оп. 27. Д. 926. Л. 45.
2. ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 3487. Л. 121.
3. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 50. Д. 421. Л. 32.
4. ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 262. Л. 163.
5. ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 335. Л. 53.
6. ГАПК. Ф. 561. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
7. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 211. Л. 49.
8. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 3587. Л. 77.
9. ГАСО. Ф. 4. Оп. 128. Д. 18. Л. 61.
10. ГАСО. Ф. 695. Оп. 3. Д. 169. Л. 50.
11. ГАХК. Ф. 1853. Оп. 1. Д. 904. Л. 91.
12. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 101. Д. 21. Л. 40.
13. РГАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1294. Л. 9.
14. РГАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1211. Л. 28.

Петрунина Ж. В.

Z. V. Petrunina

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И КИТАЕМ**

**PROSPECTS OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT BETWEEN
THE MIDDLE EAST COUNTRIES AND CHINA**

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, 8(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru

Ms. Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History of State and Law Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin pr., 8(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru

Аннотация. Руководство современного Китая проводит политику, направленную на достижение государством высокого уровня благосостояния. Одной из важных составляющих, способствующих достижению поставленной цели, является расширение взаимодействия Китая со странами Ближнего Востока во всех областях. В настоящее время Китай заинтересован в получении энергоресурсов с ближневосточных месторождений. Большое значение имеет расширение транспортной инфраструктуры между регионами. Строительство и эксплуатация нефтепроводов, газопроводов и сухопутных транспортных путей позволят снизить риски при транспортировке сырья и иных товаров из одного региона в другой. В работе рассмотрены особенности развития железнодорожного и морского сообщения в рамках реализации стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века».

Summary. Policy management of modern China aims to achieve a high level of welfare state. One of the important components that contributes to the achievement of this goal is the expansion of China's cooperation with the Middle East countries in all fields. At present, China is interested in obtaining energy from the Middle East oil fields. Of great importance is the transport infrastructure expansion between the regions. Construction and operation of oil pipelines, gas pipelines and land transport routes will reduce the risks of transporting raw materials and other goods from one region to another. The paper discusses the features of the development of rail and sea links as part of the strategy of «economic belt of the Silk Road» and «Marine Silk Road of XXI century».

Ключевые слова: Китай, энергоресурсы, транспортная инфраструктура, экономическое взаимодействие, Ближний Восток.

Key words: China, energy, transport infrastructure, economic cooperation, the Middle East.

УДК 327

Основываясь на принципах равенства и взаимного уважения, современный Китай оказывает влияние на многие общественно-политические процессы в разных регионах мира. Подобные действия во многом связаны с долговременными задачами внутренней и внешней политики страны, направленными на построение в Китае к 2021 г. «среднезажиточного общества», а к 2049 г. – «богатой и могущественной, демократической, цивилизованной и гармоничной современной социалистической страны» [1]. Задача максимум – стать мировым лидером. Важное место при достижении отмеченных целей отводится экономическим программам, которые направлены на «великое возрождение китайской нации» и реализуются в рамках внешней политики, ключевые задачи которой направлены на создание условий для внутреннего экономического развития и становление КНР как одного из полюсов многополярного мира. Несмотря на то, что китайские лидеры заявляют о мирном возвышении КНР и стремлении к построению миропорядка на основе «всеобщего процветания», в растущей мощи Китая прослеживаются и экспансионистские тенденции.

Начиная с середины XX в., в сферу интересов КНР попал ближневосточный регион, что связано с рядом причин: подорожанием китайской рабочей силы в последние годы; снижением конкурентоспособности китайского экспорта в условиях растущей конкуренции со стороны стран Юго-Восточной Азии, Аргентины и Мексики; сокращением иностранных инвесторов в КНР. В этой ситуации страны Ближнего Востока рассматриваются Пекином как в качестве одного из поставщиков нефти, так и в качестве рынка экспорта китайского капитала и товаров широкого потребления [2].

До 1980-х гг. во взаимодействии со странами Ближнего Востока у Пекина доминировали идеологические задачи, связанные со стремлением коммунистического Китая оказать всестороннюю помощь странам «третьего мира» в борьбе с империализмом. В тот период доля арабского Востока во внешней торговле Китая была ничтожно мала и составляла 2,7-3,7 % [3]. С конца XX столетия на интересы Китая в отношении государств Ближнего Востока стали влиять экономические задачи.

Испытывая потребность в получении ближневосточных энергоресурсов, Пекин одновременно учитывает многие факторы, способные оказать существенное влияние на экономическое развитие КНР. Одним из таких факторов является возможное обострение международной ситуации в Южно-Китайском море, грозящее перерасти в военный конфликт между Китаем, с одной стороны, и странами Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Индонезия) – с другой. Наряду с территориальными спорами (вопрос о Парасельском архипелаге и островах Спратли), отношения между участниками конфликта осложняются противоречиями в торгово-экономических вопросах. Вьетнам, Филиппины, Индонезия и Малайзия ведут на шельфе геологоразведочные работы и уже добывают нефть и газ. Китай считает, что добыча производится на его территории. Обострение отношений вызвало заявление КНР о праве полиции провинции Хайнань с 1 января 2013 г. «высаживаться, осматривать и брать под свой контроль иностранные суда, которые незаконно, по мнению китайских властей, вошли в китайские воды Южно-Китайского моря» [4]. Подобное заявление свидетельствует о стремлении КНР взять под контроль основные торговые пути, ежегодный оборот которых по некоторым оценкам составляет до \$ 5 трлн. [5]. Примечательно, что конкурирующие с Китаем США в конфликте поддерживают государства Юго-Восточной Азии, что создает дополнительное напряжение.

Итак, в условиях, когда 80 % ближневосточной нефти транспортируется морскими танкерами, а безопасность доставки осложняется международными противоречиями, пиратством, возможностью террористических атак, Китай стремится к созданию альтернативных путей транспортировки углеводородов с Ближнего Востока. В настоящее время к наиболее сложным участкам транспортировки углеводородов с Ближнего Востока в Китай относятся территории Ормузского пролива, Суэцкого канала и Баб-эль-Мандебского пролива, ограничивающие выход из Красного моря, и Малаккский пролив в Азии. Китайские бизнесмены с тревогой наблюдают за ситуацией в Сирии, Ираке, Ливии и Йемене. С целью уменьшения зависимости от перевозок сырья и грузов через эти районы китайское руководство разрабатывает проекты строительства нефтепроводов, газопроводов и сухопутных транспортных путей.

Осуществление таких планов возможно при реализации стратегии «Экономический пояс Шелкового пути», выдвинутой Председателем КНР Си Цзиньпином 6 сентября 2013 г. в Астане в ходе выступления в Назарбаев университете. Программа «Экономический пояс Шелкового пути» является всесторонним проектом, нацеленным на объединение Центральной, Восточной, Южной и Западной Азии, что отвечает интересам КНР. Главная цель проекта – развивать сотрудничество в области торговли, транспортного сообщения и инвестиций [6].

Составным звеном «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI в.» является китайско-пакистанский экономический коридор (China-Pak Economic Corridor (СПЕС)), который посредством автомобильных и железнодорожных дорог, нефтегазопроводов и оптиковолоконных линий должен соединить китайский Кашгар (запад Китая, провинция Синьцзян) и пакистанский порт Гвадар (провинция Белуджистан, юг Пакистана), расположенный на побережье Аравийского моря. Начиная с 1964 г. Пакистан пытался осуществить планы по стро-

ительству порта Гвадар. Однако из-за нехватки финансирования и пакистано-индийского конфликта 1965 г. приступить к реализации намеченного длительное время не удавалось. Строительство порта Гвадар началось только в мае 2001 г., когда во время визита в Пекин Президента Пакистана Первеза Мушаррафа были оговорены возможности участия Китая в этом проекте. Китайские инвестиции в строительство порта Гвадар, постройка которого была завершена в 2007 г., составили \$ 248 млн. В феврале 2013 г. контроль над портом Гвадар перешел к китайской государственной компании Overseas Ports Holding.

Расположенный на пересечении главных линий морских коммуникаций недалеко от Ормузского пролива, порт Гвадар рассматривается руководством КНР как мировой перевалочный пункт углеводородов. Экономические выгоды для Поднебесной очевидны, поскольку китайско-пакистанский коридор позволит сократить доставку нефти с Персидского залива и Северной Африки в Китай на 12 тыс. км. Допуская Китай к нефтяным рынкам Ближнего Востока, страны ОПЕК в обмен рассчитывают в перспективе закрепиться в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), затрагивая интересы России в АТР.

В феврале 2014 г. Президент Пакистана Мамнун Хусейн совершил визит в Китай, в ходе которого подтвердил готовность ускорить строительство экономического коридора. Заинтересованность Пакистана в активной эксплуатации порта Гвадар связана с необходимостью обеспечить занятость населения в провинции Белуджистан и тем самым снизить социальную напряженность среди местного населения. Кроме того, с помощью проекта Пакистан рассчитывает балансировать между Индией и Китаем и сохранять влияние на ситуацию в регионе.

С целью модернизации китайско-пакистанского экономического коридора в ноябре 2014 г. руководство КНР объявило о своем намерении до 2020 г. вложить \$ 45,6 млрд в энергетические и инфраструктурные проекты на территории Пакистана. В соответствии с планом из выделенной суммы \$ 33,8 млрд должны пойти на энергопроекты, а \$ 11,8 млрд – на инфраструктуру. Кроме того, к 2017 г. на железнодорожное строительство китайские инвесторы потратят \$ 3,7 млрд, а на автомобильные дороги – \$ 5,9 млрд. При этом железные дороги Кашгар – Хавелиан (протяженность 1100 км) и Хотан – Голмуд (протяженность 1600 км) предполагается провести по сложным горным участкам. Развитие инфраструктуры позволит связать порт Гвадар с железнодорожной веткой Иран – Пакистан, что отвечает интересам Китая, который получит возможность получить выход к Ирану через Пакистан. Между Китаем и Пакистаном также проложат оптиковолоконный кабель стоимостью \$ 44 млн. На модернизацию порта Гвадар китайская сторона затратит \$ 622 млн. Основными кредиторами выступят Промышленно-коммерческий банк (ICBC) и Банк развития Китая [7].

Таким образом, строительство китайско-пакистанского экономического коридора будет способствовать укреплению и облегчению взаимодействия КНР со странами Персидского залива, Африкой и Европой.

В качестве западного рубежа китайского Шелкового пути следует рассматривать китайско-израильский проект Red – Med, сдача которого намечена на 2018 г. При реализации этого проекта железной дорогой будут связаны израильские средиземноморские порты в Ашдоде и Хайфе с красноморским портом в Эйлате. Помимо грузовых перевозок планируется осуществлять и пассажирские. Протяжённость железнодорожного пути – 260 км. Финансирование проекта взял на себя Промышленный банк развития Китая, строительные работы ведёт консорциум во главе с китайской China Railway Engineering, а израильская сторона будет осуществлять его общее руководство. В перспективе транспортные перевозки позволят увеличить товарооборот из Азии в Европу и станут альтернативой перевозкам по Суэцкому каналу за счет безопасности и снижения их стоимости.

В рамках развития межконтинентального железнодорожного сообщения активно ведется строительство скоростной железной дороги, которая пройдет через города Инин в Китае, Алматы в Казахстане, Бишкек в Кыргызстане, Ташкент и Самарканд в Узбекистане, Ашхабад в Туркменистане и свяжет столицу Синьцзян-Уйгурского автономного района г. Урумчи со столицей Ирана г. Тегеран. Протяженность ирано-китайского участка составит 3,2 тыс. км. В ноябре 2015 г. с

предложением начать строительство выступила китайская China Railway Construction Corp на форуме «Один пояс – один путь» (2013 г.). Ранее уже выдвигался проект транспортного и нефтегазового сообщения между Китаем и Ираном, который должен был пройти через Афганистан. Однако этот план был сорван начавшейся военной операцией в Афганистане в 2001 г. Маршрут дополнит уже существующую сеть железных дорог в Центральной Азии, которая соединена с Москвой. При этом ширина колеи предполагаемой железнодорожной магистрали составит 1435 мм, что совпадает с шириной большинства железных дорог стран Ближнего Востока и Европы. Таким образом, страны постсоветского пространства, принятая ширина колеи в которых составляет 1520 мм, могут быть автоматически исключены из взаимодействия. Реализуемый проект должен стать альтернативным сухопутным транспортным путем, соединяющим Китай с ближневосточными экспортными нефтяными месторождениями, он позволит китайским поездам беспрепятственно двигаться от любого города КНР до границы с Турцией, а затем – выходить на европейскую территорию. Пассажирские поезда смогут развивать скорость от 250 до 300 км/ч, в то время как контейнерный поезд может двигаться со скоростью 120 км/ч. К несомненным выгодам при эксплуатации железнодорожного коридора Китай относит и сокращение времени доставки китайских товаров на рынки Европы до трех недель, вместо практикуемых ныне морских перевозок в течение шести недель.

Наряду с выгодами существует ряд факторов, затрудняющих реализацию намеченного. Во-первых, сохраняются геополитические проблемы в странах, расположенных вдоль маршрута. Например, в ряде стран Центральной Азии продолжают действовать экстремистские объединения. Во-вторых, страны Европы, получавшие выгоду от морских перевозок, будут терять колоссальные средства, что может осложнить отношения между сторонами. В-третьих, магистраль будет проложена в обход Монголии и России, что может негативно сказаться на логистике этих государств в сухопутном сообщении между Китаем и государствами Европы, а как следствие – окажет отрицательное влияние на социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока и Сибири. Тем не менее Пекин рассчитывает, что эксплуатация нового железнодорожного коридора позволит к 2025 г. обеспечить ежегодный товарооборот более чем в \$ 2,5 трлн [8].

Несмотря на амбициозные железнодорожные проекты, Пекин не упускает из внимания и море, которое по-прежнему остается самой безопасной и наименее затратной торговой артерией планеты. Следует выделить проект КНР по строительству нефтепровода Мьянма – Китай, эксплуатация которого позволяет обойти Малаккский пролив, расположенный между Индонезией, Малайзией и Сингапуром. Работы велись с июня 2010 г. по май 2014 г. Протяженность нефтепровода, проложенного по сложным природным участкам, составила 771 км, а пропускная способность – 22 млн грузов тонн в год. В этом проекте китайская компания China National Petroleum Corporation (CNPC) имеет долю в 50,9 %, остальные 49,1 % у местной компании Myanma Oil and Gas Enterprise (MOGE). Введение в эксплуатацию нефтепровода позволило почти на две недели сократить время доставки «черного золота» с Ближнего Востока до Поднебесной. Нефтепровод берет начало в порту Ситтве (Бенгальский залив) и направлен в город центрального подчинения Чунцин и Куньмин (провинция Юннань). Оба этих китайских города включены в реализацию проектов «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Наряду с Мьянмой, Куньмин связан с транспортными коридорами Вьетнама и Лаоса, а те, в свою очередь, присоединены к транспортным сетям Таиланда, Малайзии и Сингапура. В рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути» с 2011 г. через китайский Чунцин проходит железная дорога, протяженностью 11,2 тыс. км², связывающая прибрежный порт Иу и немецкий Дуйсбург, занимающий значимое место в Рурской промышленной зоне Германии [9]. Из Дуйсбурга китайские товары могут быть доставлены в другие европейские страны. По мнению исполнительного директора порта Дуйсбург Эриха Стааке, эксплуатация магистрали принесет существенные экономические выгоды многим государствам, поскольку позволяет сократить время, затраченное на перевозку грузов, почти на 50% по сравнению с морскими перевозками [10]. Железная дорога проходит по территориям Казахстана, России и Польши. При этом дальневосточный участок российской Транссибирской магистрали фактически исключен из международного транспортного взаимодействия, что может повлечь серьезные проблемы для этого региона нашей страны. Альтернативой российскому

Транссибу может стать и Транскаспийский международный транспортный маршрут, по которому грузы из стран Северо-Восточной Азии будут доставляться в Европу.

Создание сухопутных транспортных коридоров позволит не только обезопасить транспортировку ближневосточной нефти в Китай, но и нарастить объем торгового оборота со странами Ближнего Востока.

Таким образом, политика современного Китая направлена на активное расширение транспортной инфраструктуры со странами Ближнего Востока, что способствует укреплению влияния Пекина в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК // «Жэньминь жибао» online. 19/11/2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023959.html>; Китай не свернет с пути социализма, пообещал Председатель КНР // РИА Новости. 17.03.2013. URL: <http://ria.ru/world/20130317/927647660.html> (дата обращения: 23.01.2016).
2. Петрунина, Ж. В. Китай на Ближнем Востоке: к вопросу о пересечении российско-китайских интересов / Ж. В. Петрунина // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества материалы VI международной научно-практической конференции. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет; Институт Конфуция в БГПУ, 2016. – С. 630.
3. Yitzhak Shichor. China's Upsurge: Implications for the Middle East / Yitzhak Shichor // Special Issue: Israel's National Security in the Twenty-First Century. V. 12. – № 4. – 2006. – P. 675.
4. Chinese police plan to board vessels in disputed seas // Reuters. 2012, 29 November. URL: <http://www.reuters.com/article/us-china-seas-idUSBRE8AS05E20121129> (дата обращения: 24.01.2016).
5. Китай призвал США не создавать проблем в Южно-Китайском море // Русская весна. 27.10.2015. URL: <http://rusvesna.su/news/1445921616> (дата обращения: 24.01.2016).
6. Современный Китай в условиях трансформации / отв. ред. Д. В. Кузнецов, Д. В. Буяров. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 37-44.
7. Mehreen, Zahra-Malik. China commits \$45.6 billion for economic corridor with Pakistan / Zahra-Malik Mehreen // <http://www.reuters.com/article/2014/11/21/us-pakistan-china-idUSKCN0J51C120141121> (дата обращения 12.01.2016); Царутян, С. Китай усиливается в Персидском заливе через Пакистан / С. Царутян. URL: <http://cont.ws/post/68855> (дата обращения: 12.01.2016).
8. Zheng Yanpeng. New rail route proposed from Urumqi to Iran / Zheng Yanpeng // ChinaDaily.Com.CN.21.22.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-11/21/content_22506412.htm (дата обращения: 25.01.2016).
9. New China-Myanmar oil pipeline bypasses Malacca trap // The Hindu. January 30, 2015. URL: <http://www.thehindu.com/news/international/world/new-chinamyanmar-oil-pipeline-bypasses-malacca-trap/article6839352.ece> (дата обращения: 24.01.2016).
10. Новый Шелковый путь укрепляет связи между Германией и Китаем – главный исполнительный директор порта Дуйсбург // «Жэньминь жибао» онлайн. 29.03.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8582536.html> (дата обращения: 24.01.2016).

Скрабневская Е. С.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Скрабневская Е. С.
E. S. Skrabnevskaya

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**ON THE ORGANIZATION AND ACTIVITY OF THE LOCAL GOVERNMENT
IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE SECOND HALF OF XIX AND EARLY XX CENTURIES**

Скрабневская Елена Серафимовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права (Россия, Хабаровск). E-mail: elena_s_s@rambler.ru.

Ms. Elena S. Skrabnevskaya – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of social sciences and humanities, Khabarovsk State University of Economics and Law (Russia, Khabarovsk). E-mail: elena_s_s@rambler.ru.

Аннотация. На основе архивных документов обобщен опыт организации и функционирования органов местного самоуправления Дальнего Востока Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Выявлены особенности их практической деятельности, определена специфика работы в условиях сосуществования двух взаимоисключающих социально-политических институтов – самодержавия и местного самоуправления. Приведены факты заинтересованности государственной власти царской России в местном самоуправлении для решения административно-хозяйственных, социально-культурных и иных задач, а также роль самоуправления в формировании гражданского общества. Определены недостатки местного самоуправления. Сформулированы общие принципы его эффективного функционирования: самостоятельность, активное участие населения, тесная связь с обычаями и традициями региона, государственная поддержка.

Summary. Based on archival documents the organization and functioning of the local government of the Russian Empire Far East in the second half of XIX and early XX centuries are summarized. The article reveals the features of their practice, defines specific work in co-existence of two mutually exclusive social and political institutions – autocracy and municipality. The author presents the facts that the tsarist Russia State power was interested in the local government to complete the administrative, economic, social and cultural tasks, as well as the role of municipality in the formation of the civil society. The article identifies shortcomings of municipality. General principles for its effective functioning: autonomy, active participation of the population, a close relationship with the customs and traditions of the region, government support are formulated.

Ключевые слова: местное самоуправление, Российская империя, Дальний Восток, городская дума, городской голова, собрание уполномоченных, земство, Временное правительство.

Key words: local government, Russian Empire, Far East, City Duma, mayor, meeting of commissioners, District Council, Temporary government.

УДК 94(571.6)

С начала 90-х гг. прошлого века в России продолжается поиск новых форм государственного устройства, сочетающих вертикаль государственной власти с принципами разумной децентрализации и местного самоуправления. Идея углубленной децентрализации, обеспечивающей участие населения в решении местных проблем, в мировой практике реализуется довольно давно. В соответствии с ней органы государственной власти и местного самоуправления включены и функционируют в рамках единой исполнительной вертикали. Российское же законодательство закрепляет тенденцию самостоятельности местного самоуправления, которое полностью выводится из системы государственной власти. Несомненно, местное самоуправление, существующее обособленно от органов государственной власти, приобретает более общественный характер. С другой

стороны, это важнейшее условие для самостоятельности органов местного самоуправления, которое необходимо для предотвращения сращивания их с системой государственной власти, подавления самодеятельности самоуправления силой государственной бюрократии. К сожалению, в последнее время в практической деятельности всё отчетливее проявляется стремление подчинить органы самоуправления государственной власти. Неоднократно поднимался вопрос о замене избираемых глав муниципальных образований сити-менеджерами, назначаемыми сверху. По существу это можно рассматривать как возврат к модели управления социалистического государства, в котором не было места реальному самоуправлению граждан. Между тем жизнеспособное местное самоуправление – необходимый этап в строительстве правового государства, поскольку оно является элементом системы сдержек и противовесов. Именно местное самоуправление способно оптимально сочетать общегосударственные интересы с интересами каждого отдельного муниципального образования, адаптировать государственные требования для своего региона, обеспечить обратную связь между обществом и государством. В условиях отсутствия значительного опыта демократического управления в современной России большее значение приобретает исторический опыт, и в первую очередь приобретенный в условиях авторитарного режима российской монархии. В данной статье на примере дальневосточной окраины России обобщается опыт формирования и развития местного самоуправления в конце XIX – начале XX вв.

История городского и земского самоуправления является неотъемлемой частью истории формирования гражданского общества России, которое складывалось со второй половины XIX в. в стремительном процессе замены традиционного общества индустриальным. Сложившуюся благодаря реформам Александра II систему управления можно рассматривать как попытку соединения взаимоисключающих социально-политических институтов – самодержавия и выборного самоуправления. Несомненно, такая модель предопределяла приоритет правительственного начала, поскольку окончательное решение принималось представителями царской администрации [2; 7].

Следует отметить, что, хотя создание местного самоуправления на Дальнем Востоке России осуществлялось на основе общероссийского законодательства, для региона этот процесс имел ряд особенностей. Так, например, местное всеобщее самоуправление до лета 1917 г. было представлено только городским самоуправлением. Вопрос о распространении земств на дальневосточную территорию рассматривался в МВД неоднократно, однако данная форма самоуправления была введена только нормативными актами Временного правительства.

Введение Городовых положений 1870 и 1892 г. на Дальнем Востоке России в большей степени можно считать политически обусловленным, нежели естественным процессом. На тот момент в регионе еще не существовало предпосылок для быстрого развития и роста эффективного городского самоуправления: городское население было малочисленным и в большей степени представлено военными служащими и чиновниками, которые, как правило, не располагали большим состоянием. А избирательный закон, особенно 1892 г., предусматривал довольно высокий имущественный ценз. Отсутствие необходимого числа избирателей определило сложность и затянутость (иногда на несколько недель) процедуры выборов гласных в городские думы. Численность гласных в регионе даже в начале XX в. не превышала 0,01 % от всего городского населения. В городах, где в первую очередь были проведены выборы (Владивостоке и Николаевске), из-за малочисленности гласных пришлось отказаться от образования городских управ, и обязанности коллегиального органа единолично исполняли городские головы [3; 4]. Подобная ситуация была характерна для всех колонизируемых окраин Российского государства. Так, если к 1917 г. из 900 российских городов городское самоуправление уже существовало в 717 городах, то в 308 из них – в упрощенной форме (староста и собрание уполномоченных из 15 – 20 чел.). На Дальнем Востоке самоуправление в таком виде было характерно для целого ряда городов: Никольска-Уссурийского, Алексеевска (ныне город Свободный), Зеи, Харбина. В Никольске-Уссурийском выборы городской думы прошли только в 1911 г. Таким образом, за сорок лет до февраля 1917 г. полноценные городские думы были созданы только лишь в 462 городах России, преимущественно в её европейской части [5, 35].

Дальневосточная окраина, в отличие от европейской России, ранее не была знакома с подобными формами самоуправления. Здесь, несомненно, уже существовали традиции крестьянского, казачьего самоуправления, самоуправления местных народов, но они сложились исторически и базировались на нормах обычного права. При всём этом перед дальневосточниками стояли сверхсложные задачи, связанные с освоением и закреплением региона за Российской империей, созданием современной тому времени инфраструктуры. Поэтому исходя из потребностей внутренней и внешней политики государства, вопреки мнению представителей местной администрации, на Дальнем Востоке всё же было сформировано местное самоуправление.

Создаваемые с 1875 г. органы местного самоуправления вынуждены были действовать в условиях приграничной территории со сложным по этническому, социальному и религиозному составу населением, большинство которого составляли мигранты из российских губерний, сопредельных государств и ряда стран Европы. Эта специфика Дальнего Востока особенно отчетливо проявлялась в самоуправлении Харбина, в котором с 1908 г. до начала 1920-х гг. среди уполномоченных можно было встретить иностранцев, при том что избирателями по российскому законодательству могли быть только подданные империи. Наличие широкого спектра различных социальных и этнических укладов и культур, порою даже антагонистических, предъявляло повышенные требования и к царским чиновникам, и к органам самоуправления, вынуждая последних прибегать к любым доступным методам: от обращения к сознательности горожан до обязательных распоряжений, от материального стимулирования до наложения взысканий. Стремительный рост населения, усложнение социальной системы, сравнительно высокие темпы экономического развития края требовали от выборных властей постоянного обновления используемых методов, поиска новых эффективных средств, гибкости в решении сложных вопросов, умения находить компромиссы [1; 6].

Региональная специфика российского Дальнего Востока – его отдаленность от европейской части страны, отсутствие в течение длительного времени средств сообщения, низкая плотность населения при самых высоких показателях прироста населения, неблагоприятные климатические и природные условия и пр. – предопределили масштабы деятельности органов местного самоуправления. Городским самоуправлениям дальневосточной окраины пришлось исполнять целый комплекс функций, как закрепленных за городами российским законодательством, так и проистекающих из повседневной практики: культурную, просветительскую, экономическую, социальную, санитарно-оздоровительную, а также некоторые функции государственных органов, особенно во время военных кампаний: помощь в проведении мобилизации, размещении и трудоустройстве беженцев и военнопленных и пр. Постоянный рост численности выходцев из Кореи и Китая заставил органы местного самоуправления заняться вопросами регламентации и контроля за их проживанием, оформлением торговых и промышленных документов, и особенно – соблюдением санитарных норм и поддержанием правопорядка. Следует отметить, что многие из направлений деятельности местного самоуправления сложились еще до распространения Городового положения на дальневосточный регион, т.к. они были вызваны насущными нуждами заселения и освоения края.

Реализация возложенных на города функций, их усложнение, постоянное появление новых способствовали не только численному росту исполнительных органов местного самоуправления, но и их специализации. Структура городских управ усложнялась, к началу XX в. она объединяла разноплановые комитеты и комиссии, которые по необходимости носили временный либо постоянный характер. Это, с одной стороны, позволяло сохранять стабильность управ, а с другой – придавало им гибкость и оперативность в решении внезапно возникавших проблем. Применение такой модели построения управленческого аппарата в современных условиях, несомненно, могло бы предотвратить необоснованное увеличение штата муниципальных служащих.

Говоря о достигнутых результатах в области благоустройства, образования, культуры, здравоохранения, санитарной и противопожарной деятельности и т.п., следует помнить, что все мероприятия городских самоуправлений проводились под строжайшим контролем местной администрации, от которого удалось избавиться только после февральских событий 1917 г. Правда,

тогда возникла иная крайность – самоуправления оказались предоставлены сами себе, поскольку до октября 1917 г. государственная власть на местах была представлена исключительно комиссарами Временного правительства, не имевшими никаких реальных властных полномочий. Этот краткий промежуток времени можно считать периодом наивысшего расцвета деятельности всех форм местного самоуправления в России.

Проведенный анализ деятельности органов городского самоуправления на Дальнем Востоке до начала 1920-х гг. позволяет прийти к выводу, что несмотря на многочисленные проблемы (финансовые, административные, природного характера и др.) города смогли добиться значительных результатов. Именно им принадлежит заслуга в формировании единого культурного пространства региона, которое включало как материальные объекты (предприятия, дороги, электростанции, водопроводы, телефонные станции, общественный транспорт, больницы, учреждения образования и пр.), так и духовные (благоприятные условия труда, возможность культурного досуга, разнообразные формы объединения по интересам, обеспечение безопасности и т.д.). Дальневосточные города по многим показателям развития инфраструктуры превзошли даже старинные города европейской части России. Так, уже в начале XX в. в г. Хабаровске существовало централизованное водоснабжение и электрическое освещение, в г. Владивостоке извозчиков теснили первые трамваи, во многих городах появились кареты скорой помощи, была налажена телефонная связь.

Конечно, достижения дальневосточных городов были не равнозначны. Результативность местных самоуправлений зависела от целого ряда факторов: активной позиции гласных и городских голов, отношения между выборными органами и представителями ведомств, от местоположения города и уровня социально-экономического развития и т.д. Совокупность указанных факторов способствовала эффективному развитию гг. Владивостока, Хабаровска, Харбина, Благовещенска, а с начала XX в. и Никольск-Уссурийского. В г. Николаевске же после перевода базы Тихоокеанского флота в г. Владивосток сложилась катастрофическая ситуация. Город приходил в упадок, предприниматели разорялись, население уезжало в поисках работы, налоги, пополнявшие городской бюджет, собирались с большим трудом. Процесс торможения социально-экономического развития сказался на всех сферах городской жизни, включая и местное самоуправление. В 1913 г. городская дума опустела – несмотря на угрозу лишиться своего статуса гласные игнорировали её заседания. Обстановка, сложившаяся в городе, доказывает, что не на всём пространстве дальневосточного региона существовали благоприятные условия для успешной реализации проекта по созданию всеобщего самоуправления.

Следует особо остановиться на социальном составе гласных. Социальная структура городских дум дальневосточной окраины всегда довольно точно отражала состав населения: в городских думах первых созывов доминировали дворяне и чиновники, но с начала XX в. состав гласных стали пополнять представители интеллигенции: гласными избирались учителя, врачи, инженеры и т.д. Аналогичные тенденции можно обнаружить и в других городах России, что является подтверждением начавшегося процесса формирования гражданского общества и усложнения его социальной структуры.

В целом в организации городских самоуправлений можно выделить следующие тенденции: расширение гласности в принятии решений по важнейшим вопросам городской жизни; вовлечение в деятельность самоуправлений представителей различных социальных групп, в том числе не являвшихся избирателями; стремление органов городского самоуправления к комплексному и всестороннему принятию и реализации решений по организации жизни городов; широкое использование опыта управленческой деятельности, накопленного в том числе и органами самоуправления других российских городов; отбор наиболее эффективных форм общественного управления; стремление выйти из-под опеки государственных структур, сопровождавшееся нарастанием оппозиционных настроений по отношению к органам государственной власти. С начала XX в. стала нарастать тенденция к координации и интеграции деятельности органов местного самоуправления на региональном и общероссийском уровнях: проводились совещания представителей дум, встречи городских голов, усилились контакты между городскими и земскими органами. В годы Первой

мировой войны был образован Всероссийский союз городов, включивший и города Дальнего Востока России.

Процесс формирования всеобщего самоуправления, созданного реформами Александра II, имел свою специфику в каждой российской губернии, крае, области. На Дальнем Востоке он отразил особенности, связанные с быстрым ростом городов, превращением их из военнo-чиновничьих центров в промышленные [8, 35-36]. Анализ истории местного самоуправления позволяет прийти к выводу о том, что, несмотря на неблагоприятную обстановку в регионе, реализация идеи местного самоуправления оказалась плодотворной. Она способствовала улучшению городских хозяйств, созданию благоприятных условий для жизни населения, торгово-промышленному прогрессу. Степень самостоятельности органов местного самоуправления неуклонно возрастала, они накапливали позитивный опыт по решению сложных городских проблем. Во многом вопреки контролю правительственной администрации, несовершенству российского законодательства и неоднозначности результатов деятельности органов местного самоуправления в 1870 – 1910-е гг., опыт местного самоуправления оказал положительное воздействие на развитие демократических основ Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галямова, Л. И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. / Л. И. Галямова. – Владивосток: Дальнаука, 2000.
2. Государственный архив Амурской области (ГААО), ф. 8-И, оп. 1, д. 27.
3. Коляда, А. С. Никольск-Уссурийский / А. С. Коляда. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 1997.
4. Матвеев, Н. П. Краткий исторический очерк Владивостока / Н. П. Матвеев. – Владивосток: Уссури, 1990.
5. Писарькова, Л. Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право / Л. Ф. Писарькова // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 25-39.
6. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ), ф. 159, оп. 1, д. 1.
7. Сергеев, О. И. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв. Очерки истории / О. И. Сергеев, С. И. Лазарева, Г. Я. Тригуб. – Владивосток: Дальнаука, 2002.
8. Скрабневская, Е. С. Разработка и реализация городской реформы в XIX веке в Российской империи / Е. С. Скрабневская // DIXI – 2011: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр. Вып. 2 / под науч. ред. А. Ю. Завалишина. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2011.

Наливайко Т. Е., Гранина Н. М.
T. Ye. Nalivaiko, N. M. Granina

**МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ К ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

UNIVERSITY STUDENT MOTIVATION TO RETRIEVAL ACTIVITY

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебно-воспитательной работе Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27, 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Ms. Tatiana Ye. Nalivaiko – Doctor in Education, Professor, Vice-rector for Educational Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013, tel. 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Гранина Наталья Михайловна – начальник подготовительного отделения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681032, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 70, кв. 55; тел.: 89142193622. E-mail: missisdea@mail.ru.

Ms. Natalia M. Granina – Head of the Preparatory Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 70, Vokzalnaya Str., apt. 55, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681032, tel.: +79142193622. E-mail: missisdea@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается информационно-поисковая деятельность студентов как компонент их информационной деятельности, обосновывается актуальность данного вида деятельности для профессионального становления будущего специалиста. Исследуется сущность информационно-поисковой деятельности. Раскрывается роль информационной мотивации при осуществлении информационного поиска.

Summary. The article deals with students' retrieval activities as part of their information activities, the urgency of this activity to become a specialist is focused on. The authors investigate the nature of retrieval activities and reveal the role of information motivation in retrieval activity.

Ключевые слова: информационная деятельность, информационно-поисковая деятельность, информационная система, поиск информации, имитационный компьютерный тренажер, информационная мотивация.

Key words: information activity, retrieval operations, information systems, information retrieval, computer simulator, information motivation.

УДК 378.1:004

Информационно-коммуникационные технологии прочно вошли во все сферы деятельности человека, в том числе в сферу образования. Информация в образовательной среде высших учебных заведений представлена большей частью в цифровом формате, а информационные источники объединены в электронные информационные массивы, доступ к которым возможен посредством технических средств (компьютеров, планшетов, сотовых телефонов). Эти условия повлекли за собой изменение требований к подготовке студентов в области взаимодействия с информацией: современный студент должен иметь доступ к различным информационным источникам, в том числе и электронным, уметь пользоваться этими источниками и извлекать из них нужную информацию, иметь навыки использования в своей деятельности технических средств получения, обработки и хранения информации. Для успешной учебной деятельности студентам необходимо уметь своевременно находить необходимую информацию и быстро, и качественно обрабатывать большие информационные объемы. В сложившихся условиях информационная деятельность студентов становится преобладающей.

Пусковым механизмом, побуждающим субъекта к информационной деятельности, являются информационные потребности. Для успешной информационной деятельности, как отмечают исследователи, занимающиеся данной проблематикой, студентам необходимо осознавать свои информационные потребности и иметь положительную мотивацию.

В психологии потребность понимается как состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и выступающее источником его активности. Потребность выступает как такое состояние личности, благодаря которому осуществляется регулирование поведения, определяется направленность мышления, чувств и воли человека [1]. Потребность представляет собой противоречие между чем-то необходимым и имеющимся у человека и выступает движущей силой деятельности. Информационные потребности представляют собой противоречие между имеющейся информацией (знаниями) и недостающей для решения какой-либо проблемы или задачи.

Потребности в информации, как выделяет в своем исследовании Лютикова Т.П., могут быть постоянными и эпизодическими, главными и второстепенными, осознанными и неосознанными, в зависимости от чего они по-разному понимаются и удовлетворяются субъектом деятельности [2]. Чтобы информационная деятельность была продуктивной и способствовала развитию информационной культуры личности, информационные потребности должны быть осознаваемы субъектом деятельности. Именно осознание собственных информационных потребностей приводит человека к поиску путей их удовлетворения, то есть к появлению информационной мотивации, которая представляет собой внутренние побуждения субъекта к информационной деятельности, вызывающие его активность и определяющие направленность самой деятельности.

В психологии мотивация понимается как совокупность внешних и внутренних условий, которые побуждают субъекта к активности, а также предмет или объект, на которых эта активность распространяется [2]. В социологии мотивацию рассматривают как осознаваемую потребность человека достигнуть определенных благ или определенных условий деятельности.

Информационная мотивация, по мнению Новиковой В.А., характеризует меру стремления субъекта к информационной деятельности, степень осознания собственных информационных потребностей в учебно-профессиональной деятельности и способности реализовывать их в образовательном процессе и вне его [3].

Информационная мотивация имеет следующие особенности:

- процесс мотивации тесно взаимосвязан с развитием основных функций мозга: с одной стороны, процессы мышления и памяти зависят от уровня мотивации, с другой стороны, на формирование мотивации оказывает прямое влияние уровень развития основных функций мозга;
- важным условием для формирования мотивации является создание обстановки психологического комфорта. Воспринимая информацию, человек не только осознает ее, но и выражает свое к ней отношение. Информация способна вызвать у человека различные эмоции: удивление, радость, отрицание и т.д. Можно сделать вывод, что эмоциональное сопровождение информационной деятельности повышает интерес студентов, стимулирует их познавательную активность и мотивацию.

Важной составляющей и залогом успеха информационной деятельности студентов является владение способами информационного поиска, т.е. владение способами отыскания в каком-либо подмножестве документов тех, которые соответствуют информационному запросу или содержат необходимые студенту факты или сведения, а также владение способами обработки и представления информации. В связи с чем в структуре информационной деятельности студентов выделяется информационно-поисковая деятельность, которая отражает уровень информационной компетентности студента и является основным фактором ее развития. Отличительной особенностью информационно-поисковой деятельности является ее организация, которая носит целенаправленный характер: студент осознает потребность в получении информации, которая побуждает его искать способ получения необходимой информации, при этом он понимает, для чего он выполняет те или иные действия по поиску (видит цель деятельности) и осознает, что он планирует получить в результате этих действий. Специфические действия по поиску информации направлены на соотне-

сение образа искомого с поисковыми описаниями информационных объектов, входящих в состав информационного ресурса или системы. Конечной целью информационно-поисковой деятельности студентов выступает возможность извлечь из информации необходимые знания.

В качестве внешнего средства информационно-поисковой деятельности выступают системы поиска информации. Поисковые системы электронных источников информации и информационных систем имеют, с одной стороны, индивидуальный, отличный от других систем, пользовательский дизайн, с другой стороны, общие элементы организации механизма поиска: простой (поиск по одному условию) и расширенный поиск (возможность задать параметры поиска в зависимости от определенных условий). В результате информационно-поисковой деятельности студент получает результат, который соответствует или не соответствует поисковому запросу. Поэтому эффективность поиска во многом зависит от психологических особенностей студентов, от того, как протекает их взаимодействие с информационной системой, посредством которой происходит процесс отыскания необходимой информации, от особенностей организации ее системы поиска и от умения студента выполнять поисковый запрос в данной системе.

При отсутствии у студента понимания принципов функционирования поисковой системы информационного ресурса, у него появляются трудности в выполнении поискового запроса. Это приводит к потере интереса по взаимодействию с данной информационной системой и снижению мотивации к информационно-поисковой деятельности в целом. Студент испытывает дискомфорт, у него появляются эмоции отрицания использования данной информационной системы. Поэтому для подготовки к информационно-поисковой деятельности возникает необходимость научить студентов поиску информации в информационных системах с объяснением принципа организации данных и функционирования поискового механизма таких систем. Инструментом обучения работе с информационными системами могут выступать имитационные компьютерные тренажеры, позволяющие в удобное время и в удобном для себя режиме студентам овладеть основами информационно-поисковой деятельности на примере определенного информационного ресурса. Использование активных методов обучения, к которым относится применение в образовательном процессе имитационных компьютерных тренажеров:

- позволяет развивать информационное мышление студентов;
- способствует вовлечению студентов в решение информационно-поисковых задач, максимально приближенных к реальным ситуациям;
- расширяет и углубляет знания из области взаимодействия с информацией;
- развивает практические навыки и умения информационно-поисковой деятельности;
- повышает мотивацию студентов к данному виду деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психологический словарь // Мир психологии. URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=697> (дата обращения: 13.06.2016).
2. Лютикова, Т. П. Развитие информационной культуры личности в образовательном процессе вуза: дис. ... канд. пед. наук / Т. П. Лютикова. – Ставрополь, 2006. – URL: <http://www.diss.rsl.ru> (дата обращения: 20.03.2011). – Заглавие с экрана.
3. Новикова, В. А. Информационно-образовательное пространство вуза как фактор формирования информационной профессиональной культуры будущего специалиста: дис. ... канд. пед. наук / В. А. Новикова. – Рязань, 2009. URL: <http://www.diss.rsl.ru> (дата обращения: 20.03.2011). – Заглавие с экрана.

Наливайко Т. Е., Ворончихина Е. Ю.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Наливайко Т. Е., Ворончихина Е. Ю.

T. Ye. Nalivaiko, E. Yu. Voronchikhina

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»**

**COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION OF BACHELORS MAJOR IN STATE
AND MUNICIPAL MANAGEMENT**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебно-воспитательной работе Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27, 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Ms. Tatiana Ye. Nalivaiko – Doctor in Education, Professor, Vice-rector for Educational Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013, tel. 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Ворончихина Елена Юрьевна – аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: missislana@mail.ru

Ms. Elena Yu. Voronchikhina – Post-graduate student, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: missislana@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме современной педагогики – совершенствованию подготовки бакалавра технического вуза в условиях перехода высшей школы на новое поколение стандартов высшего профессионального образования. Рассматривается коммуникативная компетентность – одна из наиболее важных составляющих профессиональной подготовки государственных и муниципальных служащих. Подчеркивается необходимость корректирования системы подготовки бакалавров, создания модели формирования коммуникативных компетенций.

Summary. The article is devoted to a vital problem of modern Pedagogy that is to improve bachelor training in technical universities in conditions of new standards of higher education. The authors study the communicative competence that is one of the most important components of professional training of public service employees, and point to the need of adjusting the system of bachelor training, as well as creating a model of communicative competence.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; профессиональная коммуникация; коммуникативная деятельность; государственный служащий; государственное и муниципальное управление; бакалавры.

Key words: communicative competence; professional communication; communicative activity; public service employee; state and municipal management; bachelors.

УДК 378

Одной из основных тенденций современного развития общества является повышение требований к уровню профессиональной подготовки выпускников высших учебных заведений. Перевод отечественного образования на новое поколение федеральных стандартов требует от высшей профессиональной школы пересмотра принципов и методов обучения и воспитания бакалавра, а введение профессиональных стандартов определяет горизонты для подготовки выпускника вуза как профессионала, владеющего не только знаниями, умениями и навыками, но и прошедшего школу профессиональной социализации, построенную на коммуникативном взаимодействии со всеми аспектами профессиональной деятельности.

Обучение коммуникативной деятельности является одной из доминант высшего образования, и в связи с этим перед педагогической наукой стоят новые задачи, заключающиеся, прежде всего, в создании концепции формирования коммуникативной компетентности у будущих бакалавров.

Развитие коммуникативной компетентности бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», является сегодня одной из ключевых образовательных задач их профессиональной подготовки. Указанной проблеме посвящены работы Ю.В. Рождественского, И.А. Стернина, Н.Н. Еговцевой, О.А. Астафьевой, Л.Д. Чайновой, Е.А. Запорожец и др.

На сегодняшний день в науке существует множество определений «коммуникативной компетентности». Проанализировав существующие исследования по данной проблеме, мы можем выделить два основных подхода, существующих в педагогической науке, относительно понимания сущности коммуникативной компетентности. Представители первого подхода в понимание процесса развития коммуникативной компетентности включают формирование знаний, умений и навыков общения. Представители второго подхода, помимо познавательного аспекта, – создание комплексного единства эмоционально-волевого и мотивационно-ценностного компонентов в личности выпускника высшей школы.

По мнению авторов данной статьи, под коммуникативной компетентностью бакалавра понимается приобретаемый в процессе обучения и воспитания комплекс личностных и профессиональных качеств, основанных на получении знаний, умений, навыков в области коммуникации и успешно применяемых в профессиональной деятельности и межличностных взаимоотношениях, способствующий профессиональному и личностному росту бакалавра.

Говоря о требованиях к коммуникативным способностям выпускника направления «Государственное и муниципальное управление», необходимо отметить, что они напрямую должны коррелировать с профессиональными требованиями, предъявляемыми к муниципальным и государственным служащим. Государственный служащий – это, прежде всего, государственный управленец, менеджер-чиновник, это человек, олицетворяющий власть и выступающий от ее лица, следовательно, он должен обладать высоким уровнем сформированности коммуникативной компетентности, так как на нём лежит колоссальная ответственность за профессиональное общение и его последствия.

Государственная и муниципальная служба является областью повышенной коммуникативной ответственности. Неправильная интерпретация устного и письменного распоряжения может привести к серьёзным последствиям в управлении, стать причиной недоразумений и конфликтов, различного рода ошибок в принятии решений.

Госслужащий является публичным лицом, поэтому должен обладать высоким уровнем коммуникативной культуры, уметь общаться и находить язык с широким кругом лиц, владеть различными приёмами как непосредственного, так и опосредованного общения с аудиторией. У него должны быть сформированы умения и навыки в области профессиональной коммуникации, которые помогут обеспечить высокую результативность и эффективность решения различного рода проблем, возникающих в ходе производственной и управленческой деятельности, а также помогут устанавливать успешные межличностные и договорные отношения в сфере государственного и муниципального регулирования.

Важно отметить, что профессиональное взаимодействие в отрасли государственного и муниципального управления представлено несколькими сегментами коммуникативной интеракции: между начальником и руководителем, между рядовыми сотрудниками; между государственными служащими и населением; между социальными институтами, службами, подразделениями. Эффективность принятия управленческих решений во многом зависит от того, насколько государственный или муниципальный служащий сумеет квалифицированно и конструктивно организовать коммуникационное взаимодействие в каждом из вышеобозначенных сегментов.

В ходе профессиональной деятельности госслужащему приходится не только заниматься нормотворчеством, интерпретировать документы и руководствоваться должностными инструкци-

ями, но и разъяснять и доказывать свою позицию, убеждать и переубеждать участников коммуникации, формировать общественное мнение. Сотрудник администрации любого уровня постоянно решает различные социальные, хозяйственные и личные проблемы граждан; общается с людьми, принадлежащими к различным социальным слоям и группам; контактирует с представителями разных общественно-политических взглядов и убеждений.

Бакалавр, обучавшийся по направлению «Государственное и муниципальное управление», должен стать «профессиональным коммуникатором», обладать высоким уровнем сформированности коммуникативной компетентности. Его подготовленность к решению профессиональных задач влияет не только на его личную репутацию, но и формирует имидж того учреждения, которое он представляет.

Для выявления степени подготовленности бакалавров направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» в течение 2015-2016 учебного года среди студентов выпускных курсов, обучавшихся по данному направлению, нами было проведено исследование, позволившее определить уровень сформированности коммуникативной компетентности, коммуникативных и организаторских склонностей и способностей. В исследовании использовались следующие методики: «Диагностика коммуникативных и организаторских склонностей» (КОС-2); «Диагностика общей коммуникативной толерантности», предложенная В.В. Бойко, «Диагностика коммуникативного контроля» М. Шнайдера и тест по культуре речи.

Как показало проведённое нами исследование, значительная часть будущих бакалавров имеет недостаточный уровень сформированности коммуникативной компетентности, что может привести впоследствии к проблемам с их трудоустройством и с эффективным выполнением ими своих должностных обязанностей.

Отсюда следует, что в процессе развития коммуникативной компетенции основной целью образовательного процесса является формирование личных и профессиональных коммуникативных качеств будущих государственных и муниципальных служащих и наполнение их соответствующими умениями и навыками, необходимыми для эффективного профессионального общения. Для того чтобы успешно реализовать данную цель, необходимо обеспечить выполнение ряда условий.

Развитие коммуникативных качеств у бакалавров происходит в ходе освоения теоретических знаний и практических умений и навыков. На теоретическом уровне студент изучает суть и специфику профессионального общения, характерного для государственной и муниципальной службы. Изучает правила и стили общения, усваивает необходимый набор знаний в области психологии и педагогики общения, анализирует наиболее распространенные случаи деловой и повседневной коммуникации и т.д. Практический уровень обучения предусматривает освоение и использование в обыденной и профессиональной деятельности умений и навыков коммуникации в различных социальных условиях.

При этом преподавателю необходимо делать упор на развитие знаний, умений и навыков, прежде всего, межличностного общения, т.е. в процессе преподавания различных дисциплин студент и педагог должны постоянно общаться, вести диалог, спорить, беседовать, что позволит, на наш взгляд, создать условия развития коммуникативной компетенции. На каждой дисциплине, особенно предметах психолого-педагогического и гуманитарного цикла, студент должен осваивать различные аспекты коммуникативного взаимодействия, нормы этики профессионального общения, приемы презентации идей и самопрезентации, учиться грамотному общению с аудиторией.

В программы учебных дисциплин и планы занятий необходимо включать темы и задания, направленные на освоение и выполнение риторических действий. Студент должен постоянно пребывать в непрерывном процессе коммуникации. Причем данный процесс должен носить интерактивный характер, то есть необходимо использовать различные способы и системы коммуникативного взаимодействия.

В этой связи мы считаем необходимым использование, прежде всего, интерактивных методов обучения. Интеракция позволит студенту освоить широкий спектр способов эффективной коммуникации, основанной на знаниях психологии, социологии и этики. Она сформирует навыки

неординарного мышления при решении проблемных ситуаций; научит правилам ведения дискуссии и спора, соблюдать принципы толерантности, доброжелательности и плюрализма мнений.

Основным наиболее эффективным методом в этом смысле нам видится «коммуникативная игра». Данный метод предполагает организацию коммуникативного взаимодействия, максимально приближенного к условиям реального процесса общения на производстве. Например, в сотрудничестве преподавателя и студента могут быть заложены примеры будущего взаимодействия руководителя и подчиненного.

Коммуникативная игра является, по сути, одной из разновидностей деловых игр. С той лишь разницей, что коммуникативная игра выполняет лишь риторическую функцию интерактивного взаимодействия, а деловая игра предусматривает весь комплекс деятельности, имеющий цель смоделировать реальную ситуацию, с которой будущий бакалавр может столкнуться на работе. Использование данного метода позволит будущим административным работникам освоить различные профессиональные функции и подготовиться к специфике взаимоотношений, господствующих в среде государственных и муниципальных служащих.

Кроме игр считаем, что целесообразно использовать в ходе обучения психологические групповые тренинги, способствующие повышению уровня коммуникативной подготовленности будущих государственных и муниципальных служащих, преодолению трудностей в общении, формированию коммуникативных способностей, необходимых в их профессиональной деятельности.

Тренинг общения способствует эффективному формированию и развитию техник общения, он позволяет разобрать и подготовиться к основным коммуникативным ситуациям, с которыми у служащего могут возникнуть трудности.

Кроме активных методов обучения вполне допустимы и пассивные дидактические системы. Например, очень эффективным для развития коммуникативных способностей является аналитическое наблюдение коммуникативного взаимодействия как реального, так и представленного в художественной форме. Оно дает не только возможность «тренировки» приобретенных познавательных средств, но и способствует овладению средствами регуляции собственного коммуникативного поведения. В частности, процесс наблюдения позволяет выявить систему правил, руководствуясь которыми, специалисты государственной или муниципальной службы организуют свое взаимодействие, понимают, какие правила способствуют, а какие – препятствуют успешному протеканию коммуникативных процессов. Не случайно наблюдение за коммуникативным поведением других людей рекомендуется в качестве эффективного способа повышения собственной компетентности.

Важным моментом процесса формирования коммуникативных навыков у государственных служащих является мысленное проигрывание своего поведения в различных ситуациях. Планирование своих действий «в уме» является составной частью нормально протекающего коммуникативного действия. Способность человека действовать «в уме» может быть целенаправленно использована для обеспечения «контролируемой спонтанности», являющейся важной характеристикой компетентного коммуникативного поведения [4].

Кроме указанной коммуникативной направленности различных дисциплин необходимо ввести в учебный план профессиональной подготовки государственных и муниципальных служащих дисциплины по выбору, такие как: «Основы профессионального общения», «Речевая культура государственного и муниципального служащего», «Управление коммуникациями», при изучении которых студенты усваивают навыки профессионального, грамотного, эффективного общения.

Данные курсы, во-первых, помогут студентам обобщить, систематизировать знания по вопросам общения, усвоенные ранее, получить новую информацию и более глубокие знания в области профессионального общения. Во-вторых, будут способствовать интенсивному развитию коммуникативных, в том числе профессиональных, качеств будущего госслужащего, его коммуникативных умений и навыков, раскрытию его коммуникативного потенциала. Цель указанных дисциплин – повысить уровень коммуникативной компетентности госслужащих, что, в свою очередь, является необходимым условием эффективности государственного управления.

Несомненно, ведущую роль в образовательном процессе играет преподаватель. Он должен являть собой эталон профессионального общения, деловой коммуникации. Студент находится в той системе координат, которую ему задает педагог, поэтому от его профессионализма и отношения к своей профессии зависит успешность профессиональной социализации будущего бакалавра.

Преподаватель является, с одной стороны, образцом коммуникативной деятельности профессиональной деятельности, а с другой стороны, он является организатором процесса формирования профессиональных качеств будущих государственных и муниципальных служащих, что повышает требования к уровню профессиональных и личностных качеств самого преподавателя.

В качестве вывода следует отметить следующее. Профессиональная деятельность государственных и муниципальных служащих носит, прежде всего, коммуникативный характер и, следовательно, важнейшей составляющей профессионального образования бакалавров направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» является формирование высокого уровня коммуникативной компетентности. Подготовка квалифицированного государственного или муниципального служащего должна быть направлена на развитие способностей к межличностному общению, умений использовать различные средства коммуникации, причем не только языковой, в различных социальных ситуациях.

Для решения данных дидактических задач необходимо скорректировать систему подготовки бакалавров, создать модель формирования коммуникативных компетенций, перенеся акцент подготовки на развитие практических способностей эффективной коммуникации в сфере профессионального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова, Л. В. Коммуникационная компетентность как компонент профессионализма и конкурентоспособности будущих менеджеров / Л. В. Богданова // Ученые записки (РГСУ). – 2009. – № 9. – С. 121-126.
2. Ведмецкая, Л. В. Проблемы профессионального языка государственных служащих и развитие системы государственного управления / Л. В. Ведмецкая // Общие вопросы политических наук. – 2012. – № 1.
3. Заливанский, Б. В. Формирование информационно-коммуникативных компетенций муниципальных служащих / Б. В. Заливанский // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7711> (дата обращения: 12.11.2015).
4. Запорожец, Е. А. Коммуникативная компетенция государственных служащих: структура, содержание, условия формирования / Е. А. Запорожец // Вопросы управления. – 2009. – № 3(8) сентябрь.
5. Наливайко, Т. Е. Понимание «коммуникативной компетентности» в контексте подготовки государственных и муниципальных служащих / Т. Е. Наливайко, Е. Ю. Ворончихина // Альманах мировой науки. – 2016. – № 1-2(4).

Анкудинова М. А.
M. A. Ankudinova

СОВПАДАЮЩИЕ ПО ПЛАНУ ВЫРАЖЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ НА БУКВЫ «Б» И «В» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

LEXICAL UNITS STARTING WITH THE LETTERS «Б» AND «В» MATCHING IN THE PLANE OF EXPRESSION (BASED ON THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Анкудинова Мария Андреевна – аспирант кафедры русского языка и литературы Амурского государственного педагогического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, д. 17, корп. 2. E-mail: mari_gm@mail.ru.

Ms. Maria A. Ankudinova – PhD student of Russian Languages and Literature Chair, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Komsomolsk-on-Amur, 17/2, Kirov Str. E-mail: mari_gm@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена совпадающим по плану выражения лексическим единицам на буквы «б» и «в» на материале русского и английского языков. Выбранные методом случайной выборки лексические единицы классифицируются и разбираются с точки зрения их написания и произношения.

Summary. This article is devoted to lexical units starting with the letters «б» and «в» matching in the plane of expression, based on the Russian and English languages. Lexical units were chosen by the random sampling method, were classified and analyzed, based on their spelling and pronunciation.

Ключевые слова: лексические единицы, написание, произношение.

Key words: lexical units, spelling, pronunciation.

УДК 81:1

Исторически сложилось так, что под воздействием различных факторов, от результатов военных походов до развития искусства и культуры, языки влияли друг на друга. Однако принимая в себя те или иные элементы, язык в дальнейшем развивался и изменялся согласно своим собственным внутренним правилам. Таким образом, однажды заимствованная лексическая единица могла потерять свое первоначальное значение или же свою буквенную форму. Впрочем, данных изменений могло не произойти вообще и/или они были настолько незначительны, что даже спустя столетия лексическая единица все еще сохранила похожесть или же вовсе идентична своему лексическому предку.

Разумеется, все изменения, произошедшие в связи с очевидным буквенным и звуковым содержанием языков, в данном случае считаются нормальными и ожидаемыми. Возвращаясь, однако, к заимствованиям, можно смело констатировать, что их было действительно необычайно много. И с наступлением XX века их не стало меньше. Глобализация сильно повлияла на распространение языков, сделав, в частности, английский язык популярным и предпочитаемым для изучения по всему миру. Вместе с развитием массовой культуры, социальных сетей и интернета в целом английский язык прочно закрепил свои позиции и наполнил языки различными новыми, до этого не известными словами и концептами. Русский язык не стал исключением в этой области. «Лайки» и «кофебрейки» перестали быть просто странными словами и вошли в ежедневный лексикон носителей русского языка.

Однако нельзя сказать, что столь активные заимствования являются неким новым явлением. Как мы уже говорили, процесс заимствования лексических единиц происходил в течение столетий и был связан, отчасти, с теми же самыми причинами, которые стоят за заимствованиями и в наши дни. Появление некоего нового предмета или явления, пришедшее в язык вместе с новой культурой или новым событием, незнакомыми прежде, и не имеющее аналогов в языке заимствования

ставило вопрос о том, как же собственно его называть. Использование незнакомой, но закреплённой за понятием лексической единицы становилось решением проблемы. Так появились «вулканы» и «баррикады». Но что стало с этими словами в наши дни? Насколько сильно они изменились и чем отличаются от своих далеких или же близких родственников, если отличаются вообще. Могут ли носители языков (в данной работе здесь и далее мы имеем в виду носителей русского и английского языков соответственно) опознать эти слова вне зависимости от того, каким уровнем знания языка они владеют. Будет ли одна категория лексических единиц представлять большую трудность, нежели другая? Взяв этот и другие связанные с ним вопросы на рассмотрение, мы приступили к сравнению совпадающих по плану выражения лексических единиц в русском и английском языках. В данной статье будет идти речь о существительных, начинающихся на буквы «б» и «в» соответственно.

Исследование было начато с подбора лексических единиц. Для отбора использовался «Oxford Russian Dictionary» под редакцией Пола Фалла (Paul Falla), Маркуса Вилера (Marcus Wheeler) и Бориса Унбегауна (Boris Unbegaun) [1]. С целью выявления совпадающих лексических единиц данный словарь был обработан методом подбора слов. Выявленные лексические единицы были предварительно классифицированы следующим образом:

- 1) совпадающие по написанию;
- 2) совпадающие по произношению;
- 3) совпадающие по написанию и произношению.

Рассмотрим данную классификацию непосредственно на примере лексических единиц. Следует также отметить, что как только была начата работа по классификации собранного лексического материала и были выделены критерии для классификации, стало понятно, что данные критерии не являются абсолютными и полный разбор каждой отдельно взятой лексической единицы приводит к неожиданным и неоднозначным результатам, не всегда позволяя полностью отнести слово к той или иной группе. И как только данная проблема появилась, был в некотором роде определен курс нашего исследования в целом.

Лексические единицы, совпадающие по написанию

Начнем наш анализ с лексических единиц, совпадающих по написанию. В данном случае мы говорим о буквенной составляющей лексических единиц, то есть о количестве букв и их порядке в слове. Разумеется, словообразующие элементы языков, такие как суффиксы и окончания, в данном случае являются очевидными различиями.

В целях упрощения категоризации лексических единиц они будут представлены следующим образом: слово на английском языке, его транскрипция – слово на русском языке, его транскрипция.

Beneficiary – [ˌbeniˈfɪʃ(ə)ri] – Бенефициарий – [б'эн'эф'иц'ьяр'ий'] [1; 2].

Букв в английском языке (а.я.) – 11. Букв в русском языке (р.я.) – 12.

Как мы видим, количество букв не совпадает, однако выше мы уже упоминали о том, что словообразующие элементы являются очевидными различиями, то есть окончание – *ий* в русском языке не является существенным отличием, в то время как звуковая составляющая слова имеет четкое отличие в звуках – *f* (*w*) в английском языке и – *ц* в русском языке.

Biography – [baɪˈɒɡrəfi] – Биография – [б'иаграф'ий'а] [1; 2].

Букв в а.я. – 9. Букв в р.я. – 9.

Количество букв совпадает, но не по причине полного соответствия. Сочетание двух согласных – *ph* в английском языке обозначает звук – *f* (*φ*), и в русском языке обе эти буквы представляет одна буква – *ф*. Данное отличие, казалось бы, не позволяет отнести слова к совпадающим по написанию, однако здесь присутствует тот элемент неоднозначности, о котором мы говорили выше. Дело в том, что произношение этих двух слов отличается звуками в приставках – *bio* и – *био* соответственно. В английском языке присутствует сложный гласный звук – *aɪv* (*айо*), следовательно, слова не совпадают по произношению. При этом сходство английского и русского слов

очевидно, и в данном случае из двух неполных соответствий мы выбираем менее критичное. Таким образом, мы относим слова к совпадающим по написанию лексическим единицам.

Biology – [ˈbaɪˈɒlədʒi] – Биология – [б'иалог'ий'а] [1; 2].

Букв в а.я. – 7. Букв в р.я. – 8.

Количество букв не совпадает из-за окончания в русском языке, что не является существенным отличием. В звуковом содержании слова нам снова встречаются приставки – *bio* и – *био* соответственно, и слова не совпадают по произношению.

Biosphere – [ˈbaɪəʊˌsfɪəri] – Биосфера – [б'иасф'эра] [1; 2].

Букв в а.я. – 9. Букв в р.я. – 8.

Количество букв не совпадает из-за сочетания согласных – *ph* в английском языке. Выше мы уже делали разбор этой особенности и пришли к выводу, что данное отличие не является существенным.

Budget – [ˈbʌdʒɪt] – Бюджет – [б'удж'эт] [1; 2].

Букв в а.я. – 6. Букв в р.я. – 6.

Количество букв совпадает полностью. Звуковая составляющая слова отличается гласными звуками – *a* (а) в английском языке и – *у* в русском языке.

Buffet – [ˈbʌfɪt] – Буфет – [буф'эт] [1; 2].

Букв в а.я. – 6. Букв в р.я. – 5.

Количество букв не совпадает из-за двойной согласной – *f* в английском языке, данное отличие не является существенным.

Bomb – [bɒm] – Бомба – [бомба] [1; 2].

Букв в а.я. – 4. Букв в р.я. – 5.

Количество букв не совпадает из-за окончания – *a* в русском языке, что не является существенным отличием. Звуковая составляющая слова отличается тем, что в английском языке буква – *b* на конце слова не читается.

Bison – [ˈbaɪs(ə)n] – Бизон – [б'изон] [1; 2].

Букв в а.я. – 5. Букв в р.я. – 5.

Количество букв совпадает полностью. Звуки отличаются тем, что в английском языке присутствует ударный дифтонг – *ai* (ай), а также слабая гласная – *ə* (слабая е).

Лексические единицы, совпадающие по произношению

Здесь мы говорим о звуковой составляющей лексических единиц, то есть о том, как слово произносится, соответственно, о звуках.

Blitzkrieg – [ˈblɪtskriːg] – Блицкриг – [бл'ицкр'ик] [1; 2].

Букв в а.я. – 10. Букв в р.я. – 8. Звуков в а.я. – 9. Звуков в р.я. – 8.

Произношение слова совпадает в обоих языках, в то время как буквенные составляющие различаются буквами – *ts* и – *ц*, – *ie* и – *и*. Данное слово происходит из немецкого языка, и в английском языке оно полностью сохраняет немецкую буквенную структуру [3]. В русский язык оно было заимствовано на фонетическом уровне. Таким образом, слова совпадают по звучанию в обоих языках, но отличается по написанию.

Botox – [ˈbəʊtɒks] – Ботокс – [ботакс] [1; 2].

Букв в а.я. – 5. Букв в р.я. – 6. Звуков в а.я. – 7. Звуков в р.я. – 6.

Произношение слов совпадает. Слово изначально пришло из английского языка, в дальнейшем было заимствовано в русский язык [3]. Количество букв не совпадает из-за буквы – *x* [ks], из-за чего слова совпадают по произношению, но не совпадают по написанию.

Bouquet – [ˈbʊˈkeɪ] – Букет – [бук'эт] [1; 2].

Букв в а.я. – 7. Букв в р.я. – 5. Звуков в а.я. – 6. Звуков в р.я. – 5.

Произношение слов совпадает не полностью из-за того, что в английском языке последняя буква – *t* не читается. В английский язык слово пришло из французского языка, полностью сохранив свою буквенную и звуковую формы [3]. Тем не менее схожесть слов очевидна, и поскольку буквенные составляющие слов сильно отличаются, в данном случае из двух неполных соответ-

ствий мы выбираем менее критичное и относим данную лексическую единицу к совпадающим по произношению.

Bourgeois – [ˈbʊəʒwa:] – Буржуа – [буржуа́] [1; 2].

Букв в а.я. – 9. Букв в р.я. – 6. Звуков в а.я. – 6. Звуков в р.я. – 6.

Произношение слов совпадает не полностью из-за того, что в английском языке буква – *r* не читается. Как и в предыдущем случае, слово произошло из французского языка [3]. Из двух неполных соответствий мы склоняемся к совпадению по произношению.

Boutique – [bu:ˈti:k] – Бутик – [бут'ик] [1; 2].

Букв в а.я. – 8. Букв в р.я. – 5. Звуков в а.я. – 5. Звуков в р.я. – 5.

Произношение совпадает полностью. Слово также пришло из французского языка [3].

Bureau – [ˈbjʊ(ə)rəʊ] – Бюро – [б'уро] [1; 2].

Букв в а.я. – 6. Букв в р.я. – 4. Звуков в а.я. – 6(7). Звуков в р.я. – 4.

Произношение слов совпадает, несмотря на то что в английском варианте присутствуют сложные гласные звуки. Слово французского происхождения [3].

Browser – [ˈbraʊzə] – Браузер – [брауз'эр] [1; 2].

Букв в а.я. – 7. Букв в р.я. – 7. Звуков в а.я. – 6. Звуков в р.я. – 7.

Произношение слов совпадает не полностью из-за того, что в английском языке последняя буква – *r* не читается. Слово изначально пришло из английского языка [3]. Буквенное содержание слов также не совпадает. Буква – *s* в английском языке находится между двумя звонкими и поэтому читается звонким звуком – *z*, что в русском соответствуют букве и звуку – *з*. Таким образом, мы относим слова к совпадающим по произношению.

Лексические единицы, совпадающие по написанию и произношению

Мы уже рассмотрели множество примеров лексических единиц, совпадающих по написанию и произношению, в ходе анализа этих примеров мы выявили ряд особенностей, которые влияют на сходство лексических единиц, в частности, не позволяют нам говорить о полном сходстве той или иной единицы. Однако существует также множество слов, буквенные и звуковые составляющие которых в русском и английском языке практически идентичны.

Banjo – [ˈbændʒəʊ] – Банджо – [банджа] [1; 2].

Букв в а.я. – 5. Букв в р.я. – 6. Звуков в а.я. – 6. Звуков в р.я. – 6.

Буквенные составляющие слов отличаются из-за буквы – *j* в английском языке, которая обозначается звуком – *dʒ* (*дж*) и соответствуют русским буквам – *дж* и звукам – *дж*. Похожие отличия были нами уже разобраны, и мы не относим их к критичным. Разумеется, следует также отметить небольшие различия в гласных звуках – *æ* (*э*) и – *a*, однако, данные отличия также не являются критичными. В остальном написание и произношение слов совпадает.

Baobab – [ˈbeɪəbæb] – Баобаб – [баабап] [1; 2].

Букв в а.я. – 6. Букв в р.я. – 6. Звуков в а.я. – 6. Звуков в р.я. – 6.

Буквенные составляющие слов полностью совпадают. Слово африканского происхождения было заимствовано языками практически без изменений [3]. В звуковом составе слов наблюдаются небольшие изменения в гласных звуках – *eɪə* (*эйе*) и – *aa*, а также в согласных звуках – *b* и – *n*. Однако они не меняют произношение ключевым образом, и поэтому мы относим данные слова к совпадающим по произношению и написанию.

Bikini – [biˈki:ni] – Бикини – [б'ик'ин'и] [1; 2].

Букв в а.я. – 6. Букв в р.я. – 6. Звуков в а.я. – 6. Звуков в р.я. – 6.

Написание и произношение слов совпадает полностью. Изначально английское слово было заимствовано в русский язык без изменений [3].

Blogger – [ˈblɒɡə(r)] – Блоггер – [блогг'эр] [1; 2].

Букв в а.я. – 7. Букв в р.я. – 7. Звуков в а.я. – 6(7). Звуков в р.я. – 7.

Изначально английское слово было заимствовано практически без изменений [3]. Единственное отличие состоит в последней букве английского слова – *r*, которая слабо артикулируется, вследствие чего она может не произноситься. Но данное отличие не является критичным.

Boiler – [ˈbɔɪlə] – Бойлер – [бой'л'эр] [1; 2].

Букв в а.я. – 6. Букв в р.я. – 5. Звуков в а.я. – 6. Звуков в р.я. – 6.

Произношение и написание слов совпадает за исключением последней буквы – *r* в английском варианте слова. Эта особенность нами уже была рассмотрена, мы не относим ее к критичной и поэтому говорим, что слова совпадают по написанию и произношению.

Bonus – [ˈbʌnʊs] – Бонус – [бонус] [1; 2].

Букв в а.я. – 5. Букв в р.я. – 6. Звуков в а.я. – 5. Звуков в р.я. – 5.

Слово, изначально пришедшее из древней латыни, было в разное время заимствовано двумя языками [3]. Буквенные и звуковые составляющие слов совпадают, за исключением дифтонга – *av* в английском языке. Впрочем, данное отличие не является критичным, и слова классифицируются как совпадающие полностью.

Ballerina – [ˌbæləˈri:nə] – Балерина – [бал'эр'ина] [1; 2].

Букв в а.я. – 9. Букв в р.я. – 8. Звуков в а.я. – 8. Звуков в р.я. – 8.

Количество букв совпадает не полностью. В английском слове присутствует удвоенная согласная – *l*, в то время как в русском слове, а также в обеих транскрипциях удвоенная согласная – *l* и – *л* отсутствует. Данное отличие не является критичным, так как удвоенные согласные мало влияют на произношение, и мы классифицируем данные лексические единицы как совпадающие по написанию и произношению.

Ballistics – [bæˈlɪstɪks] – Баллистика – [балл'ист'ика] [1; 2].

Букв в а.я. – 10. Букв в р.я. – 10. Звуков в а.я. – 9. Звуков в р.я. – 10.

Количество букв совпадает полностью, но в этом случае, как и в предыдущем, присутствует отличие, связанное с буквой – *l*. На этот раз все наоборот. В обоих словах и в русской транскрипции – *l* и – *л* удвоенны, в то время как в английской транскрипции – *l* одна. Данное отличие также не критично.

Boss – [bɒs] – Босс – [босс] [1; 2].

Букв в а.я. – 4. Букв в р.я. – 4. Звуков в а.я. – 3. Звуков в р.я. – 4.

Количество букв совпадает полностью. Количество звуков не совпадает из-за того, что в английской транскрипции – *s* всего одна, но это не влияет на произношение, поэтому слова относятся к совпадающим по написанию и произношению.

Подводя итог представленной выше классификации, мы хотели бы еще раз обратить внимание на то, что она носит в некоторой степени условный характер и, в сущности, находится под влиянием такого субъективного фактора, как человек. Как только нами был полностью проведен сбор лексических единиц, которых в конечном итоге оказалось целое множество, мы встали перед выбором, каким образом классифицировать собранный материал. Если мы говорим о схожести лексических единиц, то мы говорим о внешней буквенной форме или же звуковой составляющей слова, или о значении слова и его этимологии? В чем заключается это сходство и что играет ключевую роль в опознании слова носителями языка? Смогут ли носители русского языка написать русскую версию представленного им английского слова, если они будут иметь только письменную или только звуковую форму? Поможет ли им буквенная или звуковая форма понять незнакомое им до этого слово? Ответ на эти вопросы могут дать только непосредственно сами носители языка, в связи с чем было решено провести ассоциативный эксперимент. И данная статья, в сущности, является фрагментом диссертационной работы, положенным в основу самого эксперимента.

Закрепим выше обозначенную концепцию при помощи еще нескольких примеров. Возьмем четыре слова: *bistro*, *biopsy*, *bouillon*, *broccoli*. Может ли носитель русского языка узнать в них совпадающие с русским языком лексические единицы лишь на основе буквенной формы? Или же потребуется прослушать запись с данными словами, чтобы услышать знакомые звуки? Возможно, даже после этого сходство слов для носителя языка не станет очевидным. С целью ответа на эти вопросы нами и будет проведен эксперимент. А в настоящее время мы представим разбор этих четырех слов.

Bistro – [ˈbi:stɹəv] – Бистро – [б'истро] [1; 2].

Букв в а.я. – 6. Букв в р.я. – 6. Звуков в а.я. – 7. Звуков в р.я. – 6.

Количество букв и произношение совпадают, несмотря на то что в английском варианте присутствует дифтонг – *av*. Слово произошло от французского слова *bistro*, впервые зафиксированного в 1884 году [3]. Слово было заимствовано языками без изменений. Следовательно, мы относим данные лексические единицы к совпадающим по написанию и произношению.

Biopsy – [ˈbaɪɒpsi] – Биопсия – [б'иапс'ий'а] [1; 2].

Букв в а.я. – 6. Букв в р.я. – 7. Звуков в а.я. – 7. Звуков в р.я. – 8.

Количество букв не совпадает из-за окончания – *ия* в русском слове, что не является критичным отличием. Звуковые составляющие слов отличаются из-за сложного гласного звука – *aiɪv* (*айю*) в английском языке. Таким образом, слова совпадают по написанию, но не совпадают по произношению.

Bouillon – [ˈbuːjɒn] – Бульон – [бул'он] [1; 2].

Букв в а.я. – 8. Букв в р.я. – 6. Звуков в а.я. – 5. Звуков в р.я. – 5.

Данный пример представляет собой довольно неоднозначный случай. Слово французского происхождения сохраняет в английском языке характерную французскую буквенную структуру и произношение [3]. Звуковые формы не совпадают из-за того, что согласные буквы – *ll* в английском слове не читаются. Количество букв также не совпадает. Тем не менее сходство двух лексических единиц очевидно. Итак, слова не совпадают по нашим критериям, но мы классифицируем их как совпадающие по произношению. Нам кажется, что именно звуковая структура поможет носителю опознать лексическую единицу. Впрочем, возможно, сами носители с нами не согласятся.

Broccoli – [ˈbrɒkəli] – Брокколи – [броккал'и] [1; 2].

Букв в а.я. – 8. Букв в р.я. – 8. Звуков в а.я. – 7. Звуков в р.я. – 8.

Слова совпадают по написанию и произношению. Сходство лексических единиц очевидно, несмотря на разное количество звуков из-за отсутствия в английской транскрипции удвоенной согласной – *k*. Выше мы уже оговаривали, что данная особенность английской звуковой системы не влияет на произношение самого слова.

Как мы уже говорили, представленные выше лексические единицы войдут в основу ассоциативного эксперимента, который закрепит или опровергнет сделанную нами классификацию. Хотелось бы еще раз отметить, что языки действительно во многом повлияли друг на друга в своем развитии, сохранив в себе огромное количество приобретенных заимствований. Данные лексические единицы продолжают жить в языках, сохраняя буквенные или звуковые черты друг друга, и факты наличия между ними сходств или отличий могут быть обнаружены носителями языка. Помогает ли это упростить межлингвистическое понимание или наоборот затрудняет его – вопрос, ответ на который отчасти мы постараемся найти в нашем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Falla, P. Oxford Russian Dictionary (fourth edition) / P. Falla, M. Wheeler, B. Unbegaun // New York : Oxford University Press, 2007. – 1322 p.
2. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. – М.: 1983. – 702 с.
3. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : [http:// www.etymonline.com](http://www.etymonline.com) (дата обращения 14.06.16).

Астахов О. Ю.
O. Yu. Astakhov

ВРЕМЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

TIME AS THE CULTURE PHENOMENON IN THE CREATIVE REFLECTION OF RUSSIAN SYMBOLISM AT THE END OF THE XIX th – THE BEGINNING OF THE XX th CENTURY

Астахов Олег Юрьевич – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры (г. Кемерово). E-mail: astahov_oleg@mail.ru.

Mr. Oleg Yu. Astakhov – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Cultural Studies Department, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo). E-mail: astahov_oleg@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается понимание времени в русском символизме конца XIX – начала XX вв. в аспекте его отношения к культуре как способа выражения связей субъективного переживания с завершенной картиной мира. Акцентируется внимание на первых сочинениях русских символистов Н. М. Минского, Д. С. Мережковского, В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта, в которых преодолевается темпоральный рационализм в представлениях о мироустройстве, предполагающем осуществление символических связей и отношений. Их творческая рефлексия выступает как трансцендентное усилие, выводящее человека в сферу, независимую от сиюминутных чувственных настроений. Одновременно не менее значимым является момент, связанный с возвращением к настоящему времени, что определяется необходимостью реализации особой чувственности, способной открыть всеобщие связи явлений, лежащих в основе культурных изменений. Подобные устремления, связанные с необходимостью установления таких антонимичных связей динамики переживания настоящего времени с целостной картиной мира, ориентированной к трансцендентальному, явились следствием желания символистов преодолеть дискретность времени, выраженную в кризисных характеристиках культуры.

Summary. The article considers the issues of understanding the concept of time in the Russian symbolism of the end of the XIX th– the beginning of the XXth century within its attitude towards culture as a way for expressing communications of subjective experience with a complete picture of the world. The author focuses attention on the first compositions of the Russian symbolists such as N. M. Minskii, D. S. Merezhkovskii, V. Ya. Bryusov, K. D. Bal'mont; they overcome temporal rationalism in ideas of the world order assuming implementation of symbolical communications and relations. Their creative reflection acts as the transcendental effort bringing the person to the sphere not depending on momentary sensual moods. Simultaneously, the moment connecting with returning to the present time is not less significant, that is defined by need of realizing the special sensuality capable to open general communications of the phenomena, which are the cornerstone of cultural changes. The similar aspirations connecting with need for establishing such antonymous communications for dynamics of the present time experience with the complete picture of the world focused to the transcendental were a consequence of symbolists' desire to overcome the discretization of time expressed in crisis characteristics of culture.

Ключевые слова: темпоральная дискретность и непрерывность, время, русский символизм, творческая рефлексия, чувственное мировосприятие.

Keywords: temporal discretization and continuity, the time, Russian symbolism, creative reflection, sensual world attitude.

УДК 008

Понимание времени как культурной универсалии представляется основанием для выявления ценностных доминант в характеристике мировоззренческих устремлений человека, определяющих его суждениями о закономерностях и случайностях, о смерти и бессмертии, о смысле жизни и своем предназначении и т.д. Как отмечает Т. А. Алексина, такое ярко выраженное антро-

пологическое содержание проблема времени начинает приобретать в конце XIX в. [1]. Одним из первых исследователей, кто обратил внимание на эту особенность, стал О. Шпенглер, отмечавший в своей работе «Закат Европы» уникальность толкования времени: «Время есть слово, служащее для обозначения чего-то непонятного, слово, которое совершенно ложно толкуют, если подвергают его как понятие научному толкованию» [14, 202]. Неслучайно парадоксальность толкования времени актуализируется в начале XX в. – это период, характеризующийся многими исследователями как переходный или кризисный. Сам О. Шпенглер отмечал, что рубеж веков, связанный с радикальным переосмыслением предшествующих традиций и ценностей, знаменует собой катастрофу, поэтому в своей работе философ указывал на необходимость создания новой морфологии всемирной истории. В свою очередь, понимание времени выступает для исследователя как индикатор тех глубинных процессов, которые указывают на отношение человека к культуре, поэтому в объяснении времени рациональная причинность нивелируется. В связи с этим О. Шпенглер отмечает: «Не математика и абстрактное мышление, а история и живое искусство – и я прибавлю еще – великий миф – дают нам ключ к проблеме времени» [14, 210].

Подобного рода выводы, связанные с характеристикой времени в отношении к его чувственному переживанию, не могли возникнуть случайно. Во второй половине XIX в., во многом благодаря неклассической философии А. Шопенгаура, Ф. Ницше и др., эти идеи начинают реализовываться в контексте понимания творчества и возможностей преобразования культуры в аспекте ее естественного развития при сохранении множественности смыслов и значений. О. Шпенглер писал: «Всякая настоящая протяженность, настоящая, поскольку она являет собою осуществленное переживание, в действительности осуществляется исключительно переживанием глубины; и как раз это направление, протяжение в глубину, в даль – для глаза, чувства или мышления – этот переход от чувственно-хаотической плоскости к космически-устроенной картине мира и есть то, что, обретаясь в чистом становлении, обозначается словом „время”» [14, 263]. Подобные устремления, связанные с необходимостью установления таких протяженных связей субъективного переживания с завершенной картиной мира, явились следствием желания преодолеть дискретность времени, выраженную в кризисных характеристиках культуры, что отчетливо было представлено еще в первых сочинениях русских символистов конца XIX в.

Показательным в этом отношении является тот факт, что новые устремления к открытию подлинного творчества реализовывались при ориентированности на манифестационность высказываний авторов, что актуализировало значимость призыва к будущему в настоящем времени. Еще в 1890 г. Н. М. Минский в своем манифесте «При свете совести» заявил о необходимости постижения в творчестве бесконечно таинственного содержания, не поддающегося пониманию. Страстное желание автора найти некое объединяющее, примиряющее начало всех человеческих ценностей реализовалось в обращении к меонизму, в котором открывалась высокая и насущно-значимая цель. Действительность не исчерпывается миром явлений, так как существует иная реальность, реальность абсолютного небытия «меонов», непознаваемых, несуществующих «святых». Таким образом, ставился ключевой вопрос об определении творчества, связанного с обретением целостности в поисках предельного смыслополагания, что неизбежно сопровождалось стремлением к преодолению дискретности времени, к утверждению значимости времени абсолютного.

В 1893 г. был опубликован философско-публицистический манифест Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», в котором автор заявил о необходимости определения пути дальнейшего развития литературы и культуры в целом, что способствовало появлению идей, связанных с ознаменованием первой волны символизма. Русский символизм представлялся Д. С. Мережковскому как продолжение лучших традиций литературы в контексте культурно-исторических связей и отношений. Однако в условиях настоящего времени с его установкой на прагматизм невозможна реабилитация ценностей прошлого, поэтому автор писал: «Великая позитивная и научная работа последних двух веков, конечно, не прошла даром. [...] Потому-то стародавний, вечный идеализм в искусстве мы имеем право назвать новым, что он является в сочетании еще небывалом с последними выводами научной критики и научного

натурализма, как неистребимая никакими сомнениями потребность человеческого сердца» [11, 502]. И эта потребность в реализации идеализма в искусстве была принята автором в контексте рассмотрения всеобщих культурно-исторических изменений. Как справедливо отмечает Т. И. Ерохина, для Д. С. Мережковского важным становится определение роли русской литературы в контексте мировой культуры, где важнейшим звеном в цепи вечных ценностей становятся мировые символы. Вместе с этим именно контекст русской литературы, обозначенный такими именами, как А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, создаёт, по мнению автора, символические установки, в которых могут быть выражены всечеловеческие устремления при объединении мистического содержания, символов, существующих в мировой и русской культуре [9]. Одновременно Д. С. Мережковский был устремлен в будущее, заявляя, что «если даже современному поколению суждено пасть, ему дана радость, едва ли не единственная на земле, ему дано увидеть самый ранний луч, почувствовать трепет новой жизни, первое веяние великого будущего» [11, 502]. Включение символизма в контекст культурно-исторических обобщений дает возможность установления связи времен. Рассматривая его как идеализм в искусстве, Д. С. Мережковский обращается к темпоральной характеристике всеобъемлющей жизни, преодолевающей границы времени [2]. Парадокс понимания времени в этом случае оказывается в его совмещении с трансцендентным, что выражается в обращении к символизму как способу установления всеобщих связей.

Способы установления этих связей становятся главным предметом дискуссии в русском символизме рубежа веков, и в качестве исходного основания для утверждения возможностей реализации такого синтеза явилась личность художника с его установкой на рефлексивность мировосприятия. Эти идеи стали отправной точкой в подготовке первого сборника стихотворений «Русские символисты», опубликованного в 1894 г. Автором большинства стихотворений этого издания был В. Я. Брюсов, провозгласивший себя «вождем» символизма; в дальнейшем свои первые сочинения он собрал в книгу под заглавием «*Juvenilia*», где уже в эпиграфе, взятом из книги С. Малларме «*Divigations*», был задан тон всему произведению: «Обыденная речь имеет лишь практическое отношение к сущности вещей» [10, 486]. Под впечатлением поэзии французского символизма В. Я. Брюсов начинает осваивать поэзию намеков, стремиться к разреженности, прозрачности образной ткани своих сочинений, что становится главным условием в представлении времени во всех его связях с подлинной жизнью. Программным в этом отношении является «Сонет к форме», которым и открывается сборник «*Juvenilia*», представляющий собой попытку постижения смысла художественной формы [13].

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант не видим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе [7, 33].

Это понимание всеобщих властительных связей существующих явлений во всем их многообразии привело к идее символа, воспринятой В. Я. Брюсовым через философию В. С. Соловьева и французского символизма. Таким объединяющим символом, представляющим собой высшую ценность, становится Красота, а сама стихотворная форма сонета выступает как символическая форма панэстетического мироощущения, позволяющего осуществить единомыслие с трансцендентальным содержанием, что подчеркивается обращением к будущему времени.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.
Пускай мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и стройностью сонета,
И буквами спокойной красоты! [7, 33].

Актуализация роли поэта в постижении Красоты как высшей ценности становится результатом понимания всеединства не как умозрительной схемы рассуждений, а как живой интенции

бытия, что одновременно сопровождается утверждением значимости будущего времени, но через обращение к переживанию настоящего.

Более полно и теоретически осмысленно эти идеи получили свое отражение в манифесте В. Я. Брюсова «Ключи тайн», опубликованном в 1904 г., в котором автор указывает на бессмысленность абстрактной Красоты и необходимость ее постижения через актуализацию самой жизни. Единственный метод, способный открыть содержание подлинного искусства, – интуиция, вдохновенное угадывание. Обращаясь к неклассической философии А. Шопенгаура, автор формулирует открывающуюся для него истину: «Искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство – то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства – это приотворенные двери в Вечность» [8, 100]. Именно искусство становится самым актом познания мира вне рассудочных и логических форм. В этом отношении для В. Я. Брюсова становятся ценными философские идеи А. Шопенгаура об интуитивно формирующихся и переживаемых мотивациях человека, которые лежат в основе всякого познания человека. По мнению немецкого философа, главным является не познание явлений, а проникновение в сущность, в мир «вещей в себе», что может быть постигнуто исключительно через интуицию. Конечно, «вещь в себе» непознаваема, но ее можно узнать, и это узнавание реализуется через искусство. В. Я. Брюсов, развивая эти идеи, отмечает: «Исконная задача искусства и состоит в том, чтобы запечатлеть эти мгновения прозрения, вдохновения. Искусство начинается в тот миг, когда художник пытается уяснить самому себе свои, темные, тайные чувствования. Где нет этого уяснения – нет художественного творчества. Где нет этой тайности в чувстве – нет искусства. Для кого все в мире просто, понятно, постижимо, тот не может быть художником» [8, 101]. Таким образом, миссия художника – открытие более совершенных способов познания мира, связанных с обращением к своему субъективно-интуитивному чувствованию настоящего времени, преодолевающего темпоральные пределы познаваемого.

Эти идеи, связанные с актуализацией переживания настоящего времени, что определяется его устремленностью к динамичному синтезу всех явлений, наиболее полно и последовательно представляются в творчестве К. Д. Бальмонта. Не случайно большинство его исследователей отмечают определенную идентификацию автора и художественного текста, эта особенность демонстрирует включенность поэта в моменты переживания, открывающую изменчивость жизни и множественность ее ощущений. «Мгновения всегда единственны, – пишет сам поэт. – Они слагались в свою музыку, я был их частью, когда они звенели. Они отзвенели и навеки унесли с собой свою тайну. И я другой, мне перестало быть понятным, что было так ярко постижимо, когда я был их созвучной и покорной частью, их соучастником (...) Я живу слишком быстрой жизнью и не знаю никого, кто так любил бы мгновения, как я. Я иду, я иду, я ухожу, я меняюсь и изменяюсь сам. Я отдаюсь мгновенью, и оно мне снова открывает свежие поляны...» [4, 261].

В своем творчестве поэт стремится ухватить мгновение настоящего времени в мимолетной красоте природы, человека, всего бытия. Не случайно уже в одном из стихотворений, открывающем первый сборник К. Д. Бальмонта «Под северным небом» (1894 г.), моментализм текущего времени видится как способ чувствования лирического героя.

Как в небесах, объятых тяжким сном,
Порой сверкает беглая зарница,
Но ей не отвечает дальний гром, –
Так точно иногда в уме моем
Мелькают сны, и образы, и лица,
Погибшие во тьме далеких лет, –
Но мимолетен их непрочный свет,
Моя душа безмолвна, как гробница,
В ней отзыва на их призывы нет [5, 79].

В стихотворении с символическим названием «Зарница» поэт обращается к философии мига, внезапно возникающего и безвозвратно исчезающего, одновременно реакцией на динамику

времени становится отстраненная позиция самого поэта, его устремленность в мир мечты. Об этом свидетельствует и эпиграф к сборнику: «Божественное в жизни всегда являлось мне в сопровождении печали (Ленау)» [5, 78]. Романтические мотивы меланхолии, неприятия действительности становятся для автора первым шагом в понимании скрытых символических значений, указывающих на связь изменчивого настоящего времени с его трансцендентальным смыслом.

Позже развернутое понимание символизма автор дает в статье «Элементарные слова о символической поэзии», опубликованной в сборнике «Горные вершины» (1904), основные положения которой были представлены еще в 1900 г. в докладе, с которым К. Бальмонт выступил перед русской аудиторией в Латинском квартале Парижа. Обращаясь к современности, К. Бальмонт отмечает: «Нельзя, однако, не признать, что, чем ближе мы к новому столетию, тем настойчивее раздаются голоса поэтов-символистов, тем ощутительнее становится потребность в более утонченных способах выражения чувств и мыслей, что составляет отличительную черту поэзии символической» [6, 54]. Пытаясь более детально сформулировать принципы символизма, автор пишет: «Это поэзия, в которой органически, не насильственно, сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота» [6, 54]. Выстраивание этих связей приводит К. Д. Бальмонта к утрате вещественности, предметности изображения, пластичности художественного образа, в результате чего выстраивается неопределенность, что способствует превалированию онтологической проблематики над гносеологической, ориентированной на выявление причинно-следственных связей [3]. Соответственно логика понимания времени преодолевает рациональную причинность в объяснении содержания смысла явлений.

Таким образом, в творческой рефлексии русского символизма уже в 1890-х гг. отчетливо проявляется нарушение темпорального рационализма в представлениях о мироустройстве, предполагающем осуществление символических связей и отношений. Парадокс непрерывности и дискретности времени преодолевается обращенностью к трансцендентальному, выступающего в качестве основания для построения целостного мироощущения. В свою очередь, творческая рефлексия в символизме выступает как трансцендентное усилие, выводящее человека в сферу, независимую от сиюминутных человеческих настроений. Одновременно не менее значимым для символистов является момент, связанный с возвращением к настоящему, что необходимо в связи с реализацией особой чувственности, способной открыть всеобщие связи явлений, лежащих в основе культурных изменений. И в этом ключе правомерным является высказывание В. И. Пятака: «Культура – это то, что должно преодолеваться, и это преодоление не в том состоит, чтобы перейти к другому модусу культуры, а в том, чтобы выйти к Иному и обязательно вернуться» [12]. Установление подобного рода связей и отношений в русском символизме рубежа веков осуществляется через творческую рефлексия, открывающую возможность дальнейшей динамики культуры, её перехода от одного модуса к другому в аспекте реализации ее жизненного потенциала с бесконечным рядом направлений развития. В свою очередь в понимание времени происходит преодоление рациональной причинности явлений, и оно уже выступает как индикатор тех глубинных процессов, связанных с развитием мировоззрения человека, в котором ценностным ядром должна стать его особая чувственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексина, Т. А. Время как феномен культуры / Т. А. Алексина. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/aleksinavremia.html>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Астахов, О. Ю. Определение русского символизма в контексте культурно-исторических обобщений Д. С. Мережковского / О. Ю. Астахов // Омский научный вестник. – 2015. – № 2 (136). – С. 241-244.
3. Астахов, О. Ю. Определение символизма как формы субъективного мироощущения в ранних работах К. Бальмонта / О. Ю. Астахов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – Т. 138. – № 2. – С. 148-153.
4. Бальмонт, К. Д. Из записной книжки 1904 / К. Д. Бальмонт // Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: Сочинения: [Стихи и проза]. – Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1990. – 336 с.
5. Бальмонт, К. Д. Стихотворения / К. Д. Бальмонт. – Л. : Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1969 – 710 с.

6. Бальмонт, К. Д. Элементарные слова о символической поэзии / К. Д. Бальмонт // Литературные манифесты: От символизма до «Октября». / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров [Переиздание 1924-го года]. – М. : «Аграф», 2001. – С. 52-61.
7. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений. В 7 т. / В. Я. Брюсов – М. : Художественная литература, 1973. – Т. 1. – 666 с.
8. Брюсов, В. Я. Среди стихов: 1894 – 1924: Манифесты, статьи, рецензии / В. Я. Брюсов. – М. : Советский писатель, 1990. – 720 с.
9. Ерохина, Т. И. Элитарность символизма и культурная идентичность творца / Т. И. Ерохина // Ярославский педагогический вестник – № 3 (56) – 2008 – С. 121–126.
10. Козловский, А. А. Комментарии / А. А. Козловский // Брюсов В. Я. Сочинения. В 2-х т. – М. : Худож. лит., 1987. – Т.1. – С. 486.
11. Мережковский, Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д. С. Мережковский // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – С-Пб. : Наука, 2007. – С. 428–502.
12. Пятак, В. И. Апология духовной нищеты / В. И. Пятак // Проблемы русской духовности и современность: тезисы докладов научной конференции. – Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 1993. – С. 72-74.
13. Титаренко, С. Д. Сонет в поэзии серебряного века: художественный канон и проблема стиливого развития / С. Д. Титаренко. – Кемерово : КемГУ, 1998. – 103 с.
14. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Ростов н/Д : Изд-во «Феникс», 1988. – 640 с.

Курленя К. М., Лесовиченко А. М.
K. M. Kurlenya, A. M. Lesovichenko

**ИСКУССТВО, КОЩУНСТВО И ПОИСКИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ:
НОВОСИБИРСКИЙ ОПЫТ 2015 ГОДА**

**ART, BLASPHEMY AND SEARCH OF PUBLIC CONSENSUS:
NOVOSIBIRSK EXPERIENCE, 2015**

Курленя Константин Михайлович – доктор искусствоведения, профессор, ректор Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки. E-mail: kurlenya78@mail.ru.

Mr. Konstantin M. Kurlenya – Doctor of Arts, Professor, Rector of Novosibirsk State Academy of Music named after M. I. Glinka. E-mail: kurlenya78@mail.ru.

Лесовиченко Андрей Михайлович – доктор культурологии, доцент, профессор Сибирского государственного университета путей сообщения. E-mail: lesovichenko@mail.ru.

Mr. Andrei M. Lesovichenko – Doctor of Culture studies, associate professor, professor, Siberian State Transport University. E-mail: lesovichenko@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению отношения новосибирцев к кощунству за пределами культовых учреждений в связи с событиями, вызванными богохульной постановкой оперы «Тангейзер» в местном оперном театре. Обозначена органическая сопряжённость веры и искусства, свёрнутая в самом понятии «кощунство» на этимологическом уровне. Выявляется закономерность реакции верующих, обусловленной неотрывностью отношения к кощунству в сфере культуры от собственно церковной жизни. Приводятся данные опроса (апрель 2015 года) на тему отношения к кощунству среди студентов Сибирского государственного университета путей сообщения, которые свидетельствуют о неприятии такого отношения к священным предметам. Проводится сравнение с данными всероссийского опроса на ту же тему, проведённого ВЦИОМ, который тоже продемонстрировал неприемлемость кощунственных акций у половины респондентов.

Summary. The article is devoted to studying the Novosibirsk citizens' attitude to blasphemy outside the religious institutions in connection with the events caused by the blasphemous staging of the opera "Tannhauser" at the local opera house. It indicates the organic congruence of faith and art, hidden in the concept of "blasphemy" on the etymological level. The regularities of believers' reaction caused by inseparable links between the cultural sphere and the Church on the subject of blasphemy are covered. We give the survey data (done in April 2015) on the topic related to blasphemy among students of Siberian State Transport University, which indicate the rejection of treating the sacred objects in the specific way. A comparison with the data of a national survey on the same topic conducted by VCIOM, which also demonstrated the unacceptability of blasphemy shared by half of the respondents, is focused on.

Ключевые слова: опера, митинг, «война буффонов», Р. Вагнер, 10 Заповедей Моисея, верующие, мораль, бездуховность, вседозволенность.

Keywords: opera, rally, "war of buffoons", R. Wagner, 10 Commandments of Moses, the faithful, ethics, soullessness, permissiveness.

УДК 13

Весь 2015 год прошёл в Новосибирске под знаком событий, случившихся вокруг кощунственной постановки «Тангейзер» в оперном театре (см. прим. 1) [1; 2]. Аналогичные события в городе были и раньше. Достаточно вспомнить скандальную выставку «Родина», неосуществлённые гастроли М. Мэнсона и группы «Бегемот» (не допущены молодыми православными активистами), наконец, наше доморощенное, с позволения сказать, творчество. Сейчас, когда сами события отошли в прошлое, когда о них написано и сказано, пожалуй, даже слишком многое, имеет

смысл заново обдумать произошедшее и сделать соответствующие выводы, ведь конфликт не исчерпан, страсти тлеют, а попытки вновь обострить ситуацию вовсе не отброшены.

Начнём с того, что степень общественного напряжения вокруг оперы «Тангейзер» в постановке Новосибирского академического театра оперы и балета была невиданная. Никогда в истории музыки не собирался многотысячный митинг по поводу оперного спектакля (см. прим. 2). Чем-то новосибирские события отдаленно напоминают «войну буффонов» в Париже в середине XVIII века. Там тоже обсуждалось содержание спектаклей итальянской труппы, представлявшей комическую оперу. Буффоны были изгнаны из Парижа за кощунство. Только на площадь в тот раз никто не выходил. Это была журнальная полемика. Справедливости ради надо упомянуть ещё о митингах против исполнения музыки Р. Вагнера в Израиле в 70-е годы XX века, когда сочинения композитора рассматривались как звуковой символ фашизма, но там события разворачивались вокруг симфонических концертов. У нас же всплеск эмоций произошел по поводу осквернения христианских образов именно в оперном спектакле.

Кощунство здесь было выражено в буквальном, не завуалированном виде. Тем более закономерно, что кощунственность спектакля никто даже не оспаривал. Вопрос был о том, как глубоко оно может заходить в пространство художественного произведения и как далеко простирается свобода режиссера в деле осквернения святынь и нравственных ценностей, лежащих в основе европейской и отечественно культуры.

Столкнулись две наиболее влиятельные идейные установки нашего современного общества: охранительный традиционализм и либеральная вседозволенность. Действительно, конфликт мгновенно перешел к принципиальным нравственным проблемам. Ведь людям, вышедшим протестовать на площадь, личная позиция режиссера вряд ли была интересна. Массовый протест вызвал именно акт кощунства, как, в прочем, и оппонентам православной общественности важнее было заявить свое требование свободной трансляции кощунственных суждений как таковых. Это легко подтверждается тем общеизвестным фактом, что из всей массы протестующих, представляющих два противоположных лагеря, спектакль видели единицы. Поэтому обсуждалась, строго говоря, не «версия Кулябина», а именно принципиальное отношение к общим нравственным и культурным ценностям, унаследованным всеми нами независимо от взглядов и убеждений.

Слово «кощунство» происходит, как известно, от слова «кощун». М. Фасмер объясняет его как «насмешник, богохульник» [3, 362]. Б. А. Рыбаков говорит, что «жрецы-кудесники, волхвы... были, по всей вероятности, хранителями древних «кощун», сказителями далёких мифов». Слово «кощун» «соответствовало словесному исполнению мифа» [4, 528]. Можно предположить, что «кощунство» стало синонимом богохульства и святотатства от того, что языческие «кощуны» увязывались сказителями и волхвами с глумлениями над новой для Руси христианской верой в период её утверждения. Важно, что издевательства эти с самого начала осуществлялось именно в художественном пространстве фольклорной культуры, что не удивительно, поскольку заявить о неприятии христианских ценностей в другой форме возможностей не было ввиду отсутствия таковых в укладе средневекового социума. Кроме того, утверждение христианства на Руси шло, как известно, «сверху» при полной поддержке государственных институтов. Естественно, с «оппозицией» на местах никто не советовался.

После того как христианство было принято русским народом, когда откровения этой религии были положены в основу национального единения и государственного строительства, вера приобрела качество соборности и превратилось в важнейшую, тщательно оберегаемую духовную ценность. Поэтому кощунство, глумливое неприятие христианских святынь в дальнейшем преодолевались благочестивыми христианами в практике духовного отторжения святотатственных нападок, от кого бы они ни исходили.

В сущности, с тех пор ничего не изменилось. Сейчас ставить вопрос о праве на святотатство за пределами культовых учреждений так же неуместно, как требовать от древних русичей терпимости по отношению к волхвам, когда они издевались над христианскими святынями не в помещении церкви. То, что подобные действия недопустимы в любом пространстве, представляется очевидным, а когда об этом забывают, приходит конец общественному согласию и взаимной

толерантности. Так происходит везде и во все времена (см. прим. 3). Вот и в данном случае резкая реакция со стороны верующих вполне закономерна и предсказуема.

Конечно, мораль постоянно эволюционирует, поэтому границы дозволенного и то, что должно относиться к неприемлемому кощунству, подвижны и изменчивы. Упомянутая «война буффонов» окончилась изгнанием артистов из Парижа. Причиной было кощунство по отношению к священному институту брака. Вряд ли кому-нибудь в наше время придёт в голову запрещать по такой причине оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро» или Дж. Россини «Севильский цирюльник», хотя сюжеты там, пожалуй, даже более вольные, чем в опере Дж. Перголези «Служанка-госпожа», поставленной буффонами.

Гораздо спокойнее современное общество относится и к непочтительности к христианским символам. Никто не запрещает роман Л. Н. Толстого «Воскресение», где отчётливо выражено уничижительное отношение автора к церковным таинствам. Никто не снимает с показа фильм «Броненосец Потёмкин» С. М. Эйзенштейна за то, что там есть кадры, в которых наперсный крест закреплён, как топор на плахе.

Но когда дело доходит до выворачивания смысла самого вероучения, богохульства непосредственно по отношению к образу Спасителя – терпеть уже невозможно. Такое деяние запрещается самим Священным Писанием, в частности, Третьей Заповедью Моисея: «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» [5, Исх., 20:7]. Приведём известное пояснение Святителя Иоанна Златоуста по этому вопросу: «Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутье или на площади хулит Бога, подойди, сделай ему внушение. И если нужно будет ударить его, не отказывайся, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударом; и если обвинят тебя, повлекут в суд, иди» [6, 24-25].

В наши дни, по сравнению с первыми веками христианства Руси, стало больше конфликтующих мировоззрений, стало быть, и поводов для богохульства стало больше. Если тысячу лет назад речь шла преимущественно о межрелигиозных отношениях, о взаимоотношениях религиозной и государственной власти (не потерявших актуальности и сейчас), в меньшей степени о праве на личную свободу и критику религиозного мировоззрения и жизненного уклада, освященного христианским учением, то в последующие века добавились богохульство на атеистической платформе и особенно актуальное в наше время святотатство как выражение либеральной вседозволенности.

Если первые четыре причины появления кощунственных выпадов обусловлены серьезной идейной мотивацией, то в последнем случае наиболее влиятельные мотивы – невежество в сочетании с абсолютной убежденностью в праве совершать любые деяния, не задумываясь о последствиях. Можно предположить также столь всеобъемлющее отвращение индивида от нравственных ценностей общества, коренящихся в христианской морали, что единственным моральным кредо такого субъекта оказывается известное «Бог умер, значит, все дозволено»! Другими словами, находятся люди, все чаще бросающие обществу вызов на основе своей непоколебимой уверенности, будто нравственно все, что им хочется совершить. И ладно бы об индивидуальной и непримиримой богоборческой позиции заявляли одни лишь наши доморощенные поборники свободы творчества. С ними солидаризуются разного рода активисты, невежество которых, обусловленное десятилетиями атеистического образования, эгоизм и самовлюбленность идут рука об руку с личным страхом, подчас даже не скрываемым, страхом экзистенциальным «а что если воздаяние все же неотвратимо, пусть и самым непостижимым образом»? Но критики поют дифирамбы, единомышленники рукоплещут, популярность растет, хотя бы и ценой скандалов. И нет в такой картине мира добра и зла, а все замещает своеволие... Хуже другое: таких вот имморалистов, гордо объявивших себя стоящими «по ту сторону добра и зла», всё больше возникает и в политике. И множатся по всему миру конфликты, войны «без правил», теракты, а вместе с ними выковывается человеконенавистническая мораль, носители которой сплошь мнят себя вершителями судеб, полностью узурпировавшими право карать и миловать.

В общем-то, такие риски общественного развития, «смутные времена», «темные века» не раз бывали в истории человеческих цивилизаций. Спаситель на кресте молился о прощении неве-

дающих, что творят [5, Лк., 23:34]. А по поводу самоуверенности в праве на любые деяния сообщает Ветхий Завет: «Царь Озия вошёл в Храм, чтобы воскурить фимиам на алтаре кадильном. Священники воспротивились, но Озия не прекратил каждение. Проказа появилась на челе его, пред лицом священников, в доме господнем, у алтаря кадильного» [5, Пар. 2, 26:19].

История культуры позволяет констатировать кощунства и со стороны людей, воспитанных в христианском добродетели. Вспомним, например, средневековые «дурацкие мессы», «ослиные обедни» вагантов, которые строились на пародировании священнослужения. Однако они большей частью не выходили за пределы светской городской и студенческой среды и формировали так называемую карнавальную традицию, место и время которой в жизни общества были строго регламентированы. А участники подобных карнавальных действий никогда не противопоставляли себя христианству, оставаясь людьми верующими, воцерковленными, разделяющими общепринятые понятия добра и зла.

Новое у наших либералов, пожалуй, то, что кощунства совершаются зачастую вообще без всякой цели. Но не всегда в этом усматривается банальная апология пошлости и, увы, присущее многим представителям рода людского низменное желание позубоскалить, собрав как можно больше зрителей, выставив своё похабство в интернет. Скорее, за этими проявлениями кощунства кроется пока еще слабо исследованный феномен человека «духless» (см. прим. 4), феномен столь всеобъемлющей бездуховности, что речь уже не о борьбе христианских и антихристианских идеалов, гуманистических и антигуманистических ценностей. Речь идет о смерти духа как таковой, а вместе с ней и об упразднении морали, ценности жизни, что знаменует тотальную осыпь всего людского жизнеустройства.

Однако вернемся к новосибирской ситуации 2015 года. Как на самом деле относятся жители города к вопросу о допустимости кощунства, учитывая, что в социальных сетях режиссёру была оказана беспрецедентная поддержка? Порой даже создавалась видимость, что мнение пользователей интернета чуть ли не безраздельно на стороне режиссера – от тактичного сочувствия до категорического требования оградить право на свободу творчества от посягательств косного религиозного сознания невежественной и агрессивной толпы ретроградов.

Ради чистоты эксперимента в первой половине апреля 2015 года была опрошена новосибирская молодёжь, не связанная с музыкальным искусством и музыкальной критикой профессионально, точнее, студенты первого и второго курсов Сибирского государственного университета путей сообщения, всего 143 человека. Выборка достаточно репрезентативная для изучения мнения компактной, социально активной и технически продвинутой молодежной категории пользователей интернета как по числу респондентов (в масштабах крупного новосибирского вуза), так и в связи еще с одним обстоятельством, на которое в данной статье ранее уже было обращено внимание. Дело в том, что (за редчайшими исключениями) эти студенты не видели постановку «Тангейзер» и вообще во многих случаях даже не догадывались о существовании этой оперы, так что оказаться вовлеченными в конфликтную ситуацию респонденты могли, оценивая только факт появления некоего скандального спектакля, всколыхнувшего общество и интернет, но не более.

Итак, среди опрошенных 66 % осведомлены о скандале вокруг оперы «Тангейзер» и примерно 29 % знакомы с аргументацией как сторонников, так и противников постановки. При этом только 19 % поддерживают режиссера. В целом (с различными оговорками) считают недопустимым кощунство 75 % респондентов.

Мы попытались выяснить отношение опрошенных студентов к религии вообще. Получили следующие данные: большинство респондентов относит себя к православным (часть назвали себя христианами без уточнения), 91 % – крещёные. Присутствуют люди, относящие себя к буддистам (2 %), язычникам (2 %), а также атеистам (менее 1 %). 59 % считают, что Бог есть, из них 3 % не являются верующими. Также 3% считают, что они верующие, но в существование Бога не верят. Церковь не менее одного раза в месяц посещают всего около 7 % респондентов, не менее одного раза в год – 39 %, 28 % – изредка (скорее всего, бывали там 2 – 3 раза в жизни), 4 % (относящих себя к верующим!) – не были никогда. Зато в числе неверующих есть те (3 %), кто бывают в церкви не менее раза в месяц и 5 % посещающих ее не реже раза в год.

Одновременно с нашим опросом проводилось социологическое исследование Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на ту же тему: как россияне оценивают постановку оперы «Тангейзер» в новосибирском театре, считают ли данную версию оскорбительной для себя.

Каждый третий (31 %) назвал ее святотатством, оскорблением религиозной святыни (люди пенсионного возраста и верующие чаще, нежели молодежь и атеисты), каждый десятый (12 %) – хулиганством или преступлением. Четверть опрошенных (24 %) считает данную постановку лишь самопиаром, попыткой прославиться. Только 14 % воспринимают кулябинский «Тангейзер» как акт современного искусства и творческой самореализации (среди 18 – 24-летних – 24 %).

«Половина респондентов (47 %) сочла данный образ [кощунственное изображение распятия, оскверняющее христианские святыни и символику – прим. авторов] оскорбительным для себя. В большей степени последователи православия (53 %) и те, кто хорошо осведомлены о произошедшем (58 %), нежели неверующие (19 %) и не слышавшие о данном инциденте (45 %). В свою очередь, 31 % участников опроса сказали, что их чувства затронуты не были» [7].

Надо учитывать, что даже среди тех, кто считает кощунство в художественном произведении вполне допустимым, нет людей, заявляющих о враждебном отношении к христианству. У многих в сознании странным образом уживаются вера в Бога (иногда даже некоторая воцерковленность) с допущением нарушения Третьей Заповеди (впрочем, как и любой другой Заповеди, даже запрета на убийство, если иметь в виду аборт).

Вместе с тем в руководстве учреждениями искусства и СМИ встречаются деятели, вполне определенно придерживающиеся антихристианских установок. Правда, как показала история с новосибирской постановкой «Тангейзер», большинство из них отказывается открыто выражать свои действительные позиции. Но дела их красноречивее слов. В ход идут замалчивание интересных художественных событий православного и, шире, христианского содержания; уничтожение всего, что связано с традиционными ценностями (не обязательно церковными), интерпретация унаследованных культурных традиций как несовременных, отсталых и убогих; отталкивание или полное игнорирование предложений, связанных с утверждением христианских ценностей как якобы нарушающих толерантность в отношении к другим религиям и атеистическим взглядам; отеснение художественных работ, выражающих христианское и патриотическое содержание, к разряду аутсайдеров при конкурсном оценивании.

Конечно, обращение к православной или патриотической тематике вовсе не гарантирует, что автор непременно создаст шедевр. Речь в данном случае не о критериях оценки качества художественной продукции. Мы имеем в виду нечто более серьезное, а именно сформировавшуюся в нашем обществе отчетливую тенденцию, особенно рельефно прорывающуюся в пылу критических выпадов и аргументаций во время полемик, подобных дискуссии о новосибирском «Тангейзере». Вот как раз там чаще за элементарной недостаточностью аргументов в ход идет открытая ненависть, стремление во что бы то ни стало унизить и дискредитировать саму возможность опоры на христианские традиции, особенно в вопросах различения добра и зла. Этот опасный общественный феномен, конечно, требует глубокого исследования и столь же глубоко аргументированной нравственной оценки, которая сможет быть понята и принята большей частью российского общества.

События, произошедшие в Новосибирске в 2015 году, представляют характерный образчик духовного бурления в российском обществе. И, как оказалось, «сигнал» был услышан всеми. Не случайно так остро реагировали на происходящее многие видные политики, духовные лидеры крупнейших российских религиозных конфессий, деятели культуры, журналисты и простые граждане. Причем многим очевидно, что противостояние проходит часто не только и не столько между гражданами, а еще и внутри душ людей... Такой конфликт никогда и никому не удавалось разрешить походом «стенка на стенку» или, так сказать, демократическим способом, механически определив победителя простым большинством голосов. Индикатором успешности его разрешения служит отнюдь не учет мнений «за» и «против», а степень гражданского согласия членов общества, придерживающихся разных, подчас диаметрально противоположных взглядов. Но наиваж-

нейшим условием для достижения такого общественного согласия выступает требование соблюдать нормы общественной морали, то есть (в нашем случае) избегать кощунственных выпадов независимо от того, в чей адрес они направлены. Вот почему уста всякого кощунника должны быть сокрушены во имя сохранения подлинной толерантности и широкого общественного диалога, который один только и способен в современных условиях привести к гармонии и согласию всё наше разномыслие, сформировать общественную солидарность не по признаку «свой – чужой», а на основе признания и уважения наших общих корней, культурных традиций и единой исторической судьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесовиченко, А. М. Кощунство как результат творческого бессилия / А. М. Лесовиченко. – Режим доступа: http://ma123.ru/load/citiseh_2_2015g/09_00_00_filosofskie_nauki/lisovichenko_a_m_koshhunstvo_kak_rezultat_tvo_rcheskogo_bessilija/12-1-0-63
2. Лесовиченко, А. М. Уроки новосибирского «Тангейзера» / А. М. Лесовиченко // Вестник КемГУКИ. – 2015. – № 4. – С. 64-70.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Астрель-АСТ, 2004.
4. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981.
5. Библия. – М.: Изд-во МП, 1983.
6. Полное собрание творений святителя Иоанна Златоуста. – СПб.: Изд-во СПбДА, 1896.
7. «Тангейзер»: искусство или кощунство // Опрос ВЦИОМ. – 12.04.2015. – Пресс-выпуск № 2813.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. – СПб.: Изд-во Н. С. Таганцева, 1889.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опера Р. Вагнера «Тангейзер» была поставлена в Новосибирском государственном академическом театре оперы и балета в декабре 2014 года (режиссер Тимофей Кулябин).
2. По разным оценкам в митингах и гражданских протестах принимали участие до десяти тысяч человек.
3. К слову сказать, на рубеже XIX – XX веков в России кощунственные действия, «когда сие учинено не в церкви, но в публичном месте и при собрании более или менее многолюдном», виновный приговаривался к лишению всех прав и к ссылке на каторжную работу на срок от 6 до 8 лет (8, разд. 2, гл. 1, ст. 176).
4. Dухless (Россия, 2011 год) – фильм режиссера Романа Прыгунова.

Маниковская М. А.
M. A. Manikovskaya

ОПРАВДАНИЕ ЭТИКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

ETHICS JUSTIFICATION AT A HIGHER SCHOOL

Маниковская Мария Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные дисциплины» педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; тел.: 89242201415. E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com.

Ms. Maria A. Manikovskaya – Doctor of Philosophy, Professor, Philosophy and Social and-Humanitarian Sciences department, Pedagogical institute of the Pacific National University (Russia, Khabarovsk); 680000, Khabarovsk, Karl Marks str.; tel.: +79242201415. E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com.

Аннотация. Автор актуализирует необходимость этики в вузе не только как учебной дисциплины, но и как экзистенциального условия рефлексивного выбора и сверки нравственных ориентиров, обоснования позиции нравственного самоосуществления.

Summary. The author underlines the importance of Ethics and its necessity not only as an academic subject, but also as an existential condition of reflexive choice, verification of moral bearings, and justification of moral self-fulfillment position.

Ключевые слова: этика, мораль, нравственность, моральный конфликт, рефлексивный выбор, нравственные ориентиры.

Key words: ethics, morals, morality, ethical conflict, reflexive choice, moral bearings.

УДК 17.0

Явное заимствование в названии предлагаемой статьи, провоцирующее вспомнить «Оправдание добра» Вл. Соловьева, неслучайно. Оно имеет намерение акцентировать значимость этики, превосходящую границы учебной дисциплины, актуализировать ее экзистенциально-антропологический потенциал, просветляющий глубинный смысл Университета. «Духовная мощь» (Ортега-и-Гассет) университета фундирована не только интеллектуальной силой, обеспечивающей подготовку высококлассных специалистов, но и «нравственным капиталом», который вместе с эстетическим оберегает от «профессионального кретинизма», исключает ущербность и деформацию, обуславливает полноту бытия человека. Полагаем, что тематизация необходимости этики не только как учебной дисциплины, но и как образа жизни в университете соизмерима с масштабом и ценной индивидуально-личностных и социальных проблем, находящихся в сфере компетентности и ответственности нравственной философии. Вместе с тем *оправдание этики* в вузе должно быть не только заботой убежденных энтузиастов – преподавателей философии, но и предметом «солидарной ответственности» (К.-О. Апель) всего университетского сообщества. Основанием данного «категорического императива» является переживаемый в настоящее время университетский кризис и вся убедительная логика мировой нравственной философии, в том числе и Вл. Соловьева, поставившего этику в своем фундаментальном труде «Оправдание добра» во главу угла всей философии. Однако приходится констатировать, что убеждение, ставшее итогом всей духовно-творческой жизни русского мыслителя, на его родине предано забвению. Если сегодня в зарубежной философии проблемы морали и нравственности разрабатываются авторитетнейшими философами и учеными (К.-О. Апель, Ю. Хабермас, П. Рикер, А. Макинтаир, В. Лефевр и др.), об этом свидетельствует и Всемирный философский конгресс, состоявшийся в Сеуле летом 2008 года, то, как справедливо заметил В. А. Канке, «для нашей, российской действительности характерно какое-то особое невнимательное, отстраненное отношение к этике, которую нередко считают прерогативой разве что учителей и священников, но никак не сильных мужчин» [2, 220]. Выведение этой учебной дисциплины (за небольшим исключением) из государственных стандартов высшего

образования последнего десятилетия, в том числе и с педагогическим профилем, свидетельствует о том, что и для учителей этика – избыточное дело.

Особенно парадоксальным данное обстоятельство представляется в настоящее время, когда в школьное образование включен комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Известно, что его структурирование в обязательную образовательную программу сопровождалось немалыми трудностями, в том числе и дефицитом (и даже отсутствием) учителей по интересующему нас модулю «Основы светской этики». Следует заметить, что сфера ответственности за реализацию введенного курса распространяется и на родителей, поскольку они осуществляют выбор одного из шести модулей ОРКСЭ.

Чем же обусловлена данная ситуация? Можно предположить, по крайней мере, три обстоятельства, аннигилирующих этический дискурс: во-первых, отсутствие моральных и нравственных проблем как в обществе, так и в университетском сообществе; во-вторых, «опасность» их обсуждения, поскольку они не оставляют ниши для власть придержащих; в-третьих, непонимание онтологических оснований этики, ее глубинного экзистенциально-антропологического смысла.

Несостоятельность первого предположения очевидна. Не нужно обладать особой прозорливостью, чтобы увидеть приметы нравственного кризиса, переживаемого современным обществом, и в его составе – студенчеством. По замечанию Гегеля, падение духа измеряется тем, чем он удовлетворяется. Изумляет широкий диапазон средств, способов удовлетворения падения духа. Существует немало леденящих душу фактов нравственного одичания и моральной деградации тех, кого уже трудно назвать людьми. Однако принципиально важным является не столько определение меры падения духа, нравственности, сколько уяснение общественным сознанием идущей от Сократа и Платона идеи понимания человека (личности) как этического существа. Именно этим мыслителям принадлежит философское открытие человеческой духовности как такого начала бытия человека, которое противостоит телесно-природному в человеке и выступает основанием человеческого стремления к самосовершенствованию [6]. С. Е. Ячин полагает, что глубинная и «основополагающая для всей европейской философии идея этики личности осталась неразвернутой как у нас, так и на Западе, хотя и по разным причинам» [5, 131]. Предложенная философом версия содержательного развертывания этой идеи исходит в вопрошании о человеке (антропологии) из различения личностного и индивидуального бытия, которое осталось совершенно невнятным в западноевропейской традиции. «Проблема же вся в «начале» и в приоритете. Является ли человек этическим в силу того, что он существо разумное; или наоборот, человек разумен лишь потому и настолько, что он существо этическое?» [6, 167]. Убедительная логика и аргументация философской аналитики С. Е. Ячина показывает, что в отличие от западноевропейской мысли русская философия (причем во всех ее значимых течениях) однозначно стояла на приоритете этики.

Курс вузовской философии, хотя и минимальный, все-таки дает возможность для размышлений о человеке как этическом существе. Но где хронотоп дискурса должного и сущего, где место и время для вопрошания о совести, стыде, ответственности, сострадании, милосердии, чести, достоинстве, любви, счастье – тех вопросов, что традиционно считались прерогативой этики? Речь совсем не идет о том, чтобы поставить в прямую зависимость уровень нравственного развития от преподавания этики или ждать от нее социально-дисциплинирующего эффекта. По мысли Вл. Соловьева, «этика есть гигиена, а не терапия духовной жизни» [4, 151]. Как бы ни критиковали сегодня просветительские проекты, нельзя отрицать непреходящего значения идущей от Сократа традиции просвещения, этического рационализма. Он указал на сущностную связь нравственности и знания. По убеждению греческого философа, рациональное этическое знание является основой добродетельного поведения, в то время как безнравственный поступок – плод незнания истины. Отсюда философия как любовь к мудрости, как путь к знанию становится средством добродетельного воспитания, нравственного совершенствования. Если «крошка сын к отцу пришел...», то к кому придет молодой человек, студент за знанием, «что такое хорошо и что такое плохо?» Преподавательский опыт свидетельствует, что он жаждет этической истины, ибо в настоящее время размываются границы между тем, что «хорошо» и тем, что «плохо», а порой они меняются местами. Как заметил А. А. Гусейнов: «Сегодня экзотической фигурой является не тот, кто отрицает

моральные критерии, а тот, кто признает их абсолютность» [1, 245]. Такая ситуация морального конфликта чревата «экзистенциальным вакуумом» (В. Франкл), то есть утратой смысла добродетельного поведения, добросовестного отношения к учебе, бескорыстного общения и даже смысла жизни.

Необходимо отчетливо осознавать, что радикальность перемен, происходящих в обществе, детерминирует не только изменение, усиление проблемности социокультурного контекста морали, но и само ее понимание, обуславливает релятивность культурно-нравственных традиций и тех оснований, которые прежде воспринимались как безусловные «моральные устои». Студенты, да и преподаватели оказались в ситуации, когда приходится соотносить моральный опыт, сформировавшиеся прежде нравственные убеждения, моральные интуиции с изменившимися обстоятельствами. Не будет преувеличением характеризовать данную ситуацию как драматическую, когда студенту не под силу «снять» этически релевантные противоречия между тем, что есть сейчас, и тем, что должно быть. Носители моральных интуиций нуждаются в способах их рациональной сверки, подтверждении или отрицании, коррекции.

Существует немало социально значимых проблем (порнография, проституция, полигамия), индивидуальных разрушительных практик (наркомания, азартные игры), при обсуждении которых нормативно-этическая составляющая преобладает. Эти проблемы свидетельствуют о необходимости моральной категоризации социальных явлений [3].

Процесс образования в современных рыночных условиях, относительно новых для нынешнего поколения, оказывается включенным в сферу потребительских услуг, что породило не только проблемы экономического, материального характера, но и спровоцировало релятивизацию его нормативно-этического измерения. Немало студентов мечтают в следующем противоречии: необходимости зарабатывать средства на образование и одновременно его получать. Эта контрверза нередко «толкает» на неблагоприятные поступки, уверенность, что можно «купить» оценки, курсовые работы, диплом.

Опыт проведения лекций, семинаров, коллоквиумов по дисциплинам «Этика», «Нравственная культура личности» свидетельствует о том, что эти занятия, как правило, становятся и хронотопом острой полемики, нелицеприятных споров, напряженных дискуссий и хронотопом поиска «условий абсолютного добра». Как известно, знание – сила. Оказывается, что студенты нуждаются в этических знаниях как силе, которая укрепляет их нравственно в сознании своей правоты, дает верные ориентиры на жизненном пути, становится поддержкой в сложных перипетиях, союзницей в нравственном совершенствовании. Это обстоятельство мотивирует и убеждает образовательное сообщество в необходимости переосмысления содержания и роли этического образования, включения его в контекст (программу) профессиональной специализации в качестве одного из средств профессиональной подготовки. Высшее образование помимо профессиональной подготовки должно аутентично пропагандировать фундаментальные нравственные ценности, высветлять их смысл и плодотворную значимость как в профессиональной деятельности, так и в гармонизации жизни.

По-видимому, чтобы быть не потомками, а наследниками «духовной мощи» (Ортега-и-Гассет) классического Университета, необходимо отчетливо осознавать его высокую миссию в формировании личности, ответственной за свое самоосуществление, и ответственности за наведение порядка в жизни согласно осуществлению Добра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов, А. А. Мораль и разум / А. А. Гусейнов // Разум и экзистенция. – СПб.: РХГИ, 1999.
2. Канке, В. А. Философия. Исторический и систематический курс / В. А. Канке. – М.: «Логос», 1996. – С. 220.
3. Прокофьев, А. В. Концептуализация понятия «общественная мораль»: некоторые проблемы и трудности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/soc_eth/prokofiev.html/
4. Соловьев, Вл. Оправдание добра. В 2 т. Т. 1 / Вл. Соловьев. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1990.
5. Ячин, С. Е. Идея этики личности в русской философии и в метакультурной перспективе / С. Е. Ячин // Вестник Дальневосточного государственного технического университета. – 2009. – № 1(1).
6. Ячин, С. Е. Состояние метакультуры / С. Е. Ячин. – Владивосток: Дальнаука, 2010.

Наследов В. Г.

ВОЗДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Наследов В. Г.

V. G. Nasledov

ВОЗДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ

RUSSIAN CULTURAL EFFECT ON THE INDIGENOUS POPULATION OF RUSSIAN AMERICA

Наследов Вадим Георгиевич – аспирант кафедры истории, государства и права Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). 89098894500. E-mail: vadim_91_@mail.ru.

Mr. Vadim G. Nasledov – postgraduate, State and Law History Department, Komsomolsk-on-Amur state technical university (Russia, Komsomolsk-on-Amur). 89098894500. E-mail: vadim_91_@mail.ru.

Аннотация. В статье раскрываются условия взаимодействия носителей российской культуры с различными группами коренного населения Аляски и Алеутских островов во второй половине XVIII – XIX вв. Речь идет, в первую очередь, о проникновении в регион христианства через контакты с промышленниками Российско-американской компании. Особое внимание обращено на разницу в усвоении христианской религии и изменении основ бытовой жизни между алеутами, которые проживали под непосредственным контролем Компании, и континентальными индейцами-атапасками, с которыми связь была установлена значительно позже и происходила на нерегулярной основе. Выделены причины отличий и сделаны обоснованные выводы. Хронологические рамки исследования охватывают период от установления первых контактов русских меходобытчиков с алеутами до продажи Аляски Соединенным Штатам Америки (середина XVIII в. – 1867 гг.). В статье приведены воспоминания свидетелей эпохи российского присутствия в Северной Пацифике, взятые из сборников документов.

Summary. The article describes the interaction of Russian culture with various indigenous groups in Alaska and the Aleutian Islands in the second half of the XVIII – XIX centuries. It is, first and foremost, about the Christianity penetration into the region through contacts with members of the Russian-American Company. Particular attention is paid to the difference in the Christian religion assimilation and the change of everyday life between the Aleuts, who lived under the direct control of the Company, and continental Indians Athabaskans, who the contact was established much later with and took place on an irregular basis. The article highlights the reasons for differences and makes conclusions.

The chronological scope of the study covers the period from the establishment of the first contacts of Russian fur skins makers with the Aleuts before the sale of Alaska to the United States of America (the middle of the XVIII century – 1867). The article presents the witnesses' memories of the Russian presence in the North Pacific, taken from documents collections.

Ключевые слова: Русская Америка; Российско-американская компания; коренные народы Севера; культура.

Key words: Russian America; Russian-American Company; Indigenous Peoples of the North; culture.

УДК 94(798)

В период с середины XVIII в. до 1867 г. острова Алеутского архипелага, а также узкая полоса побережья Аляски попали под воздействие экономической деятельности российских промысловиков, пришедших в данный регион за пушниной.

К моменту установления долговременных контактов с русскими промышленниками у атапасков, тлинкитов, эскимосов и алеутов ещё продолжали бытовать традиционные религиозные верования: магические и тотемические представления, анимизм, культы природы и предков. Широко практиковался шаманизм, причём кое-где ещё сохранялся пережиток его древней формы – «шаманство поголовное». Мир духов был не символическим, что характерно для христианства, а

вполне материальным. Душа карибу, например, – это крошечный олень, а душа волка – точная его копия, но только очень маленьких размеров [1, 77].

Общество палеоазиатов и индейцев Аляски ещё не имело социальных корней для такой сложной и развитой религиозной системы, какой было христианство. Большая часть идей и образов христианской религии совершенно не соответствовала религиозным концепциям индейцев.

Таким образом, изначальные предпосылки к восприятию и усвоению православной веры и шире русской культуры у алеутов и континентальных индейцев были приблизительно равны. Однако конечный результат у той и другой группы сильно различался: «калош [индеец-глинкин] составляет в религиозном отношении резкую противоположность с алеутом, и не скоро можно надеяться на прочное утверждение колош в христианской религии» [2, 115]. Это объясняется большой разницей в интенсивности контактов с русскими.

Так, население Алеутских островов использовалось русскими промышленниками в качестве основной рабочей силы для добычи каланов и морских котиков. «Одиночки» промышленников были разбросаны по ряду островов и уже в последние годы XVIII в. все алеуты были крещены, а впоследствии остров Уналашка стал местом постоянного пребывания священника Иоанна Вениаминова. Поскольку алеуты проживали вблизи русских поселений, они подвергались постоянному воздействию как со стороны священнослужителей, так и со стороны русских-мирян в бытовой и духовной сферах. Результатом этого стало быстрое изменение общественного строя аборигенов, ускорился уже начавшийся переход от материнского рода к отцовскому, но до конца последний так и не сложился вследствие разложения в XIX в. родовой организации алеутов вообще. Трансформация произошла так стремительно, что исследователи до сих пор не могут охарактеризовать с достаточной ясностью социальную организацию алеутского общества до знакомства с русскими мореплавателями. В связи с изменением основ социальной жизни туземцев исчезла опора для многих прежних религиозных представлений. Вследствие того, что алеуты являлись «зависимыми туземцами» компании, было намного проще ограничивать такие проявления их бытования, как многоженство, шаманство и языческие праздники («игрушки»).

Острова Атхинского отдела, находящиеся в западной части Алеутского архипелага, к моменту создания Российско-американской компании (РАК) значительно оскудели запасами калана и перестали быть местом их добычи, что привело к меньшему вниманию в отношении данного региона со стороны администрации компании. Священник Яков Нецветов описывал праздничные церемонии алеутов Атхинского отдела, в которых просматривается явное участие шамана. Таким образом, на примере Атхинского отдела мы можем наблюдать традиционную жизнь алеутов в менее измененном виде в сравнении с тем, что застал Вениаминов в Уналашкинском отделе (восточная часть алеутского архипелага). Кроме того, мы находим подтверждение влиянию фактора активного присутствия компании на отказ от традиционного образа жизни жителями различных островов – Атхинские острова были меньше затронуты присутствием Российско-американской компании (РАК) и языческие традиции (шаманство, возможно многоженство, изготовление «болванов» – языческих идолов) сохранялись на них как минимум до 1826 г., то есть до приезда постоянного священника [3, 3-4].

В то же время на Алеутских островах не так остро, как на материке, стояла проблема языкового барьера между миссионерами и аборигенами. Ввиду частых контактов, как среди русских промышленников, так и среди местных жителей, было достаточно людей, которые могли хорошо исполнять обязанности переводчиков. Впоследствии, с одной стороны, некоторые священнослужители выучили местное наречие, а с другой – алеуты, в массе своей, научились понимать по-русски. Костливец в своём докладе замечает: «если между алеутами так быстро распространился свет христианского учения, то это прямо должно отнести к переводу священных книг на алеутский язык и к изучению этого наречия алеутским духовенством» [2, 72].

С индейцами-атапасками, живущими на континенте, то есть вне зоны интенсивного проникновения промышленников, у компании долгое время не было постоянных контактов. Первые устойчивые торговые отношения с ними были установлены лишь в 1810-х – 1820-х гг. Православные миссионеры начали осуществлять многомесячные объезды индейских поселений лишь в 1840-х гг.

Каждому из священников приходилось обслуживать обширный район, где не было дорог, и единственными путями сообщения являлись реки. Обьезжать индейские селения можно было только летом. Ежегодно миссионеры приезжали лишь в те из них, которые располагались рядом с миссиями, а дальние селения они навещали не чаще одного раза в два-три года. При такой периодичности трудно было рассчитывать на успешное освоение коренными жителями Аляски, особенно непокорными тлинкитами, христианских идей. Священник Нукегнакской миссии вспоминал – «после вечернего богослужения и поучения некоторые высказали мне своё сочувствие в следующих словах: «Как бы ты, батюшка, чаще к нам ездил и жил подольше, то, может быть, мы и переменились бы и поверили всему, что ты говоришь, а то ты уедешь, мы всё и позабудем» [4, 251].

Как правило, индейцы легко соглашались выполнять лишь те требования миссионеров, которые не шли вразрез с их традиционными обрядами и верованиями и не мешали привычному жизненному укладу. Однако в тех случаях, когда миссионеры пытались активно выступать против шаманов, индейцы в знак протеста отказывались креститься и открыто выражали своё недовольство.

В итоге, к моменту продажи Аляски Соединенным Штатам Америки русская культура и вера оказали минимальное влияние на быт и восприятие мира континентальных индейцев Аляски. Охота преимущественно на мясного зверя сменилась добычей зверей с ценными сортами шкур, и в рацион индейцев прочно вошел ряд наименований европейских продуктов, таких как чай, сахар, мука, а также спиртные напитки и табак.

В то же время, для алеутов результатом векового общения с русскими стали серьёзные изменения в общественной жизни, наиболее заметным из которых является принятие основной массой населения православия и отказ от ярких проявлений прежнего языческого мировосприятия, таких как: шаманизм, многоженство и языческие праздники.

После 1867 г. на Аляске и Алеутских островах началось соперничество двух систем образования и культурного влияния – американской и российской, причем последняя, по меткому выражению одного из представителей местной администрации США, являла собой лишь небольшие «островки» на Алеутских островах. На весь алеутский архипелаг приходилось лишь две школы, в которых детей обучали русскому языку (Уналашка, о. Св. Павла) [5, 241]. Кроме того, русский язык утерял свою практическую значимость для алеутов, сохранив за собой лишь определенный элемент социальной идентификации. Сохраняя православную веру, русские имена и фамилии наряду со своими исконными традициями, алеуты в определенной мере противопоставляли себя американцам, от которых многие годы не видели ничего хорошего. Как отмечал Теодор Бенк в 1940-х гг., американские учителя добились полной замены алеутского и русского письма английским [6, 79]. Алеутский язык к тому времени стал исключительно разговорным, утерев свою письменную форму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзенискевич, Г. И. Атапаски Аляски: очерки материальной и духовной культуры (конец XVIII – начало XX в.) / Г. И. Дзенискевич. – СПб.: Наука, 1987. – 153 с.
2. Доклад Комитета об устройстве Русских Американских колоний: в 2 ч. Ч. 2 / С. А. Костливец, П. Н. Головин. – СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1864.
3. Вениаминов, И. Записки об островах Уналашкинского отдела: в 3 т. / И. Вениаминов. – СПб.: Российско-американская компания, 1840. – 3 т.
4. Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / под ред. А. Д. Дридзо, Р. В. Кинжалова. – М.: Мысль, 1994. – 373 с.
5. Федорова, С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в. – 1867 г.) / С. Г. Федорова. – М.: Наука, 1971. – 295 с.
6. Бенк, Т. Колыбель ветров / Т. Бенк // Электронная библиотека ModernLib.ru. URL: http://modernlib.ru/books/benk_teodor/kolibel_vetrov/read/ (дата обращения: 17.10.2015).

Филипова А. Г., Еськова А. В.

A. G. Filipova, A. V. Yeskova

СИСТЕМА «СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСТВА В РЕГИОНЕ»: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА «ЧЕРНОГО ЯЩИКА»

CHILDHOOD SOCIAL POTENTIAL IN THE REGION: «BLACK BOX» METHOD

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8; 8(914)6517793. E-mail: alexgen77@list.ru.

Ms. Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor, Social Sciences Department, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); 690950, Vladivostok, Suhanov str., 8, 8(914)6517793. E-mail: alexgen77@list.ru.

Еськова Анна Владимировна – кандидат технических наук, заведующая кафедрой «Информационные системы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27; 8(909)8995996. E-mail: eskann@yandex.ru.

Ms. Anna V. Yeskova – PhD in Engineering, Head of the Information System Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin str., 27; 8(909)8995996. E-mail: eskann@yandex.ru.

Аннотация. Выделение элементов системы «Социальный потенциал детства в регионе», описание внешних взаимодействий осуществляются посредством метода «черного ящика». «Черный ящик» предполагает изучение внешних информационных потоков системы при условии неизвестности ее содержания и внутренней структуры. В процессе работы сформирован набор данных для последующего системного анализа: «Входные воздействия на систему»; «Выходные характеристики системы»; «Воздействия внешней среды»; «Ресурсы»; «Внутренние индикаторы системы». Для основательного изучения системы мы прибегаем к ее декомпозиции – выделению разных уровней абстрагирования. На данном этапе исследования изучены «входы» и «выходы» системы, индикаторы приведены к количественному основанию с использованием данных федеральной и региональной статистики. В последующем моделирование системы поможет определить условия достижения агрегированных показателей качества детства в регионе – здоровья, образования и духовно-нравственного развития детей.

Summary. Singling out «Childhood Social Potential in the Region» system elements and description of external interactions are carried out with the help of «a black box» method. «The black box» method includes studying external information streams of the system providing the uncertainty of its contents and internal structure. When studying the data set for the subsequent system analysis has been created. They are «Inlet impacts on the system»; «Outlet characteristics of the system»; «Influences of the external environment»; «Resources»; «Internal indicators of the system». The method of decomposition, allocation of different levels of abstraction in particular is used for thorough study of the system. At the present stage the phases of inlet and outlet have been studied, indicators were normalized to the quantitative basis with use of federal and regional statistics. Thereafter modeling of the system will help define conditions of achievement of the aggregated indicators of the childhood quality in the region – health, education and mental and moral development of children.

Ключевые слова: регион, социальный потенциал, детство, системный анализ, метод «черного ящика».

Key words: region, social potential, childhood, system analysis, «the black box» method.

УДК 316.33

Социальный потенциал детства в регионе определяется нами как совокупность ресурсов, резервов и возможностей для детей, проживающих в данном субъекте РФ, в области сохранения здоровья, получения образования и развития духовно-нравственных качеств.

Система «Социальный потенциал детства в регионе» включает множество объектов, взаимодействующих друг с другом посредством обратных связей, как положительных, так и отрицательных. Для выделения объектов системы, описания внешних взаимодействий системы мы обращаемся к методу «черного ящика». Его использование мы считаем вполне оправданным, поскольку, во-первых, «все реальные объекты фактически являются “черными ящиками”» [3, 159]; во-вторых, метод способствует определению границ «управляющая система (надсистема)» – «исследуемая система» как «точки отсчета» для концептуализации предметной области; в-третьих, метод позволяет изучить информационные потоки между «исследуемой системой» – «черным ящиком» и «надсистемой» – «наблюдателем» [3].

В работе «Введение в кибернетику» У. Р. Эшби указывал, что использование методов, соответствующих «черному ящику», приходится применять, когда исследователь «сталкивается с системами, внутренний механизм которых не открыт полностью для наблюдения» [5, 128]. Данные методы заключаются в наблюдении поведения системы на основе измерения входных и выходных воздействий. Однако применение модели «черного ящика» для исследования систем с активными элементами, к которым мы относим систему «Социальный потенциал детства в регионе», накладывает определенные ограничения [3, 563], которые мы предполагаем в дальнейшем снять посредством использования метода «белого ящика».

В результате анализа системы «Социальный потенциал детства в регионе» по методу «черного ящика» построена следующая схема информационных потоков (см. рис. 1).

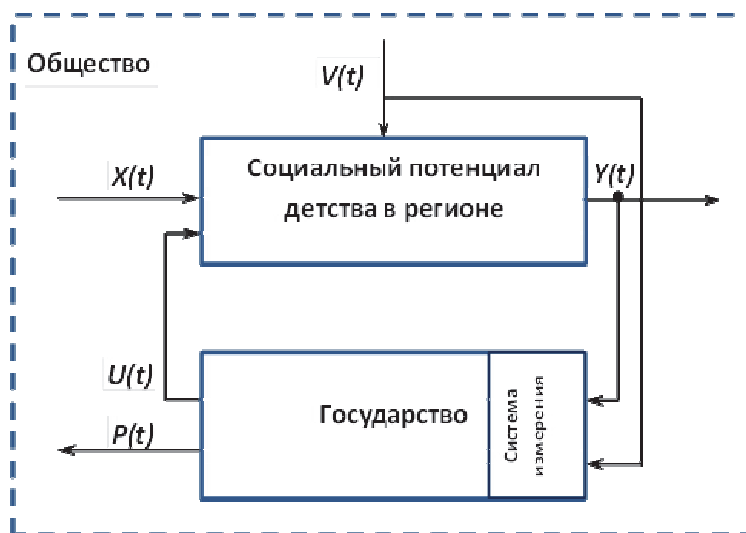

Рис. 1. Информационные потоки в контуре «система “Социальный потенциал детства в регионе” – надсистемы»

Входные параметры системы «Социальный потенциал детства в регионе» образуют вектор $X(t) = (x_1(t), x_2(t), \dots, x_q(t))$. Выходные параметры системы «Социальный потенциал детства в регионе» образуют вектор состояния $Y(t) = (y_1(t), y_2(t), \dots, y_n(t))$, доступный внешней среде и контролируемый с помощью системы измерений, представляющей собой объекты сбора статистики. Таким образом, вектор $Y(t) = (y_1(t), y_2(t), \dots, y_n(t))$ – это статистические показатели, индикаторы состояния системы в определенный момент времени t .

Государственные субъекты управления формируют векторы управляющих сигналов $U(t) = (u_1(t), u_2(t), \dots, u_k(t))$, $P(t) = (p_1(t), p_2(t), \dots, p_l(t))$. Вектор $U(t) = (u_1(t), u_2(t), \dots, u_k(t))$ обеспечивает компенсационное и корректирующее входное воздействие на систему, замыкая малый круг обратной связи и учитывая значения вектора состояний системы $Y(t)$ и окружающей среды $V(t)$. Так как вектор $U(t)$ по содержанию представляет собой решения законодательной, исполнительно-распорядительной, судебной подсистем государства в области социальной защиты детства, то он воздействует не только на исследуемую систему, но и на общество (окружающую

среду) в целом. В ответ общество реагирует изменением вектора состояний внешней среды $V(t) = (v_1(t), v_2(t), \dots, v_m(t))$, замыкая большой круг обратной связи. Регулирующие воздействия государства на общество в целом отображает вектор $P(t)$. Эти воздействия реализуются с использованием государственного аппарата принуждения, системы властных предписаний, обязательных для всех жителей страны. Основным государственным документом выступает Конституция РФ, закрепляющая основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, особенности федеративного устройства и др.

Для описания векторов, характеризующих нашу систему с использованием метода «черного ящика», обратимся к статистическим данным, представленным в университетской информационной системе РОССИЯ (см. прим. 1), статистических сборниках «Дети России 2009» (см. прим. 2) и «Регионы РФ» (см. прим. 3).

Входные параметры системы (вектор $X(t)$) определяются обществом, его гендерной, возрастной, брачной и прочими структурами. К индикаторам «входных воздействий» могут быть отнесены: численность населения; возрастная структура населения (коэффициенты демографической нагрузки, распределение численности населения по основным возрастным группам), гендерная структура населения, структура расселения населения (удельный вес городского населения в общей численности населения, удельный вес сельского населения в общей численности населения), брачное состояние населения (соотношение браков и разводов) и др.

Векторы управляющих воздействий $U(t)$ и $P(t)$ имеют разную направленность: в первом случае воздействуют на систему, во втором – на общество в целом. Воздействия государства на детство в регионе принимают форму федеральной социальной политики, продолжающейся в региональной социальной политике. Под социальной политикой в интересах детей понимается «деятельность государства по созданию правовых условий для обеспечения выживания, сохранения и развития детства» [4]. За период с 1990 по 1999 гг. в нашей стране была сформирована правовая база социальных гарантий детства: в области получения образования (Закон № 3266-1 «Об образовании» от 10 июля 1992 г.), материальной поддержки семьи (Федеральный закон № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19 мая 1995 г.), социального обслуживания семей с детьми (Закон № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в РФ» от 10 декабря 1995 г.), поддержки детских общественных инициатив (Федеральный закон № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28 июня 1995 г.), профилактики детской безнадзорности и правонарушений (Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г.) и др.

Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» (от 24 июля 1997 г.), систематизировал основные права и гарантии детства. Следующий этап развития социальной политики в интересах детей связан с принятием ряда новых законов: «Об образовании в РФ» (действует с 1 сентября 2013 г.), «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (с 22 ноября 2011 г.), «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию» (с 1 сентября 2012 г.). В соответствии с Национальной стратегией в интересах детей на 2012-2017 гг. Россия приступила к созданию среды, «комфортной и доброжелательной для жизни детей», а «обеспечение благополучного и защищенного детства» объявлено одним из национальных приоритетов страны.

Индикаторами управляющего воздействия государства являются финансирование отраслей социальной сферы детства, формы и размеры социальной поддержки семей с детьми, количество социальных программ поддержки детства и семьи; количество органов, защищающих права детей; количество зафиксированных нарушений прав детей и др.

«Воздействия внешней среды» определяются нами как факторы, слабо поддающиеся управленческому воздействию или поддающиеся воздействию, но в отдаленном будущем. К факторам внешней среды могут быть отнесены: природное богатство (структура и объем полезных ископаемых, в том числе нефти, газа, угля и др., сельскохозяйственных площадей, площади земель лесного фонда, охотничьих угодий, водных биоресурсов), экология (выбросы

загрязняющих веществ в атмосферу, сброс сточных вод, природные и техногенные аварии и катастрофы) (см. прим. 4), экономические показатели (уровень жизни населения, величина валового регионального продукта, характеристика финансов и инвестиций), уровень занятости и безработицы населения (характеристика рынка труда и рабочей силы), уровень цен на рынке жилья, динамика цен на потребительском рынке и в производственном секторе, характеристика внешнеэкономической деятельности.

Вектор состояния системы «Социальный потенциал детства в регионе» $Y(t)$ включает три агрегированных выходных показателя – здоровье, образование, духовно-нравственное состояние детства. Содержательное наполнение данных показателей осуществлялось, как и в предыдущих случаях, с привлечением статистических данных.

Интегральный показатель здоровья включает следующие составляющие: количество обращений детей за медицинской помощью; численность вакцинированных детей; распределение детей по группам здоровья; численность детей и подростков, охваченных профилактическими осмотрами, результаты осмотров; заболеваемость детей по основным классам болезней; заболеваемость детей и подростков психическими расстройствами и расстройствами поведения; численность детей с социально обусловленными заболеваниями (алкоголизм и алкогольный психоз, наркомания и токсикомания, ВИЧ-инфекция и СПИД, активный туберкулез, заболевания, передающиеся половым путем); распределение детей с ограниченными возможностями здоровья по причинам инвалидности, формам социального обслуживания (стационарное, на дому и др.).

Интегральный показатель образования включает: охват детей детскими дошкольными учреждениями; численность учащихся общеобразовательных учебных заведений, в том числе занимающихся во вторую и третью смены, в вечерних школах; численность детей вне образования; численность несовершеннолетних, получающих начальное, среднее и высшее профессиональное образование; участие детей в олимпиадах, конкурсах и других мероприятиях межрегионального, общероссийского и международного уровней.

Интегральный показатель духовно-нравственного состояния детства: число выпускаемых детско-юношеских периодических изданий, число изданных книг и брошюр для детей и юношества; число детских библиотек, досуговых учреждений для детей (художественных и музыкальных школ, театральных и танцевальных студий, домов творчества для детей, спортивных клубов, детских бассейнов, стадионов, эколого-биологических учреждений, туристско-краеведческих, технических, военно-патриотических учреждений); количество детских и молодежных общественных организаций; численность несовершеннолетних, совершивших преступные действия (в том числе в состоянии алкогольного и наркотического опьянения); число осужденных несовершеннолетних по видам преступлений; численность несовершеннолетних, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних; число зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних.

Метод «черного ящика» помог взглянуть на систему со стороны, определить ее «входы» и «выходы», обозначить воздействия внешней среды. Входные воздействия – это переменные, на которые можно оказывать влияние с целью активизации социального потенциала детства в регионе. Факторы внешней среды мы в некотором смысле воспринимаем как константы, допускающие иногда возможность опосредованного влияния.

Таким образом, мы получили следующий набор данных для системного анализа: «Входные воздействия на систему»; «Выходные характеристики системы»; «Воздействия внешней среды»; «Ресурсы». Агрегированные показатели качества детства в регионе выводят нас на проблему определения внутренних индикаторов системы. Для решения этой задачи мы обратимся в дальнейшем к методу «белого ящика». На следующем уровне декомпозиции – в самой системе «Социальный потенциал детства в регионе» также будет выделена структура управления и получены малые круги обратных связей.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041).

ЛИТЕРАТУРА

1. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер; пер. с англ. – М.: Сов. Радио, 1958. – 215 с.
2. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза / С. Г. Кирдина // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 13-23.
3. Системный анализ и принятие решений: словарь-справочник: учеб. пособие для вузов / под ред. В. Н. Волковой, В. Н. Козлова. – М.: Высш. шк., 2004. – 616 с.
4. Филипова, А. Г. Детская социальная политика в современной России: от выживания к развитию детства / А. Г. Филипова // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2015. – № III-2(23). – С. 58-65.
5. Эшби, У. Р. Введение в кибернетику / У. Р. Эшби; пер. с англ. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 432 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Университетская информационная система РОССИЯ. Базы данных и on-line анализ. – Режим доступа: <http://www.uirussia.msu.ru/> (дата обращения 02.05.2016).
2. Дети в России. 2009: стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. – 121 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.
4. EM-DAT Глобальная база природных и техногенных катастроф. – Режим доступа: <http://www.emdat.be/> (дата обращения 28.04.2016).

Чебанюк Т. А., Коньрева И. В.

ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ И ЧЕЛОВЕК ПОСТСОВЕТСКИЙ: СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Чебанюк Т. А., Коньрева И. В.

T. A. Chebanyuk, I. V. Konyreva

**ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ И ЧЕЛОВЕК ПОСТСОВЕТСКИЙ:
СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ**

SOVIET PERSON AND POST-SOVIET PERSON: SYSTEM AND STRUCTURAL ANALYSIS

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217) 53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Ms. Tatiana A. Chebanyuk – Doctor in Cultural Studies, Professor, Professor of the Department for Cultural Studies and Philosophy, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Str., +7(4217)537506. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Коньрева Ирина Вадимовна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27, 8(4217) 27-93-21. E-mail: konyrevaiv@mail.ru.

Ms. Irina V. Konyreva – PhD in Cultural Studies, Assistant professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Str., +7(4217)537506. E-mail: konyrevaiv@mail.ru.

Аннотация. В статье выявляются системно-структурные особенности антропологических моделей «человека советского» и «человека постсоветского» в отечественной культуре.

Summary. System and structural peculiarities of anthropological models of ‘soviet person’ and ‘post-soviet person’ in the native culture are revealed in the article.

Ключевые слова: современный человек, системно-структурные особенности, антропологическая модель, «человек советский», «человек постсоветский».

Key words: modern person, system and structural peculiarities, anthropological model, ‘soviet person’, ‘post-soviet person’.

УДК 007

Каждая историческая эпоха формирует культурно-антропологический тип человека в соответствии с представлениями о его сущности, ценностном мире и мировоззрении, с доминирующей в обществе идеологией.

По нашему мнению, «это фиксированная модель человека в культуре, определённый универсальный тип личности, который выражает стержневую идею эпохи, заключающую в себе духовно-ценностное её ядро» [6, 45]. Научный интерес в гуманитарном дискурсе в настоящее время представляет новый тип человека – человека постсоветского, сформировавшегося в новых культурно-исторических условиях. Системные характеристики человека постсоветского следует выстраивать в соотнесённости с предыдущим типом человека – человека советского.

Тип сознания человека советского – идеологизированный, монолитный. Он осознаёт действительность через идеологические догмы, сформированные на основе марксистско-ленинского учения, навязывания прописных истин.

Характерный для советской эпохи документ сохранился у студентки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, который достался ей от бабушки с наказом хранить и передать следующему поколению. Одну из заповедей следует процитировать: «Всегда помни, что ты гражданин великой Родины – Союза Советских Социалистических Республик, страны Свободы и Счастья».

Если в этом аспекте рассматривать человека постсоветского, то можно утверждать, что его сознание является фрагментированным. В настоящее время ему предлагают различные истины в зависимости от политических конъюнктур, и возникает иллюзия, что он сам делает выбор, какую из них принять. Это касается политики, религии, ценностных установок базовой культуры. Однако и постсоветскому человеку предлагают новую истину в качестве уже готового рецепта.

Тип познания советского человека можно обозначить как идеологизированный: ему навязывается, преимущественно через масс-медийные каналы, общая модель поведения, в которой репрезентируются нормы жизни, поведения, идеологизированные, политизированные ценностные ориентиры и т.д. Так, человек советский знал, что коллектив превыше всего, что нужно ударно работать на всеобщее благо, что если кто-то не разделяет подобных взглядов, то он является врагом советского государства и его народа.

Вместе с тем в настоящее время изменилась технология производства истины и её природа. Это уже не партийная, а масс-медийная истина. В связи с этим формируется иллюзия, что человек может сознательно (а не под идеологическим прессингом) выбирать те из истин, которые ему предлагает масс-медиа.

Человек постсоветский обладает иным типом сознания, он не воспринимает продиктованные истины (изменились и сами истины) и нацелен на то, чтобы осознать и проверить их достоверность.

Система ценностей представителя советской эпохи определялась кодексом строителя коммунизма: главенствующими ценностями являлись коллективные, идеологически ангажированные. Систему ценностей постсоветского человека задаёт преимущественно массовая культура, вследствие чего на первый план выходят материальные ценности и, прежде всего, личный материальный успех, подкреплённый признанием и быстрым продвижением по карьерной лестнице.

Национальная идея в советский период обладала идеологическим характером, основу которого определяла идея победы коммунизма во всём мире, и советские люди верили в обещанное «светлое будущее». В настоящее время правительство также пытается создать иллюзию существования национальной идеи, но почти все осознают, что она давно утеряна. Человек постсоветский не является патриотом своей страны. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что представители молодого поколения не видят будущего своей страны и мечтают покинуть её пределы, а многие молодые люди и их родители не считают обязательным служить в армии (идут на всевозможные ухищрения, чтобы избежать службы).

Отношение к жизни человека советского было действенным, активным, хотя и во многом спровоцированным доминирующей идеологией, ориентирующей его на выполнение грандиозных планов пятилетки, широкомасштабное строительство городов, заводов и т.п. Ударный труд был безоговорочно признан неотъемлемой обязанностью каждого гражданина страны, целью и смыслом жизни. Наиболее репрезентативно этот факт иллюстрируется в кинематографе, живописи и музыкальных произведениях советских лет.

В отличие от советского, постсоветский человек ориентирован на потребление, что отмечают многие исследователи, в частности, Ю. Левада в своих работах, основанных на результатах исследований человека постсоветского [1; 3]. В частности, он фиксирует его стабильную ориентацию преимущественно на материальный успех. Отчуждаясь от политики и социальных идеалов, человек постсоветский отдаётся стихии потребления, иллюзии создания полноты жизни путём насыщения материальными благами. Это, по мнению большинства людей постсоветской эпохи, свидетельствует о стабильности, устойчивом социальном положении, престиже в обществе. Он по преимуществу материалистичен, мотивирован личным и в большей мере материальным интересами. Достижение материального достатка, престижа в обществе является для него значимым.

Отличными являются способы существования людей разных эпох. Советский человек находился в постоянной борьбе, преодолевая препятствия (война, борьба с врагами коммунизма, освоение новых земель, строительство новых городов, электростанций, поднятие целины и др.). Современный человек ориентирован на пользу плодов цивилизации; использует все ресурсы (человеческие, природные, технические), чтобы облегчить своё существование, сделать его комфорт-

ным. Этим фактом обусловлено разрастание сферы услуг, изобретение новых технических средств, направленных на упрощение жизни и высвобождение времени.

Советскому человеку навязали правильную по всем показателям марксистско-ленинского учения модель поведения (идеологическую, политическую и моральную). По существу, он был лишён права выбора, отсюда – отсутствие поиска иных жизненных моделей, довольствование тем, что он имеет. Человек был убеждён в отсутствии высшей силы, но одновременно был подвержен (или вовлечён) процессу культивирования «вождя народа», верил в его правоту. Для современного человека характерно обращение к религии, однако это обращение для большинства людей имеет номинальное свойство, и религия приобретает «прагматическое назначение».

Следуя стратегиям, «человек советский» предпочитал коллективные механизмы самоидентификации, одним из которых была ударная работа и слитность с трудовым коллективом, в том числе и в коллективных досуговых практиках. Современный человек в той или иной мере самодостаточен. Он стремится в своём большинстве так или иначе выделиться из толпы, ощутить себя индивидуальностью, отличаться от всех. Особенно характерным (даже обязательным) это становится для современных предпринимателей.

Вместе с тем человек постсоветский во многом подвержен влиянию стереотипов, навязываемому средствами массовой коммуникации, и зачастую идентифицирует себя с образами, сформированными СМИ. Рекламные ролики, развлекательные передачи, обложки глянцевого журналов ориентируют его на представленные эталоны, которым следует соответствовать, чтобы слыть успешным и популярным. Он оказывается в пространстве тотальной масс-медийной повседневности. Массовая культура навязывает ему ложные ценности, которые воспринимаются человеком потребляющим как истинные ценности (автомобили, драгоценности, меха, парфюмерия и косметика – показатели достатка, к которому необходимо стремиться).

Регуляторы жизни советского человека определяла партийная идеология со строго прописанными истинами, которой строго придерживались. Значимую власть имело общественное мнение (партийные собрания, общественные порицания). Отсутствие идеологической базы, утрата веры в закон привели к тому, что постсоветский человек перестал неререфлексивно доверять представителям власти, и зачастую причиной этого являются коррупция, злоупотребление должностными полномочиями и т.д.

Разными являются темпы жизни советского и постсоветского человека. В первом случае доминирует относительная стабильность, устойчивость, уверенность в завтрашнем дне. В человеке постсоветском преобладает неуверенность в будущем за счёт повышения цен, снижения оплаты труда, отсутствия гарантированных рабочих мест. Повседневность постсоветского человека характеризуется быстрыми изменениями в экономической, политической и культурной жизни: они, как правило, неконтролируемы и непредсказуемы, что также обуславливает нестабильность человеческого бытия.

В заключение необходимо отметить, что системы ценностей человека советского и человека постсоветского не являются чётко выстроенными системами ориентиров несмотря на то, что советская идеология активно пропагандировала советский образ жизни как совершенный, идеальный. В настоящее время в обществе доминируют витальные ценности, обусловленные идеалами здорового образа жизни, успешности. Семейно-родственные ценности перестали играть решающую роль для постсоветского человека, главенствующей ценностью становится материальное благосостояние. В зависимости от ситуации он меняет жизненные ориентиры, чтобы подстроиться под сложившиеся обстоятельства.

Российская современность, определяемая доминантой массовой культуры и «магией потребления», отвлекает человека от политики, бытийных, нематериальных проблем. Поэтому абсолютная материализация жизни, победа в ней частного начала, подмена ценностей, устремлённость общества «в быт», потребительски-бытовая виртуализация всего (начиная с интимной жизни, личных отношений и заканчивая религией, верой, осмыслением бытия) определяют социокультурное пространство человека постсоветского.

Таким образом, можно подвести итоги характеристик двух типов человека. Советский строй не сформировал и не мог сформировать «многомерного человека». Был сформирован «упрощённый» в своих представлениях и запросах человек; человек, приспособленный к заданной социокультурной реальности; человек, мыслящий идеологическими стереотипами, навязываемыми идеологией; человек, всецело уповающий на государство, а не на свои силы и возможности; «человек, мобилизованный на борьбу»; человек, ожидающий «милости от государства» и не считающийся на свои силы.

Современный человек – пользователь, тот, кто умеет применять технологические достижения вне зависимости от того, соответствует ли уровень его развития уровню развития технологий.

Человек «постсоветский» («современный») – отстранённый в своей массе от общественной жизни, передающий свои права на устройство жизни общественным институтам. Он только «наблюдает» за тем, что происходит в обществе (принимаются законы, формируются правительства), но не влияет на происходящее; жизнь общества для него – закрытый процесс. Современный человек дезориентирован, он не имеет чётких критериев, которыми должен руководствоваться; зачастую не понимает происходящего, поэтому его основное состояние – страх быть исключённым из общества, оказаться на обочине из-за неадекватного поведения. Вследствие этого он уповает на «единоспасающий» его образ – образ первого лица государства – как олицетворение коллективных надежд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левада, Ю. А. Координаты человека. К итогам изучения «человека советского» / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 1(51). – С. 7-15.
2. Левада, Ю. А. «Человек ограниченный»: уровни и рамки притязаний / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – № 4 (48). – С. 7-13.
3. Левада, Ю. А. Человек приспособленный / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – № 5 (43). – С. 7-17.
4. Левада, Ю. А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации / Ю. А. Левада // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 5-15.
5. Левада, Ю. А. 10 лет перемен в сознании человека / Ю. А. Левада // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 28-44.
6. Чебанюк, Т. А. Методы изучения культуры: учеб. пособие / Т. А. Чебанюк. – СПб.: Наука, 2010. – 350 с.

Елинская Я. А.
Ya. A. Yelinskaya

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРЫ НЕОШАМАНИЗМА

THE PROBLEM FIELD OF NEOSHAMANISM CULTURE RESEARCH

Елинская Янина Алексеевна – директор Сибирского института практической психологии, педагогики и социальной работы (Россия, г. Новосибирск); 630009, Новосибирск, ул. Никитина, 20; тел. 8(903)9345304. E-mail: yanina55555@mail.ru.

Ms. Yanina A. Yelinskaya – director of Siberian institute of practical psychology, pedagogy and social work (Russia, Novosibirsk); 20, Nikitina Str., Novosibirsk, 630009; tel. 8(903)9345304. E-mail: yanina55555@mail.ru.

Аннотация. Цели статьи – рассмотрение проблем культурологического исследования неошаманизма и определение специфики данного феномена. Рассмотрена проблема содержания и объема понятия «неошаманизм»; определены основные виды неошаманизма. Освещены вопросы религиозного характера неошаманизма, шаманского экстаза и репрезентации шаманской вселенной. Обозначены проблемы функционирования неошаманизма в контексте современной культуры и взаимодействия с внешними институтами культуры.

Summary. The article is aimed at considering the problems of cultural studies of neoshamanism and at defining the specificity of this phenomenon. The problem of the content and scope of the concept of «neoshamanism» is focused on; the basic types of neoshamanism are defined. The issues of religious nature of neoshamanism, shamanic ecstasy and the shamanic universe representation are analyzed in the article. The issues of neoshamanism functioning within the framework of contemporary culture and interaction with external cultural institutions are raised.

Ключевые слова: шаманизм, неошаманизм, базовый шаманизм, психотехника, шаманский экстаз, измененное состояние сознания, бриколаж.

Key words: shamanism, neoshamanism, basic shamanism, psychotechnics, shamanic ecstasy, altered state of consciousness, bricolage.

УДК 008

Термин «неошаманизм» («новый шаманизм») охватывает широкий спектр разнородных явлений культуры, объединяемых по признаку присутствия различных элементов шаманизма в жизни современного общества и предполагающих синтез их с нехарактерными для традиции условиями современности и формирование качественно новых атрибутов, оправдывающих префикс «нео». Исследователь неошаманизма решает двоякого рода задачу: с одной стороны, он должен определить шаманизм как автономную культурную форму, отличающуюся от других форм и остающуюся неизменной во всех культурно-исторических вариациях и видах; с другой – необходимо обосновать приставку «нео», связать шаманизм как таковой с контекстом современной цивилизации и тем самым представить его уже как несамостоятельный феномен, проявление факторов, располагающихся вне его внутренней структуры. Культурологическое исследование неошаманизма, соответственно, должно включать в себя освещение целого круга проблем, касающихся сущности и структуры шаманизма как культурного феномена, социально-исторических условий его существования, различия между традиционными и новыми формами шаманизма, характера постмодернистской культуры, допускающей синтез элементов традиции и современности и т.п.

Задачей данной статьи является освещение основных проблем, с постановкой и разрешением которых связано культурологическое исследование неошаманизма. Проблемы в данном случае – это те вопросы, ответы на которые должны раскрыть внутреннюю сущность данного феномена, специфику его функционирования и взаимодействия с внешними социокультурными факторами.

Первая проблема связана с содержанием и объемом понятия «неошаманизм». Этот термин появляется впервые в американской литературе как обозначение культурного течения возрождения индейских шаманских практик и освоения их людьми, не относящимися к индейскому этносу, носителями западной или иной культуры. Рождение этого культурного течения связано с деятельностью антропологов К. Кастанеды и М. Харнера, ставших из исследователей шаманизма его последователями, популяризаторами и своеобразными интерпретаторами. М. Харнер, посвященный в шаманы в южноамериканском племени, организовал в 1979 г. Фонд изучения шаманизма (см. прим. 1) и предложил термин «базовый шаманизм» (core shamanism), обозначающий универсальные шаманские практики, освобожденные от контекста конкретной традиции и адаптированные к человеку современной культуры. М. Харнер и его многочисленные последователи в разных странах мира занялись распространением базового шаманизма как универсальной психотехники «исцеления души», синтезируя различные этнические традиции и психотерапевтические теории [2]. Таким образом, термин «неошаманизм» в первую очередь относился к адептам базового (экспериенциального) шаманизма, представляющего собой модернизированную, обобщенную форму, предлагающую любому человеку независимо от его социально-культурной принадлежности освоить опыт шаманских путешествий в качестве психотерапевтической или духовной практики.

Однако это понятие применимо и к другому виду современного шаманизма, исходящему от представителей различных этнорелигиозных культур, легитимирующих статус шамана своей принадлежностью к шаманскому роду, к непрерывности традиции [15]. В России эта форма распространена в регионах Сибири и Дальнего Востока; в некоторых из них шаманизм законодательно оформлен в качестве традиционной религии (республики Саха, Тыва, Бурятия). Несмотря на то что такие шаманы настаивают на своей причастности к традиционному шаманству и обычно не согласны с причислением их к «нео», организационные формы и условия их деятельности имеют модернизированный, нетрадиционный характер: они объединяются в ассоциации, подобные профсоюзам, проводят конференции, пользуются законодательными привилегиями, образуют коммерческие предприятия, специализирующиеся на народном целительстве, используют технологии маркетинга и т.д. Как отмечает В. И. Харитонова, «поменялись и сами функции шаманов, и принципы их быта, их жизни и даже их камланий» [15]. Подобные формы шаманизма, восходящие к традиционному, но организованные в соответствии с современными институтами, встречаются во многих странах мира и отражают процессы этнокультурной идентификации на фоне культурной глобализации и унификации.

Наконец, к неошаманам без всяких оговорок нужно причислить многочисленную группу так называемых «городских шаманов» – это люди, не принадлежащие к какой-либо конкретной традиции или течению и конструирующие индивидуальные, наиболее удобные для них варианты шаманских практик, использующие их в различных целях – от личной психотерапии до коммерческого туризма. По словам А. И. Дружинина, «городской шаман всегда существует сам по себе, для него нет авторитетов, он даже может не пользоваться традиционными шаманскими ритуалами...» [3, 5].

Таким образом, термин «неошаманизм» охватывает достаточно разнородные явления, опирающиеся на различные системы легитимации: представители «базового шаманизма» основывают применение психотехник на концепции универсального шаманизма – результата определенного обобщения и конструирования; «потомственные» шаманы обосновывают свой статус принадлежностью к конкретной, освещенной веками традиции; «городские шаманы» не нуждаются ни в каком внешнем обосновании и опираются на индивидуальный опыт.

Различие между этими формами укладывается в триаду параметров *общее – особенное – индивидуальное* и отражает достаточно старую в антропологии научную проблему: насколько сам термин «шаманизм», основанный на слове из алтайского языка, применим к явлениям, хоть и сходным между собой, но существующим в рамках иных традиций и верований? Можно ли выделить общую сущность шаманизма, позволяющую применить ее к разнообразным явлениям мировой культуры?

На этот вопрос пытался ответить М. Элиаде, говоря о «центральном ядре» шаманизма, независимом от культурной специфики. По его мнению, все вариации шаманизма в мире можно свести к одному обобщающему определению – *это религиозная система, центральной фигурой в которой выступает шаман, переживающий экстатические, мистические состояния, способный управлять этими состояниями и выполнять функцию посредника между различными уровнями мироздания, между миром духов и миром повседневности* [16, 10]. Взяв это определение за основу, рассмотрим, какое специфическое содержание вносят в его компоненты различные формы неошаманизма.

Во-первых, шаманизм определяется как религиозная система, что предполагает наличие коллективной веры в способности шамана и в тот мир, с которым он взаимодействует. Как отмечал К. Леви-Строс, шаманизм представляет собой комплекс, образуемый, «с одной стороны, личными переживаниями шамана, а с другой – коллективным одобрением» [7, 159]. В своей статье «Колдун и его магия» французский антрополог доказывал, что статус и эффективность деятельности шамана зависят от группы, признающей или не признающей его успех.

Неошаманистские практики, напротив, не нуждаются в легитимации социальной группой; по крайней мере, это справедливо для «базового» и «городского» шаманизма, представители которых опираются в первую очередь на собственный индивидуальный опыт. Окружающие могут как угодно относиться к тому, кто называет себя шаманом и рассказывает о своих шаманских путешествиях; главное – собственная уверенность, основанная на личных переживаниях. В различных «пособиях» по неошаманизму этот момент акцентируется в утверждении нерелигиозной природы шаманизма – это не вера, не религия, в нем нет догм, иерархий и обетов [6; 10], т.е. отрицается власть надличностных догматов веры и утверждается ценность личного, практического знания и опыта. Кроме того, использование шаманских психотехник в психотерапевтической практике подразумевает возможность того, что и врач, и пациент не будут верить в реальность шаманской вселенной, но будут знать и проверять на практике эффективность шаманских практик для восстановления психического здоровья пациента.

Проблема шаманской веры в данном случае является конкретным случаем постсовременной трансформации религиозности, которая, по мнению социологов, всё более индивидуализируется, становится делом личного выбора и освобождается от диктата религиозной общности [1]. Внутренний личный опыт становится главным критерием ценности и истинности религиозного переживания. Религиозные смыслы при этом теряют самодостаточный, самоценный характер «последней реальности» и становятся инструментами для достижения внерелигиозных целей – психологического равновесия, семейного благополучия, успеха, самореализации, усиления общественных «скреп» и т.п. [5]. Традиционный шаман становился таковым в результате определенного «призвания», выражаемого в наступлении шаманской болезни, в том, что он, независимо от своей воли и желания, начинал *служить* медиумом между миром духов и коллективом. Современный шаман свободно избирает путь шамана и использует его для реализации целей, лежащих вне шаманской вселенной. Неошаманизм – это именно психотехника, а не служение.

Следует отметить, что индивидуальный характер неошаманизма не означает того, что современный шаман не нуждается в признании его статуса другими людьми. Но в качестве аудитории, подтверждающей ценность и эффективность личного шаманского опыта, выступает не родоплеменной коллектив, живущий с шаманом в одной, ограниченной среде, а разбросанная территориально и социально аудитория «посвященных», включающая и традиционных шаманов, посвящающих «новичка», и носителей современной культуры, практикующих шаманизм, и заинтересованных читателей книг и посетителей шаманских сайтов, и многих других. Статус современного шамана во многом опирается не на признание непосредственных участников и зрителей ритуала, а на репрезентационные возможности средств массовой коммуникации, создающих эффект коллективной веры.

Следующий момент, на который указал М. Элиаде, это ключевой объект шаманской веры и его отличительное качество – шаман, испытывающий экстатические состояния и способный управлять ими. Именно это звено шаманизма сохраняется во всех модернизированных его фор-

мах: любая теория или практика, причисляющая себя к шаманизму, опирается на опыт погружения личности в состояние транса, видений и мистических переживаний, другими словами, в измененное состояние сознания. Независимо от того, какие средства используются для его достижения и каковы подробности шаманских путешествий, в описаниях такого состояния можно выделить общие признаки: здесь не действуют законы логики, рациональной связи, но при этом мистический опыт поддается символизации; опыт нарушения «гомеостаза личности» [4, 114] – чувство стирания повседневной идентичности и погружения в идентичности («души») других существ или предметов.

Не вдаваясь в подробности изучения шаманских трансов, сравним функции этих состояний в традиционном и современном обществах. По мнению К. Леви-Строса, шаманизм представляет собой форму социальной эксплуатации психопатических склонностей к производству избытка символов. Этот избыток необходим обществу для «выражения неизрекаемых состояний», которые постоянно испытывают на прочность пределы символической системы, скрепляющей родоплеменной коллектив [7]. Символическая функция шамана в этом смысле сходна с функцией психоанализа, переводящего бессознательное в сознание. Различие в том, что шаман совмещает в себе роли пациента-невротика и психоаналитика и в результате транса производит не рациональную картину, а синкретическое единство физиологических, чувственных и символических элементов.

Функциональная роль шаманского транса и других форм измененного состояния сознания в современной культуре раскрывается в контексте господства рациональных и инструментальных принципов, приводящих к доминированию интеллектуальной составляющей психики и подавлению аффектно-чувственных элементов. Рациональный человек в эпоху постмодерна переживает серьезный кризис, т.к. демонстрирует невозможность охватить и объяснить всю личность целиком, дать способ достижения гармонии всех психических проявлений. В силу этого шаманский экстаз как регулируемая психотехника представляет собой единство рационального и иррационального, психического и соматического аспектов личности и потому имеет ценность сам по себе, независимо от конкретной эффективности своих результатов. Погружаясь в экстатическое состояние, современный человек компенсирует фрустрацию от репрессивного доминирования в культуре принципов инструментальной рациональности. Вместе с этим шаманская практика претендует на статус «техники себя» (М. Фуко) – техники автокультивации, продуманного и добровольного преобразования себя в некое произведение, оцениваемое эстетически [14, 17].

Наконец, следует задать вопрос о том, в какой реальности существует шаман во время транса. Точнее, как эта реальность описывается? Здесь неошаманизм допускает самые различные трактовки от приближенных к научным до эзотерических описаний мистического мира. С одной стороны, могут использоваться психологические термины, отсылки к теории психоанализа, архетипам, представляющие шаманскую вселенную как визионерскую метафору бессознательных психических процессов, с другой – активно используется символика разных шаманских традиций и культур в совокупности с элементами других религиозных традиций, оккультизма, культуры *new age*, представляющая анимистическую картину всеобщей одухотворенности и связанности. В современной шаманской вселенной духи живут вместе с энергиями и психологическими процессами, и часто их невозможно отличить друг от друга.

Синкретизм понятий и дискурсов, смешивающихся в различных индивидуальных комбинациях, свидетельствует о мифологическом характере неошаманистской картины мира, специфику которой можно описать с помощью понятия *бриколажа*, введенного К. Леви-Стросом. Бриколаж как принцип мифологического мышления реализуется в использовании различных «подручных средств» для создания «подвижной» структуры, внутри которой элементы обладают как бы двойным значением – тем, каким элемент обладал изначально, и тем, которое он приобрел внутри данной структуры [8, 168-171]. К. В. Пименова исследовала действие бриколажа в использовании современными тувинскими шаманами концептуального материала из буддистской обрядности [12]. Механизм бриколажа можно считать характерным для всего неошаманистского дискурса, использующего элементы различных символических традиций для создания мифологической системы, в которой шаман наделен способностью управлять нематериальными сущностями и, тем

самым, управлять реальностью. Если в архаических обществах арсенал «подручных средств» шаманской мифологии ограничен пределами имеющихся символических систем родоплеменного коллектива, то в современном мире шаманизм имеет самый широкий арсенал символических форм мировой культуры. Это позволяет создавать «подвижную» картину, адаптируемую к любому человеку, желающему освоить шаманские практики.

В когнитивном аспекте восприятие шаманской вселенной идентично эзотерическому познанию, которое, по мнению С. В. Пахомова, характеризуется процессами интуирования – «рационально-иррационального схватывания действительности» и производства интуэм. *Интуэма* – это когнитивная единица, представляющая собой единство элементов логического познания и иррационального постижения: «Особенностью интуэмы является схватывание означаемого ею объекта одновременно в его синхронии и диахронии; означаемое при этом погружено в нечто вроде облака, содержащего одновременно весь спектр возможных значений. В этом “облаке значений” отсутствуют отчетливые границы, хотя это не значит, что они совсем не ощущаются. Интуэнт – тот, кто использует интуэму, – способен совершенно уверенно (для себя) интуировать-интерпретировать означаемое» [11, 80]. Переживания во время шаманского транса, по всей видимости, носят характер интуитивного постижения образов-символов, в которых важную часть содержания составляет трансцендентное Иное, не поддающееся кодификации.

Рассмотрев «внутренние» характеристики культуры неошаманизма, следует обратиться к его взаимодействию с окружающими культурными процессами и системами. Обширный объем исследований шаманских практик в современном мире посвящен изучению институциональных форм их существования – шаманских религиозных организаций и ассоциаций, проведения конгрессов регионального и международного уровней, систем иерархии и статусного признания, законодательного регулирования. Всё это свидетельствует о включенности шаманизма в социальные, политические и экономические процессы общества. Традиционный шаманизм, организованный в современные институциональные формы, становится одним из инструментов культурной идентификации различных этнических регионов и их борьбы за привлечение тех или иных ресурсов (политических, финансовых, туристских).

Но, несомненно, большой вклад шаманизм в его современных вариациях вносит в эстетическую сферу жизни общества. Шаманские камлания или инсценировки таковых профессиональными актерами и танцорами становятся неотъемлемыми атрибутами национальных торжеств и концертов, трансформируясь из религиозного действия в эстетически-досуговое. Возникают музыкальные субкультуры, использующие элементы шаманской традиции (горловое пение, инструменты, костюмы) и соединяющие их с современными музыкальными направлениями (trance, neofolk, folk-noise, ritual ambient и др.). Представители таких субкультур часто заявляют о том, что они не просто включают элементы шаманского ритуала в музыкальное произведение, но и сами достигают состояния транса и вовлекают в него слушателей и зрителей музыкального концерта, т.е. воспроизводят отношение *шаман – коллектив*, характерное для родоплеменного шаманизма. Соединение шаманизма и художественной культуры, таким образом, говорит не только о характерной для постмодерна эстетизации изначально внеэстетических культурных форм, но и об обратном стремлении самой эстетической деятельности вырваться за пределы художественности и слиться с ритуалом, стать многомерным означающим сакральной реальности [9].

Итак, термин «неошаманизм» охватывает разнородные формы современного шаманизма, опирающиеся на различные системы легитимации. Это «базовый шаманизм», выведенный искусственно в качестве универсальной психотехники; это «городской» шаманизм как форма индивидуальной самодеятельности; это этнорелигиозный шаманизм, облеченный в современные институциональные формы. Все эти виды неошаманизма отражают современное состояние религиозного сознания, отличающегося процессами индивидуализации и подчинения секулярным ценностям и нормам.

Тем не менее общим и неизменным звеном, сближающим неошаманистские практики с традиционным шаманизмом, является состояние экстаза, в которое способен погружаться шаман и в ходе которого он (каким-то образом) управляет реальностью. В условиях кризиса инструмен-

тальной рациональности шаманский транс обретает культурную ценность как выражение единства рациональных и иррациональных, психических и телесных аспектов личности. Репрезентация шаманской вселенной, переживаемой во время транса, построена по принципам мифологического бриколажа и эзотерического познания.

Современный шаманизм включен во взаимодействие с различными сферами культуры – научными исследованиями, медицинскими практиками, социально-политическими и экономическими процессами. Но специфика культурного функционирования современного шаманизма, видимо, в большей степени отражается в его тесном взаимодействии с эстетической деятельностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белла, Р. Социология религии / Р. Белла; пер. с англ. В. В. Воронина // Американская социология. – М.: Прогресс, 1972. – С. 274-281.
2. Воронина, В. Ю. Распространение базового (экспериментального) шаманизма в мире и в России [Электронный ресурс] / В. Ю. Воронина. URL: <http://www.lad-mir.ru/article/36> (дата обращения: 20.03.2016).
3. Дружинин, А. И. Феномен городского шаманизма и его роль в культуре / А. И. Дружинин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 8(83). – С. 4-7.
4. Дружинин, А. И. Шаманизм и неошаманизм в культуре постмодерна / А. И. Дружинин // Известия ВолгГТУ. – 2013. – № 9(112). – С. 113-116.
5. Иващенко, Я. С. Аксиология современного шаманизма в Хабаровском крае / Я. С. Иващенко, Я. А. Елинская // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2 (23). – С. 85-94.
6. Кинг, С. К. Городской шаман / С. К. Кинг. – М.: София, 2001. – 288 с.
7. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс; пер. с фр. В. В. Иванова. – М.: Наука, 1985. – 536 с.
8. Леви-Строс, К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / К. Леви-Строс; пер. с фр. А. Б. Островского. – М.: Академический проект, 2008. – 520 с.
9. Матюшко, А. В. Полисемантическая ритуала как следствие его многомерности / А. В. Матюшко // European Social Science Journal. – 2014. – № 6-3 (45). – С. 283-289.
10. Медоуз, К. Шаманский опыт. Практическое руководство по современному шаманизму / К. Медоуз. – М.: ФАИР-Пресс, 1999. – 320 с.
11. Пахомов, С. В. Специфика эзотерического знания / С. В. Пахомов // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблемы интерпретации эзотеризма и мистицизма: сб. материалов 3-й междунар. науч. конф. – СПб.: РХГА, 2010. – С. 73-84.
12. Пименова, К. В. Некоторые аспекты современного возрождения буддийской и шаманской обрядности в Туве (буддийский гороскоп и «астрологические» обряды) [Электронный ресурс] / К. В. Пименова // Этнографическое обозрение. Ноябрь, 2006. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2006/EOO2006_6e.pdf (дата обращения 25.06.2016).
13. Свидерская, Н. Е. Нейрофизиология и исследования ИСС / Н. Е. Свидерская // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: материалы Междунар. конгресса. – М.: ИЭА РАН, 1999. – С. 125-133.
14. Фуко, М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / М. Фуко; пер. с фр. В. Каплуна. – СПб.: Академический проект, 2004. – 430 с.
15. Харитонова, В. И. Неошаманизм [Электронный ресурс] / В. И. Харитонова. URL: <https://postnauka.ru/video/48994#!> (дата обращения: 18.05.2016).
16. Элиаде, М. Шаманизм. Архаические техники экстаза / М. Элиаде; пер. с англ. К. Богуцкого. – Киев: София, 2000. – 480 с.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. The Foundation for Shamanic Studies: <https://www.shamanism.org/index.php>.

Лазуткина Е. В.
АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО МЕТОДИКЕ А. НАЗАРОВА И Р. СОКОЛОВА «СЕРИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЙ» С ВЫРАЖЕНИЕМ-СТИМУЛОМ «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЭЛИТА» В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Лазуткина Е. В.
E. V. Lazutkina

**АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО МЕТОДИКЕ А. НАЗАРОВА И Р. СОКОЛОВА
«СЕРИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЙ» С ВЫРАЖЕНИЕМ-СТИМУЛОМ
«СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЭЛИТА» В СТУДЕНЧЕСКОЙ
АУДИТОРИИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**ASSOCIATIVE EXPERIMENT BY A. NAZAROV AND R. SOKOLOV'S PROCEDURE
"SERIES OF THEMATIC ASSOCIATIONS" WITH THE STIMULUS "CONTEMPORARY
RUSSIAN CULTURAL ELITE" AMONG STUDENTS OF SIBERIAN FEDEAL UNIVERSITY**

Лазуткина Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Россия, г. Красноярск). E-mail: helenal20@mail.ru.

Ms. Elena V. Lazutkina – senior lecturer of Department of Foreign Languages for Humanities, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk). E-mail: helenal20@mail.ru.

Аннотация. В данной статье исследуется категория современной российской культурной элиты в общественном мнении студентов Сибирского федерального университета в рамках ассоциативного эксперимента по методике А. Назарова и Р. Соколова. В результате исследования получены ответы ста трех студентов и сведены к четырнадцати категориям ассоциатов. Разработан коллективный семантический спектр ответов, а также представлена таблица четырнадцати основных ассоциатов, проанализированы особенности ответов в связи с основными направлениями подготовки студентов. Полученные выводы могут помочь в коррекции образовательного и воспитательного процесса студентов.

Summary. The article deals with the concept of contemporary Russian cultural elite as a phenomenon of public opinion of the students of Siberian Federal University in the frame of A. Nazarov and R. Sokolov's associative experiment. As a result of our research we collected a hundred and three students' answers and reduced them to fourteen categories of associates. We developed a diagram of a collective semantic spectrum of thematic associations and a table of eleven major associates and analysed individualities of the answers of students majoring in different subjects. Conclusions can help with the correction of students' educational process.

Ключевые слова: современная российская культурная элита, ассоциативный эксперимент, ассоциат, студенты, общественное мнение.

Key words: contemporary Russian cultural elite, associative experiment, associate, students, public opinion.

УДК 008:378

В последнее время одним из перспективных направлений исследований социальных феноменов стал ассоциативный эксперимент. Он интересует нас с точки зрения отражения в теории культуры такого явления, как понятие современной российской культурной элиты.

Ассоциативный эксперимент как метод исследования пережил долго господствующую теорию ассоцианизма и применяется сейчас также и в психолингвистике, межкультурных исследованиях и других сферах. А. И. Назаров и Р. В. Соколов отметили: «... ассоциация – это не начальный и не единственный механизм формирования и функционирования психических явлений, как это полагали классики ассоцианизма, а одна из конечных или промежуточных форм их протекания, сложившаяся в составе целостной предметной деятельности индивида. ... ассоциации – следствие образованности, а не ее причина» [4, 126].

Ассоциативный эксперимент успешно применяется для диагностики знаний студентов или школьников в процессе обучения. Американские психологи разработали ассоциативный тест [6], в котором обучающимся предлагают список понятий по изучаемой теме, и они должны ответить

на них соответствующим словом или короткой фразой. Степень их релевантности определяется четырехбалльной шкалой. Эти ответы являются воспринимаемым признаком того внутреннего содержания, которое присутствует в памяти диагностируемого.

В современных культурных исследованиях активно применяется метод ассоциативного эксперимента, который имеет давнюю укорененность в гуманитарном и социальном познании. Он позволяет на основе анализа сведений опытного знания отдельных индивидуумов делать обобщающие выводы о понимании содержания той или иной культурной реалии в обществе в целом [см. прим. 1, 2]. Ассоциативный эксперимент делает возможным выявить особенности понимания современной российской культурной элиты у молодежи – студентов Сибирского федерального университета, изучить вербальное выражение современного представления этого феномена.

Ассоциативный эксперимент не раз использовался для сбора и анализа эмпирического материала как часть диссертационных и других исследований в Сибирском федеральном университете. Так, А. А. Семенова в диссертационной работе «Модификации древнерусского концепта “государство” в российской культуре XXI века» посвятила третий параграф анализу результатов ассоциативного эксперимента на тему «государство», что позволило сделать практические выводы о том, через призму каких понятий молодежь в своем сознании воспринимает данный концепт, и что прежде всего стоит за этим словом для человека русской культуры [5]. Н. М. Либакова в диссертации «Модификации гендерных образов в российской культуре конца XIX – начала XXI веков» провела исследование тендерных представлений в современной культуре посредством ассоциативного эксперимента [3].

В августе 2015 г. Н. П. Копцева и К. В. Резникова опубликовали статью «Современная война как культурный феномен. Представили результаты ассоциативного эксперимента с ассоциатом “современная война”» и сделали важные культурологические выводы о коллективном восприятии современной войны в молодежной студенческой среде студентов Сибирского федерального университета [1].

Для проведения ассоциативного эксперимента была сделана определенная выборка из среды студентов, что согласуется с исследованиями отечественных и западных специалистов, отмечающих тот факт, что студенты, представляя собой весьма разнообразную социальную общность, выступают достаточно идеализированным объектом при проведении культурологических исследований [см. прим. 3].

Таким образом, применение ассоциативного эксперимента для культурологических исследований имеет определенную традицию и зарекомендовало себя положительно, поскольку предоставляет для данного анализа материал, связанный с актуальным содержанием тех или иных значимых понятий. Далее будут представлены результаты второго ассоциативного эксперимента со словосочетанием-стимулом «современная российская культурная элита» среди студентов СФУ, который следует за проведенным нами ранее ассоциативным экспериментом со словом-стимулом «элита» [1]. В эксперименте принимали участие студенты I–IV курсов различных институтов Сибирского федерального университета в возрасте от 17 до 23 лет, для которых русский язык является родным.

Респонденты направления «Философия» (13 человек) представили следующие ассоциаты, связанные с данным понятием (см. табл. 1):

Таблица 1

Далай-лама Духовно развитая часть общества Писатель 2 Культурно воспитанные люди Интеллект	Музеи Театр 2 Филармония Интеллигенция Эстеты Мыслитель патриарх Кирилл	Книги Балет Актеры 2 и режиссеры Религия Ф. Бондарчук 2 Н. Михалков	Скрипка Кинематограф Культурно-духовная среда Санкт-Петербург 2 Музыка П. Тодоровский
--	---	--	--

Лазуткина Е. В.
 АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО МЕТОДИКЕ А. НАЗАРОВА И Р. СОКОЛОВА «СЕРИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЙ»
 С ВЫРАЖЕНИЕМ-СТИМУЛОМ «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЭЛИТА» В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ
 СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Респонденты-студенты направления «История» (22 человека) указали на следующие ассоциации, связанные с понятием «современная российская культурная элита» (см. табл. 2):

Таблица 2

Представитель элиты – женщина рассуждает о роли человека в судьбе Отечества Люди с высоким уровнем образования Поэзия В. Путин 2 М. Боярский Г. Лепс 2	Поэты 2 Церковь 2 Религия 4 Музеи 2 Музыка 3 Библиотеки Телевидение Роскошь Художники Писатели Н. Михалков	Образование 2 Театры 3 Литература 5 Просвещение Союз писателей Книги 5 Аристократия 3 Эрудиция Валерия И. Резник А. Градский	Мыслители Сильные духом люди Наука Воспитание Живопись Искусство О. Байрон С. Лавров Е. Понасенков В. Карпин Ф. Бондарчук
---	--	--	---

Респонденты-студенты направления «Документоведение и архивоведение» (20 человек) предложили следующие ассоциации на понятие «современная культурная элита» (см. табл. 3):

Таблица 3

Певцы Преподаватель Церковь Муза Туризм Д. Донцова патриарх Кирилл 4 Д. Нагиев 2 Л. Якубович	Театры 4 Поэты Парки Интеллигенция 2 Кинотеатры Красная площадь В. Путин Ф. Бондарчук 5 Конгар-оол Ондар	Артисты Места отдыха И. Кобзон 3 Н. Михалков 3 О. Газманов С. Безруков 2 А. Малахов А. Градский 2	Школа Опера Духовное песнопение 2 Иконопись 2 Храмостроительство Молитва Паломничество
--	--	--	--

Студенты направления «Прикладная информатика» (26 респондентов) отметили следующие ассоциаты (см. табл. 4):

Таблица 4

Д. Хворостовский 2 Н. Пиков Ф. Бондарчук Ю. Шевчук Г. Сукачев И. Найшуллер С. Пахомов А. Вассерман Поэзия Традиции Ученые Актеры Художники Музеи Воспитание	М. Кравец Патриарх Кирилл С. Лукьяненко Г. Харламов А. Замаев В. Путин 2 Хор Турецкого С. Шнуров Интеллигенция Честность Доброта Литераторы Санкт-Петербург Эстетика Гр. Ситеп	И. Охлобыстин М. Задорнов 2 И. Дапкунайте Д. Козловский Ч. Хаматова П. Шаляпин Живопись Меценаты Изысканность Культура Духовность Оркестры Народ Театры 5	Н. Михалков 3 И. Кобзон В. Демчог 3 Паша 183 С. Лавров Братья Стругацкие Церковь 2 Искусство 2 Музыка Образованность 2 Английский язык Философы Искусствоведы История России
---	--	--	---

Результаты респондентов направления «Журналистика» (9 человек) представлены в табл. 5.

Таблица 5

Образование 2 Умные люди Образованность Сообщество Театральные постановки Дворяне	VIP персоны Духовное развитие Церковь Интеллигенция Закрытые фонды Богема	Книги 4 Вдохновение Духовность Музеи Балы Семинария	Театры 3 Богатый внутренний мир Выставки арт-эпатажа Духовой оркестр
--	--	--	---

Респонденты направления «Филология» (10) выделили ассоциаты, представленные в табл. 6.

Таблица 6

Чтение Развитое меньшинство Культура 2 Интеллигенты Искусство 2 Искусствоведы Русский язык Просвещение	Воспитание Начитанность Эрудиция Церковь 2 Картины Музыка Профессора Профессионализм	Образование Самообразование Духовность Стремление к познанию Журналы Книги Роскошь	Высокоразвитый культурно и духовно слой людей Высокоморальная социальная группа Образованные люди Душа Познание
---	---	--	--

Студентка направления «Социология» назвала ассоциаты, представленные в табл. 7.

Таблица 7

Д. Хворостовский	А. Пугачева	М. Боярский
------------------	-------------	-------------

Студентка направления «Менеджмент социально-культурной деятельности» зафиксировала ассоциаты, представленные в табл. 8.

Таблица 8

В. Путин	Пелагея	С. Безруков
----------	---------	-------------

Студентка направления «Медицина – лечебное дело» предложила ассоциаты, отраженные в табл. 9.

Таблица 9

Ф. Бондарчук	А. Чапман	Мот
--------------	-----------	-----

В исследовании принимали участие 103 студента различных направлений, в основном из Гуманитарного института, Института филологии и языковой коммуникации и Юридического института СФУ. Всего из этих анкет получены 288 ассоциата, так как некоторые студенты написали всего один или два ассоциата, и некоторые ассоциаты не соответствовали теме. Исследование было проведено в октябре 2015 года.

Объединим отдельные ассоциаты в более крупные смысловые группы, охватывающие наиболее часто встречающиеся ассоциаты. Наиболее популярным ассоциатом с концептом «современная российская культурная элита» является комплекс понятий, связанных с кинематографом. Это такие ассоциаты, как «актеры» (упоминаются 3 раза), «кинематограф» (1 раз), «киноте-

атры» (1 раз) и имена актеров и режиссеров (некоторые повторяются 34 раза). Всего эти ассоциаты упоминаются 39 раз.

Следующей большой группой ассоциатов выступают ассоциаты, связанные с музыкой (6 раз), оркестрами (2), певцами (1) и композиторами (24 раза упоминаются имена певцов, композиторов и название группы, некоторые повторяются). Эти ассоциаты всего были упомянуты 34 раза.

Ассоциаты, связанные с жанром поэзии и поэтами (5 раз), писателями (3 раза, имена писателей и публицистов – 6 раз), литературой вообще (5 раз), литераторами (1 раз), повторяются всего 20 раз. Близкими по значению ассоциатами является кластер «книги» (11), «чтение» (1), «начитанность» (1), библиотеки (1), что составляет 13 ассоциатов. Всего в этой группе 33 ассоциата.

Достаточно часто с названной темой студенты ассоциируют понятия «церковь» (9 раз), «религия» (5 раз) и все, что связано с ними (патриарх Кирилл», «иконопись» и другое – 14 раз). Они повторяются 28 раз.

Понятие «образование» и его релеванты повторяются 13 раз. Опять же, близкими по содержанию к этой группе оказываются ассоциаты, связанные с наукой (1), «профессора» (1), «ученые» (1), «преподаватель» (1 раз), имя преподавателя – 1 раз, «просвещение» (1) и близкие к ним «интеллект», «интеллигенция» (4 раза). Всего в этой группе 23 ассоциата.

Концепт «театры» оказался довольно распространенным, всего 17 раз. Релевантные концепты, такие, как «балет» (1), «театральные постановки» (1), «опера» (1), «сцена» (1), «скрипка» (1), «филармония» (1) добавляют популярности этой группе. Всего 23 ассоциата.

Некоторые студенты ассоциируют понятие «современная российская культурная элита» с искусством (5), искусствоведами (2), живописью (1), художниками (2), картинами (1) и примыкающими к этой группе выставками арт-эпатажа (1), культурой (3), культурно воспитанными людьми (1), эстетикой (1), именем художника (1), упоминая ассоциаты данной сферы 18 раз.

Другие связывают этот концепт с духовностью и близкими ей понятиями («духовно развитая часть общества», «культурно-духовная среда», «душа», «богатый внутренний мир» и т. д.), упоминаемыми 8 раз.

Ряд респондентов связывает рассматриваемое понятие с телевидением (1) и личностями, связанными с телевидением (5), эти ассоциаты встречаются 6 раз.

Неоднократно понятие «современной российской культурной элиты» связывается с политическими деятелями – В. Путиным (6) и С. Лавровым (2) – всего 8 раз.

В особую группу выделим концепт «музеи», который используется 5 раз.

Некоторые обращают внимание на происхождение: это ассоциаты «аристократия» (3) и дворяне (1) – всего 4.

Другие ассоциируют рассматриваемое понятие с чем-то привилегированным, закрытым или с обществами, в которые трудно попасть («особые группы», «закрытые фонды», «Союз писателей», «развитое меньшинство») (4 раза).

Два студента считают русский и английский языки признаками современной российской культурной элиты.

Есть определения, которые раскрывают известные стороны понятия «современная российская культурная элита»; это: «представитель элиты – женщина рассуждает о роли человека в судьбе Отечества», «высокоморальная социальная группа» и «высокоразвитый культурно и духовно слой людей» (3 раза).

Представим диаграмму коллективного семантического спектра тематических ассоциаций по основным группам ассоциатов в связи с понятием «элита» (см. рис. 1).

Рис. 1. Коллективный семантический спектр тематических ассоциаций

Примечания:

1. Кинематограф, актеры, режиссеры (39).
2. Музыка, певцы, композиторы (34).
3. Литература, поэзия, книги (33).
4. Церковь, религия (28).
5. Образование, наука (23).
6. Театры (23).
7. Искусство, культура (18).
8. Духовность (8).
9. Политики (8).
10. Телевидение (6).
11. Музеи (5).
12. Происхождение (4).
13. Закрытость (4).
14. Языки (2).

Данные опроса интегрированы в табл. 10, где выделено 14 основных ассоциатов. В ней представлены только те направления, в которых зафиксированы самые многочисленные группы респондентов.

Проанализируем эти данные. Студенты направления «Философия» представлены наиболее однородно по половому признаку, поэтому здесь можно провести сравнение между юношами (7 человек) и девушками (6 человек). Из таблицы мы видим, что наиболее часто встречающимся ассоциатом у юношей являются реалии, связанные с кинематографом. Это ассоциаты «актеры» и «режиссеры» как профессии и непосредственно имена актеров и режиссеров. У девушек же эта категория почти не упоминается (1 раз); второй по популярности категорией оказалась категория, условно обозначенная нами как «театры». Это сам концепт «театры», напрямую связанный с ним ассоциат «балет» и еще два ассоциата, по нашему мнению, попадающие в эту категорию; девушки еще упомянули ассоциаты, связанные с книгами и писателями 3 раза, юноши – ни разу. Остальные ассоциаты представлены по одному-два раза.

Таблица 10

Направления Темы	История		Прикладная информатика		Документоведение и архивоведение		Философия		Филология	Журналистика	
	М (8)	Ж (13)	М (15)	Ж (11)	М (5)	Ж (15)	М (7)	Ж (6)	Ж (10)	М (1)	Ж (9)
1. Кинематограф, актеры, режиссеры	–	4	5	9	3	10	6	1	–	–	–
2. Литература, поэзия, книги	5	11	5	–	1	1	–	3	3	–	4
3. Музыка, певцы, композиторы	3	4	10	1	2	6	1	–	1	–	1
4. Образование, наука	2	2	1	3	–	4	1	1	5	1	3
5. Театры	1	2	–	6	2	3	3	2	–	–	4
6. Церковь, религия	2	4	2	1	6	6	1	2	2	–	2
7. Искусство, культура	1	3	3	2	–	–	1	1	6	–	1
8. Духовность	–	–	1	–	–	–	1	1	2	–	3
9. Телевидение	1	–	2	–	1	1	–	–	–	–	–
10. Политики	–	3	1	2	–	1	–	–	–	–	–
11. Музеи	1	1	–	1	–	–	–	1	–	–	1
12. Происхождение	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	1
13. Закрытость	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–	2
14. Языки	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–

У респондентов направления «История» тоже можно проследить ту или иную тенденцию, так как численность юношей несколько меньше, чем численность девушек. Девушки чаще всего называли ассоциаты, относящиеся к категориям «литература» и с большим отрывом и одинаковым количеством ассоциатов – «кинематограф», «музыка» и «церковь, религия»; у юношей же нет такого контраста: они назвали категорию «литература», затем с отрывом в 2 ответа категорию «музыка»; вслед за этими ассоциатами следуют ассоциаты «образование, наука» и «церковь, религия». И юноши, и девушки сделали акцент на ассоциатах, связанных с концептом «литература».

Студенты направления «Прикладная информатика» также незначительно различаются по признаку пола. Заметим, что самая многочисленная группа ассоциатов у юношей связана, по их мнению, с музыкой, певцами и композиторами, за которой с большим отрывом следуют «литература» и «кинематограф». У девушек на первом месте категория «кинематограф», затем с небольшим отрывом «театры» и с таким же отрывом в три ответа – «наука и образование».

Среди респондентов направления «Документоведение и архивоведение» преобладают девушки (соотношение 15 к 5). Чаще всего девушки обращаются к ассоциату «кинематограф», а далее их внимание разделилось между музыкой и религией (по 6 ответов). Затем следует категория «образование, наука». Юноши этого направления больше других обратились к категории «религия». Следующие ассоциаты с категорией «кинематограф» составляют лишь половину предыдущей категории. Третье место у них разделили ассоциаты «музыка» и «театры».

Все студенты направления «Филология», которые отмечали ассоциаты, являются девушками (10 человек). На первом месте у них ассоциат «искусство, культура», далее с разницей в один ответ – «образование, наука»; далее идет «литература».

У студентов направления «Журналистика» абсолютное большинство составляют девушки (9 к 1), поэтому не представляется возможным выявить какие-либо гендерные тенденции. В дополнение к этому единственный юноша из трех дал два ассоциата, которые не соответствовали заданной теме. Первое место девушки разделили между литературой и театрами, второе – между образованием и духовностью, поставив на третье религию и закрытость данной элиты; молодой человек отметил лишь образование.

Опираясь на статью А. И. Назарова и Р. В. Соколова, а именно на введенные ими категории ассоциатов, нам наиболее важно выделить содержание, состав элиты и ее свойства, поэтому мы возьмем только первые три категории, то есть ассоциаты, характеризующие структурный состав и содержание темы, ее свойства и внешние характеристики, и ассоциаты, имеющие близкое отношение к теме. На примере группы студентов направления «История» наглядно покажем, как можно присвоить номер ассоциатам в соответствии с тем, насколько они логически приближены к существенным признакам темы. Такие ассоциаты, как «люди с высоким уровнем образования», «просвещение», «сильные духом люди», «религия», конкретные фамилии и имена деятелей культуры репрезентируют место культурной элиты в обществе, поэтому мы их отнесем к первой категории. «Телевидение», «литература», «искусство», «театры» являются более внешними характеристиками данной элиты и соответствуют второй категории. Более удаленное отношение к элите имеют ассоциаты «представитель элиты – «женщина рассуждает о роли человека в судьбе Отечества», «роскошь», «аристократия», «эрудиция», «мыслители», связь которых с темой прослеживается лишь с помощью дополнительных звеньев; и в данных случаях можно говорить о специфике индивидуального опыта.

Сделаем выводы. Специфической формой отражения в истории и теории культуры такого социального феномена, как элита, является ассоциативный эксперимент. Как было указано, он был проведен в основном в трех институтах Сибирского федерального университета в октябре 2015 г. В нем приняли участие 124 студента; были проанализированы 103 анкеты.

Проведенный анализ ассоциатов по заданной теме выявил следующие особенности общественного восприятия феномена «современная российская культурная элита» в данной социальной группе респондентов. Выяснилось, что ассоциаты «кинематограф, актеры, режиссеры» значительно более распространены, чем все другие (39 ответов). Следом за ними следуют ассоциаты «музыка, певцы, композиторы» (34 ответа). Количественно близкими по массовому восприятию – отражению в понятиях – оказались «литература, поэзия, книги» (33 ответа), «церковь, религия» (28 ответов), «образование, наука» (23 ответа), «театры» (23 ответа) и «искусство, культура» (18 ответов). С большим отставанием далее следуют «духовность» (8), «политики» (8), «телевидение» (6), «музеи» (5), «происхождение» (4), «закрытость» (4) и «языки» (2).

В студенческой культурной сфере, учитывая ограниченную выборку респондентов, с российской культурной элитой в первую очередь связываются ассоциаты актеров и певцов. Поскольку ответы давали студенты, они, в силу своего положения в обществе и в системе образования, достаточно часто связывали элиту с ассоциатом «образование, наука». В целом ассоциаты «происхождение», «закрытость» этой группы, «языки», знание которых, видимо, необходимо рассматриваемой элите, – оказались на последних (12–14) местах.

Представляет интерес и разброс общественных мнений, ассоциатов среди ответов студентов в зависимости от направления обучения (рассмотрены шесть направлений) и от пола. Эти особенности зафиксированы выше.

Перейдем к практическим выводам. Если допустить, что данные ассоциаты отражают в известной степени достоверность реального положения и роли культурной элиты в российском обществе, то следует признать, что она не полностью соответствует стратегическим и тактическим целям и задачам трансформации России из развивающейся страны в современную развитую державу.

Современная российская культурная элита, как следует из вышеизложенного и что отражается в культурных представлениях – деятельности членов общества, в частности, на примере проанализированных ассоциатов, многопланова, многофункциональна и многолика. Вместе с тем она, как и все российское общество, все другие элиты, глубоко противоречива, нередко непоследовательна, порой аморфна. Например, известный специалист в области теорий цивилизаций Н. И. Лапин полагает, что элиты России, в том числе ее культурная элита, не сделали в настоящее время судьбоносный и необходимый выбор в пользу гуманистической модернизации и ее трех фундаментальных составляющих (жизнь человека, достоинство человека и ненасилие) [2, 12].

Ведущая роль в современной культурной элите принадлежит ее столичным деятелям благодаря СМИ и другим способам широкого воздействия на аудиторию (демонстрации кинофильмов, концертам, спектаклям, фестивалям и т. д.). Не случайно некоторые респонденты связывают свои ассоциаты с Москвой, столичной элитой и Санкт-Петербургом. Определенную роль в культурном развитии российского общества играют и региональные, местные культурные элиты, в частности, красноярская.

К позитивным сторонам рассматриваемой элиты мы относим защиту независимости России, ее единства, утверждение патриотизма, реализацию идеи «Бессмертного полка», содействие сотрудничеству народов страны, толерантности конфессий, развитие уважения к истории Отечества, традициям, миссии миролюбия и социальной справедливости на планете, отрицание двойных стандартов в международной жизни и в российском обществе, неприятие коррупции и другое.

К слабым сторонам российской культурной элиты мы относим коммерциализацию культуры, конкуренцию деятелей культуры, насаждение масс-культуры в обществе, либерально-западную ориентацию части элиты в условиях идеологического противостояния, их индифферентное отношение к западным санкциям в отношении России в целом и ее отдельным деятелям культуры.

В ассоциатах респондентов эти противоречивые тенденции деятельности российской культурной элиты нашли свое определенное отражение как в ее позитивных чертах, так и в ее слабых сторонах.

Наиболее часто встречающиеся ассоциации к ассоциату «современная российская культурная элита» – это «кинематограф, актеры» и «музыка, певцы, композиторы». Коллективное восприятие современной российской культурной элиты в студенческой среде Сибирского федерального университета может быть экстраполировано на более широкие социальные слои молодежи и студенчества Российской Федерации. Результаты исследования могут быть применены при принятии политических и социальных решений, при планировании программ молодежной политики, патриотического воспитания, а также для адекватного восприятия молодежной и студенческой среды Красноярского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копцева, Н. П. Современная война как культурный феномен. Результаты ассоциативного эксперимента с ассоциатом «современная война» (на материале исследований в студенческих группах Сибирского федерального университета) / Н. П. Копцева, К. В. Резникова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2015. Т. 8. – № 8. – С. 1591–1610.
2. Лапин, Н. И. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей / Н. И. Лапин // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 3–15.
3. Либакова, Н. М. Модификация гендерных образов в российской культуре конца XIX – начала XXI веков: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Либакова Наталья Михайловна. – Красноярск, 2011. – 155 с.
4. Назаров, А. И. Ассоциация и ассоциативный эксперимент: Разные судьбы / А. И. Назаров, Р.В. Соколов // Вопросы психологии. 2007. – № 4. – С. 125–138.
5. Семенова, А. А. Модификации древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Семенова Александра Александровна. – Красноярск, 2009. – 198 с.
6. Lazutkina, Elena V. Social Consciousness and Public Opinion: Associative Experiment Among Students of SibFU. Journal of Siberian Federal University, 2015, 8 (vol. 8) – pp. 1855–1863.

7. Verplanck, W. S. A Brief Introduction to the Word Associate Test. The Analysis of Verbal Behavior, 1992. V. 10. P. 97–123.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Леонтьев, А. Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов: экспериментальное исследование / А. Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения. Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – С. 50–71.
2. Палкин, А. Д. Ассоциативный эксперимент как способ кросс-культурного исследования образов сознания // Вопросы психологии. 2008. – № 4. – С. 81–89.
3. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Т. 1. Кн. 1-2 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 223 с.

Кучковский П. В.
ПАРАДОКСЫ И ИХ РОЛЬ В НАУКЕ

Кучковский П. В.
P. V. Kuchkovsky

ПАРАДОКСЫ И ИХ РОЛЬ В НАУКЕ

THE PARADOXES AND THEIR ROLE IN SCIENCE

Кучковский Павел Валерьевич – аспирант кафедры философии Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); тел. +79503356875; 644065, Омская область, г. Омск, ул. 22 Апреля, д. 28, кв. 52. E-mail: antevasin-om@yandex.ru.

Mr. Pavel V. Kuchkovsky – a post-graduate student, the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University (Russia, Omsk); tel. +79503356875; 644065, Omsk region, Omsk, str. 22 Aprelya, 28-52. E-mail: antevasin-om@yandex.ru.

Аннотация. В данной статье нами предпринимается попытка сформулировать общекультурное понятие парадоксов и предложить их классификацию. Кроме этого, мы стараемся выявить конструктивную роль парадоксов в науке и предложить собственную обобщенную классификацию научных парадоксов. Обязательно приводим здесь специфические свойства парадоксов в целом и научных в частности. Наша задача включает в себя и обязательное обращение к различным позициям, описывающим значение парадоксов в истории научного знания. Мы же сами проводим здесь ту точку зрения, которая заключается в понимании парадоксов в качестве феноменов культуры в целом и нашего сознания в частности, и также парадоксальности как свойства, внутренне присущего нашему мышлению. Формула парадокса применительно к науке прекрасно укладывается в популярный интеллектуальный штамп: «невероятно, но правда». Он указывает на глубинное противоречие, находящееся в основании всей нашей культуры, и обращает внимание на противоречивость самой природы человека. Содержание его в научной теории говорит нам об ошибочности сделанных выводов и направляет их в верную сторону. Парадоксы являются нашими постоянными попутчиками, сопровождающими нас в сложном и удивительном путешествии к истине. Прекрасно ведь, что парадоксы – наши загадочные и мудрые друзья!

Summary. In this article, we attempt to formulate the notion of general cultural paradoxes and offer their classification. In addition, we try to identify the constructive role of the paradoxes in science and to offer their own generic classification of scientific paradoxes. Obligatorily present here paradoxes specific properties in general and scientific in particular. Our mission includes a mandatory appeal to a variety of positions, describing the importance of the paradoxes in the history of science. We ourselves are doing here the view, which is to understand the paradoxes as cultural phenomena in general and of our consciousness in particular, and also paradoxically as properties inherent to our thinking. Formula paradox in relation to science perfectly fits into the popular smart stamp: «unbelievable, but true». It points to a profound contradiction at the base of all our culture, and draws attention to the contradictions of human nature itself. Its content in the scientific theory tells us about the inaccuracy of the findings and send them in the right direction. Paradoxes are our constant companions, accompany us in a complex and amazing journey to the truth. Is perfectly after all that paradoxes – our mysterious and wise friends!

Ключевые слова: парадоксы, парадоксальность, противоречие, наука, логика, истина.

Key words: paradoxes, paradoxicalness, contradiction, science, logic, verity.

УДК 130.2

Парадоксы представляют собой, пожалуй, самое странное из всех существующих и притягивающих к себе внимание явлений как в культуре в целом, так и в науке в частности. Они с одинаковой силой завораживают древних и современных исследователей. Особую важность представляет изучение парадоксов в нашу информационную эпоху, когда их количество множится благодаря доступности источниковой базы и люди даже далекие от серьезных изысканий начинают интересоваться ими. Соответственно, необходимо попытаться понять, в чем же заключается такая их колдовская сила, что даже маститые ученые попадают под их чары.

Начнем с нескольких ярких цитат о парадоксах великих мыслителей прошлого и настоящего из уникальной книги В. М. Семенова «Мудрость всех времен в парадоксах»: «Истинные слова кажутся парадоксальными, но никакое другое учение не может заменить их. (Лао-цзы)» [8, 6]. Наше путешествие начинается с Китая, «Поднебесной» – самого древнего и глубокого прозрения.

«Парадоксы изящны, поэтому люди внутренне верят им, так как в них есть нечто подобное тем шуткам, что основаны на сходстве слов, которые обычно имеют один смысл, а в данном случае другой; и они несколько напоминают те шутки, которые основаны на обмане ожидания человека. (Аристотель)» [8, 6]. Переносимся в Элладу, где встречаемся с иронией, типичной чертой древне-греческой культуры. «Чем более парадоксальна и чудесна загадка, тем скорее побуждает верить не тому, что в ней сказано, а тому, что в ней скрыто. (Юлиан Отступник)» [8, 6]. На земле романских народов находим людей, жаждущих откровения и прозрения истины. «Путь парадокса – это путь истины. Чтобы подвергнуть реальность серьезному испытанию, мы должны увидеть ее балансирующей на туго натянутой проволоке. Об истине можно судить только тогда, когда она становится акробатом. (Оскар Уайльд)» [8, 7]. Теперь наше странствование во времени привело нас на Британские острова к ирландскому остроумию. «Парадокс напоминает о забытой истине. (Гилберт Кит Честертон)» [8, 7]. Отсюда рукой подать до удивительного английского юмора. «Вот и превосходно, что мы столкнулись с парадоксом! Значит, есть надежда на прогресс. (Нильс Бор)» [8, 8]. Звучит как датская шутка. «Мы живем в бурном потоке противоречий, не имея малейшего представления о том, как справляться с ними: закон – свобода, богатый – бедный, право – лево, любовь – ненависть; список кажется бесконечным. Парадокс живет и движется в этом потоке, и нужно уметь уравнивать противоположности таким образом, чтобы они не отменяли одна другую, а высекали искры света через их полярные точки (Мэри Моррисон)» [8, 8]. Вот и добрались до конечной точки, где нас встречает типичная американская фишка. Уравновешиватели?! Получается довольно странный вывод: чем больше слов, тем меньше смысла. Тоже парадокс! Все эти рассуждения навеяли мысль, что истина скрывается глубоко в темных смутных туманных местах, там, где есть противоречие или абсурд. Парадокс же задерживает наше внимание на кажущейся бессмыслице и заставляет в напряжении искать ответ на вопрос: что же здесь не так или так?

В связи с рассмотренным интересно звучат слова Г. Н. Волкова о статусе прошедшего: «Замечали ли вы некий парадокс времени: чем дальше мы удаляемся от минувшего, тем ближе оно нам становится?» [1, 6]. Может быть, с этим связан интерес к изучению былого?

Возможно, люди хотят обрести мудрость других поколений для того, чтобы правильно прожить свою жизнь, или в этом скрыто желание возврата к истокам бытия, продиктованного ощущением утраченной гармонии у современного человека? Или что-то третье? Однако мудрость как некий концентрированный жизненный опыт схватывается только в форме парадокса.

Приступим к анализу самого понятия «парадокс». Здесь опять же мы обратимся к другим авторам ввиду того, что, с одной стороны, наше собственное мнение пока представляет мало интереса для научного сообщества и, с другой стороны, для соблюдения научного ритуала и этикета. Любопытные сведения о самом понятии «парадокс» представляет В. М. Семенов: «Отметим, что в английском языке слово “парадокс” утвердилось много столетий тому назад и, согласно авторам уважаемого словаря “Вебстер”, обросло синонимами и антонимами, которые при рассмотрении дают любопытную картину. В ряду синонимов: противоречие, загадка, непостижимое явление, мистерия, тайна, нелепость, глупость, вздор, двусмысленность, неопределенность. Перечень антонимов включает: аксиома, трюизм, правило, предписание, заповедь, постулат. Во французском языке, согласно толковому словарю “Лярус”, парадокс означает мнение или нечто, противоречащее общепринятому мнению или понятию, либо противоречие, ставящее в тупик. На простом русском языке всё это можно было бы выразить так: существуют общепринятые понятия, заповеди, правила, предписания, открытые наукой законы природы, и вдруг обнаруживается нечто, не стыкующееся со всеми обычными понятиями. С позиций “здорового смысла” решаешь, что это – ненужное мудрствование, “от лукавого”, парадокс. Решив так, почувствуешь облегчение: зачем нам эти парадоксы, только морока от них!» [7, 9-10]. Забавно пишет. Вроде даже как-то по-бытовому. Но и такая позиция тоже важна и имеет определенный вес. Анализ в стиле автора: (1) по-английски, парадокс – это нечто неоднозначное; (2) по-французски, парадокс – это что-то оригинальное; (3) по-русски, парадокс – это просто заморочка.

Интересную этимологическую работу проводит А. П. Краснопольская. Она пишет следующее: «Глагол *doxazo* – *предполагать, мнить, воображать*. Скептицизм, сомнение, удивление всегда сопутствуют такому предположению. В этом слове всегда усматривается еще и значение отрицания наличного, уже кем-то данного, и в этом же слове сталкивается одновременно с утвержде-

нием. Поэтому, именно слово *doxa* использовалось, когда необходимо было втянуть значение изобретения, фантазирования, творческого конструирования реальностей культуры. Слово *paradoxos* – *то, что бывает против обычного мнения или ожидания; неожиданное, необыкновенное, странное*. А вместе с ним и словосочетание – *Ek tou paradoxou* – *против ожидания*. И находящееся рядом слово *para-doxeis* – *передача, выдача, сдача, учение, передача* – оказывается также наполненным богатыми возможностями интерпретации» [6, 393]. И эти рассуждения прекрасно дополняются А. А. Ивиным: «Само греческое слово, от которого произведено наше слово “парадокс”, буквально означало “необычное, странное, невероятное, замечательное”. Все эти эпитеты, без сомнения, приложимы к парадоксам. Подлинный парадокс необычен и странен, более того, он даже невероятен; однако он предстает как убедительное для нашего ума доказательство, и потому он замечателен» [4, 190]. По поводу этих размышлений мы можем заключить, что парадокс – это диковинный метод передачи экзистенциального опыта, не укладывающийся в привычные представления и разрушающий их, с целью привнесения нового знания. Здесь будет также уместно отметить, что парадокс – это особый (пятый) род знания, известный античной культуре, противопоставляющий себя, как доксе (обыденному) с догмой (религиозному), так и гнозису (философскому) с эпистемой (научному). Возможно, что парадокс, являясь феноменом культуры, представляет собой уникальную и универсальную форму культурного знания в целом. Можно сказать, что парадокс отталкивается от мнения (доксы) и указывает на подвижность и процессуальность самой истины. Удивительно, что являясь специфической противоречивой формой знания, парадокс отрицает другие виды знания: доказывающее (эпистема), постулирующее (догма), рассуждающее (гнозис) и предполагающее (докса). Тут уже напрашивается вывод, что эпистема и гнозис представляют собой критические виды знания, а догма и докса – нет. Кроме того, парадокс всегда показывает нам недосказанность и неуловимость истины. Также у нас остается ощущение чего-то еще потаенного, получаемого при столкновении с парадоксальным суждением. Оно как будто втягивает нас в какую-то странную игру со смыслами, позволяющую создавать удивительные составные культуры. Его необычность или даже невероятность вызывают в нас интеллектуальное напряжение, приводящее к расширению наших мыслительных способностей. Замечателен парадокс тем, что позволяет реальности играть всеми красками!

Резюмируя сведения, полученные из словарных статей, можно сделать вывод, что в самом общем виде парадокс – это такое шокирующее суждение, которое противоречит нашим устоявшимся знаниям об окружающем мире, рассудочному мышлению или обыденным представлениям, выраженное в емкой афористичной форме и содержащее в себе оттенок известной иронии. Такие суждения сначала оцениваются как ложные или ошибочные в силу того, что они ломают сложившийся порядок вещей (при этом не всегда являясь подобными).

После сделанных выводов относительно парадоксов вообще пора уже переходить к рассмотрению научных парадоксов. Тут возникает интересный момент: раз уже парадокс идет вразрез с общепринятым мнением, то мы покажем, что, вопреки распространенному представлению, наука не только серьезное, но и забавное дело.

Для этого воспользуемся несколькими иллюстрациями из сборника, составленного Т. А. Ломоносовой и А. А. Черновой «Забавы и парадоксы науки». Итак, под заголовком «Сомнения и парадоксы» читаем: «Единственный путь принять новую теорию – это похоронить всех приверженцев старой. Макс Планк» [3, 198]. И здесь юмор! «В человеческом подсознании глубоко укоренилась мысль о логичности мироздания. Однако в реальности мироздание всегда на один шаг выше логики. Франк Герберт» [3, 198]. Тонко и изящно!

За названием «Определенность неопределенности» кроется следующее: «Знаменитый принцип неопределенности Гейзенберга утверждает, что некоторая информация принципиально недоступна. Это происходит не из-за дефектов в сборе информации, а из-за самой природы познания. Рассмотрим такой вопрос: может неопределенность мощного компьютера привести к неопределенности в точности предсказаний?»

Поскольку не существует неопределенности у мощного компьютера, вопрос выглядит скорее философским. Однако имеет смысл другой вопрос: только ли отсутствие какого-то в высшей степени сложного инструмента скрывает от нас полноту познания?» [3, 199]. Напоминает кантовский и юмовский агностицизм.

«Маркиз де Лаплас в начале 19-го столетия предположил, что Господь должен обладать бесконечной информацией, даже если человеку она неизвестна.

Вернер Гейзенберг в 1927 году с изумительной проницательностью показал, что Лаплас был не прав и что ответ на поставленный выше вопрос – отрицательный. И даже сам Господь не может обладать несуществующей информацией?!» [3, 199-200]. Тут возникает вопрос о всемогуществе разума.

«Открытие Гейзенберга повергло в шок многих ученых – предполагаемый принцип причины и следствия оставался спасательным якорем в науке со времен древних греков. Сам Эйнштейн был чрезвычайно встревожен и выразил свое несогласие: “Господь не играет в кости!” “Вы не можете указать Господу, что делать!” – ответил его знаменитый коллега Нильс Бор. Недавно известный астрофизик Стефен Хоукинг продолжил этот парадокс: “Господь не только играет в кости, иногда он выбрасывает кость там, где ее невозможно увидеть!”» [3, 201]. Остроумие также свойственно ученым, как и всем другим людям.

Двигаясь дальше, можно обратиться к идеям А. К. Сухотина, который в своей научно-популярной книге «Парадоксы науки» пишет: «Парадоксы поучительны. Каждый из них повествует о каких-то неожиданных поворотах науки в постановке проблем, методах решения, судьбах ее открытий» [9, 3].

Также нам показалось не только важным, но и интересным обратиться к иностранным авторам, пишущим на английском языке. Во введении к своей монографии «Парадоксы» Р. М. Сэйнсбэри делает кажущиеся нам важными замечания: «Парадоксы забавны. В большинстве случаев они удобны для провозглашения и сразу же вызывают у вас желание попытаться “решить” их» [10, 1]. Это было с одной стороны. Ну а с другой: «Парадоксы серьёзны. В отличие от загадок для вечеринок или развлекательных головоломок, которые также забавны, парадоксы поднимают серьёзные проблемы. Исторически они ассоциировались с кризисами мышления и с революционными изменениями. Борьба с ними – это означает не просто участвовать в интеллектуальной игре, но и вступить в борьбу с ключевыми вопросами» [10, 1]. В итоге, парадоксы: во-первых, изящны; во-вторых, изобретательны; в-третьих, неожиданны; в-четвертых, странны; в-пятых, невероятны; в-шестых, замечательны; в-седьмых, поучительны; в-восьмых забавны; в-девятых, серьёзны, в-десятых, необычны.

Порассуждаем собственно о научных парадоксах. Приведем здесь несколько характерных цитат А. А. Ивина, отображающих классическую позицию ученых по отношению к парадоксам. О современной науке: «Парадоксальность – характерная черта современного научного познания мира» [4, 190]. Парадоксы в истории науки: «Наука, одной из определяющих особенностей которой является постоянное развитие, во все времена находилась в определенном конфликте с тем, что уже устоялось и стало привычным. Постоянно расширяющееся знание периодически оказывалось не просто в рассогласовании, а даже в противоречии со старыми догмами. Временами это противоречие достигало такой остроты, что его вправо было называть парадоксом. Парадоксальным был, например, в свое время закон всемирного тяготения Ньютона, объединивший такие разные виды движения, как падение яблока и движение планет по орбитам. Несомненный оттенок парадокса имела и волновая теория света, утверждавшая, что в центре тени, отбрасываемой непрозрачным предметом, должно быть светлое пятно. Всякая радикальная теория, резко рвущая с привычными представлениями и неожиданно объединяющая то, что всегда казалось лишенным всякой общности, воспринималась как посягательство на основы привычного видения мира и тем самым как парадокс» [4, 191]. Наука развивается через преодоление догматов. Это подчеркивает ее критическую и преобразующую силу в отношении к действительности. Объединяя в себе теоретический и практический уровни познания, она представляет собой самый достоверный вид знания, который при этом в определенные моменты приобретает парадоксальные формы в качестве самых приемлемых ввиду необходимости ломания устоявшихся стереотипов мышления, тормозящих и сдерживающих поступательное движение науки вперед.

«Парадоксальными оказывались также отдельные, экспериментально установленные факты, вступившие в противоречие с ортодоксальными теориями» [4, 191]. Парадоксальное противопоставляется ортодоксальному?!

«Таким образом, наука постоянно порождала парадоксы. Но в условиях относительно медленного развития научного знания они были не очень многочисленными и не звучали столь резко.

К тому же научные открытия и практические их приложения разделялись обычно большими промежутками времени, так что парадоксы локализовались по преимуществу в абстрактной, теоретической сфере и могли десятилетиями, а то и столетиями ожидать своего разрешения» [4, 191]. Парадоксы появлялись в небольших количествах и не беспокоили ученых. Они присутствовали в науке с самого начала, но обычно воспринимались как нечто далекое от практики и не удостаивались внимания.

«В настоящее время наука сделалась непосредственной производительной силой. Быстрый рост научного знания сочетается с ускоренным внедрением новейших научных достижений в практику. В этих условиях противоречия между научными теориями и опытом, как только они появляются, приобретают сразу же резкий и неотложный характер. Выявление таких противоречий и парадоксов и их разрешение стало для современной науки обычным делом. Не удивительно поэтому, что тема парадоксов стала популярна в исследованиях, посвященных развитию и росту научного знания» [4, 191]. Ура прогрессу!

«Еще сто лет назад парадоксы воспринимались по преимуществу как крайне досадное препятствие на пути познания. Современная трактовка парадоксов в корне отлична от этой обеспокоенной и опасливой реакции» [4, 191-192]. Радует, что произошла реабилитация парадоксов! Страх побежден!

«Противоречия науки и парадоксы как их наиболее своеобразная и резкая форма воспринимаются теперь как естественное следствие процесса развития научного знания. То, что наиболее глубокие и сложные проблемы встают в остро парадоксальной форме, никого уже не удивляет и тем более не повергает в смятение. Иногда парадоксальность выступает даже в качестве особого критерия оценки научных гипотез и теорий. Степень глубины предлагаемой концепции становится в зависимость от того, насколько радикально эта концепция порывает с ранее господствовавшими представлениями об исследуемом круге явлений. Требование не просто “новых”, а “сумасшедших” новых теорий – это, в сущности, требование парадокса. Как сказал Шерлок Холмс, “все теории, объясняющие явления природы, должны быть смелы, как сама природа”» [4, 192]. Да! Парадоксальность теории означает ее научность! Даже Шерлок Холмс превосходно дорисовывает картину! Все уместно! Bravo!

Подводим важный итог: «Парадокс и такие его частные случаи, как антиномия и апория, были типичными способами постановки проблем в античном мышлении. Затем парадоксы на долгие века были отставлены в сторону и ютились на окраинах науки. Современная наука реабилитировала их и признала полноправными членами сообщества научных проблем» [4, 192].

И несколько цитат этого же автора о логических парадоксах из последней работы: «Особой известностью пользуются парадоксы в самых строгих и точных науках – математике и логике» [5, 278]. Возможно, это связано с тем, что именно здесь речь идет именно об исследовании самого мышления. Вдобавок спецификой этих наук является невозможность применения таких эмпирических методов, как эксперимент, наблюдение, измерение и др., как и отсутствие в них собственно того, что можно назвать, строго говоря, фактами. Далее: «Расхождение логической теории с практикой действительного мышления нередко обнаруживается в форме более или менее острого логического парадокса, а иногда даже в форме логической антиномии, говорящей о внутренней противоречивости теории. Этим как раз объясняется то значение, которое придается парадоксам в логике, и то большое внимание, которым они в ней пользуются» [5, 279]. Это удивительное обстоятельство, что наше мышление иногда расходится с правилами, созданными им для себя.

«Внешне логические парадоксы, как правило, просты и даже наивны. Но в своей лукавой наивности они подобны старому колодцу: с виду лужица, а дна не достанешь» [9, 279]. Эффектно, наглядно, афористично, противоречиво!

Попробуем определить главные характерные черты научных парадоксов: (1) строгость, (2) подробность, (3) сложность, (4) теоретичность, (5) абстрактность, (6) критичность, (7) проблемность, (8) острость, (9) прогрессивность, (10) резкость.

Научный парадокс – это парадокс, появляющийся только в науке и не вызывающий интереса за ее пределами ввиду своей отвлеченности от жизни.

О роли парадоксов: «Иногда парадокс оказывается своеобразной формой постановки проблемы, относительно которой сложно даже решить, в чем именно последняя состоит» [5, 295]. Порой парадокс оказывается намеком ученым.

Далее: «Парадоксы играют роль фактора, контролирующего и ставящего ограничения на пути конструирования дедуктивных систем логики. И эту их роль можно сравнить с ролью эксперимента, проверяющего правильность гипотез в таких науках, как физика и химия, и заставляющего вносить в эти гипотезы изменения» [5, 295-296]. Парадокс может быть испытанием теории на прочность.

И продолжает: «Парадокс в теории говорит о несовместимости допущений, лежащих в ее основе. Он выступает как своевременно обнаруженный симптом болезни, без которого ее можно было бы и проглядеть».

Разумеется, болезнь проявляется многообразно, и ее в конце концов удастся раскрыть и без таких острых симптомов, как парадоксы. Скажем, основания теории множеств были бы проанализированы и уточнены, если бы даже никакие парадоксы в этой области не были обнаружены. Но не было бы той резкости и неотложности, с какой поставили проблему пересмотра теории множеств обнаруженные в ней парадоксы» [5, 296]. Парадокс видится как сигнал тревоги.

В науке традиционно существует несколько мнений о роли парадоксов: (1) форма постановки проблемы, (2) эксперимент в теории, (3) симптом болезни.

Д. Н. Дубницкий в своей работе «О парадоксах» излагает довольно оригинальную позицию по отношению к парадоксам в науке и их роли в ней. Итак, читаем: «Парадоксы привлекают к себе внимание очень давно – как минимум на протяжении всей письменной истории человечества. За это время о них сказано очень много, но они так и не нашли себе разрешения, способного стать общепринятым. Столь длительное обсуждение, в процессе которого число неразрешимых антиномий не сократилось, а многократно возросло, дает основание думать, что разрешить их вообще невозможно. Антиномии будут сопровождать человеческую культуру впредь, как сопровождали ее донныне, поскольку отражают некоторые важные аспекты культуры, связанные с самим фактом ее существования. Анализ парадоксов, с которыми связаны проблемы математической теории множеств, логики и семантики, приводит автора к выводу, что они являются неустранимым следствием фундаментальных свойств человеческого мышления. Наше сознание всегда имеет дело только с теми предметами, которые стали предметами избирательного интереса, сочетающего две несовместимые способности – способность фиксировать избирательное внимание на определенном предмете и способность менять однажды сделанный выбор. Эти способности взаимообусловлены, обе соучаствуют в каждом акте содержательного мышления и равно необходимы для него, но именно их сочетание является источником парадоксов. Парадоксальность мышления начинается с “предмета сознания”» [2, 5]. Парадоксы – это свойство мышления! Эта позиция, по сути, является развитием «гегелевской» и интересна тем, что выводит нас из плоскости чистого мышления в объем полной действительности и позволяет рассуждать уже не в узких рамках логики, а в широком поле философии культуры. Автор использует здесь, судя по всему, деятельностьную модель культуры и связывает парадоксальность человеческого сознания с противоречием между свободой смены предмета интереса и необходимостью сосредотачивать свое внимание на уже выбранном. Очень смелая точка зрения.

Еще несколько его цитат: «Ощущение парадоксальности создает именно невозможность окончательной фиксации предмета сознания независимо от состояния сознания в ущерб способности к релятивному изменению выбора».

Главный источник парадоксов человеческого сознания – это стремление к освобождению предметов сознания от состояний сознания, которое иногда бывает желаемым, но никогда не может стать действительным.

Культурная норма отчуждения предметов сознания от состояния сознания, характерная, например, для эпистемологии европейской науки нового времени, не является единственной, универсальной и общезначимой. Она локальна в пространстве и времени истории человеческой культуры, имеет начало, конец и эволюционирует между ними. Культурная норма – это тоже акт выбора, только не персонального, а интерперсонального» [2, 6].

Добраться до смысла излагаемого Д. Н. Дубницким кажется довольно-таки сложной задачей. Тут уже возникает ощущение, что мы имеем дело с психологией. Само понятие «сознание» в большей степени психологическое, нежели философское. Проблема зависимости состояния сознания от предметов сознания также имеет отношение к психологии. Культурная норма и интерперсональное – психоанализ.

Однако нам важно здесь, что парадоксы не являются чем-то вроде изъяна мышления, а выступают в качестве неотъемлемого его свойства, отражающего саму действительность и позволяющего нам говорить о ее парадоксальности!

Существует множество различных классификаций научных парадоксов. И нам кажется очевидным вслед за разграничением всех наук на четыре типа (естественные, технические, социальные и гуманитарные) предложить деление соответственно их на парадоксы природы, техники, общества и человека. И в этом случае философия как раз бы и выполнила свою методологическую функцию по отношению к науке. Тем не менее наша же задача стоит шире – предложить общекультурную классификацию, охватывающую все основные сферы культуры, такие как искусство, религия, философия и наука, однако при этом не сводящуюся только лишь к научной, пусть даже и самой авторитетной. Мы осмеливаемся предположить, что все возможные парадоксы культуры можно поделить на четыре больших класса: (1) парадоксы чувств, (2) парадоксы поступков, (3) парадоксы мыслей, (4) парадоксы слов.

Трудность с выяснением сущности парадоксов заключается в том, что до сих пор отсутствует их общепризнанная классификация. Более того, нет даже полного перечня парадоксов как таковых, и загадкой остается источник происхождения искомых. Поэтому мы определенно можем говорить только об их роли. По нашему мнению, как раз из-за обманчивости слов ученые предпочитают уходить в более свободные от искажения схемы и формулы. Парадокс – это не подвох, а подсказка! Мы хотим подружиться с ними! Они наши вечные спутники и помощники! В конечном итоге, мы считаем, что парадокс – это величайший путь к истине!

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков, Г. Н. У колыбели науки / Г. Н. Волков. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 224 с.
2. Дубницкий, Д. Н. О парадоксах / Д. Н. Дубницкий. – СПб.: Алетейя, 2013. – 262 с.
3. Забавы и парадоксы науки: сб. / сост. Т. А. Ломоносова и А. А. Чернова; пер. Т. А. Ломоносовой. – М.: Алекстел, 2006. – 320 с.
4. Ивин, А. А. Искусство правильно мыслить / А. А. Ивин. – М.: Просвещение, 1990. – 240 с.
5. Ивин, А. А. Искусство мыслить правильно / А. А. Ивин. – М.: Проспект, 2016. – 304 с.
6. Краснопольская, А. П. Роль парадоксов в дискуссионных моделях образования / А. П. Краснопольская // Противоположности и парадоксы. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 392-412.
7. Семенов, В. М. Парадоксы нашей жизни / В. М. Семенов. – М.: Флинта, 2005. – 280 с.
8. Семенов, В. М. Мудрость всех времен в парадоксах / В. М. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 160 с.
9. Сухотин, А. К. Парадоксы науки / А. К. Сухотин. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 240 с.
10. Sainsbury, R. M. PARADOXES / R. M. Sainsbury. – Third edition, published in the United States of America by Cambridge University Press, New York, 2013. – 182 p.

Чебанюк Т. А.
T. A. Chebanyuk

САЛОННАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ РУССКОГО РОМАНТИЗМА

SALON CULTURE OF THE RUSSIAN ROMANTIC PERIOD

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Ms. Tatiana A. Chebanyuk – Doctor in culture studies, Professor, Philosophy and Culture Studies Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue; +7(4217)537506. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются культурно-исторические условия формирования русской салонной культуры, выявляется ее специфика и роль в системе русского романтизма.

Summary. The article deals with cultural and historical conditions of Russian salon culture, and reveals its specificity and role in the system of Russian Romanticism.

Ключевые слова: романтизм, салон, его роль в формировании разной направленности интересов салонов.

Key words: romantic period, salon, its role in appearing of various kinds of salons.

УДК 007

В 1825 году А. С. Пушкин писал своему ближайшему другу П. А. Вяземскому: «Я заметил, что все, даже и ты имеют у нас самое смутное понятие о романтизме» [5, 139]. В свою очередь, П. А. Вяземский в письме к В. А. Жуковскому писал следующее: «Романтизм как домовый, многие верят ему; убеждение есть, что он существует, но где его приметить, как обозначить его, как наткнуть на него палец?» [1, 106]. А любомудр А. И. Кошелев в работе «О значении Жуковского в русской жизни и поэзии» писал: «Романтизм принадлежит к числу самых неясных, самых неопределенных понятий. ... Здесь признаки доходят до такого смешения и противоречия друг другу, что само понятие рассеивается в туманной логической неопределенности» [3, 53].

Как указывают исследователи, в частности Е. Н. Палий в работе «Салонная культура, салон как феномен культуры России XIX века: традиции и современность», салонная культура в эпоху романтизма являлась значимым транслятором норм и правил поведения, эстетических и этических норм. Она была одной из форм организации культурной жизни, основное начало которой определилось камерным общением в процессе приобщения к культуре, в частности к музыке, литературе [4, 53].

Е. Н. Палий определяет условия формирования салонной культуры и дает ее системные признаки: гостиная дома влиятельного лица, ведущая роль хозяйки, особый декор гостиной, располагающий к беседе, соблюдение правил поведения и общения, обсуждение литературных тем, философских проблем, занятия искусством в атмосфере камерности обстановки.

Салонная культура удовлетворяла потребность в интеллектуальном и культурном общении, формировала эстетический вкус, воспитывала манеры и умение вести диалог, беседы на различные литературные, философские и бытовые темы. Салонной культуре была свойственна определенная «закрытость», так как она формировалась избирательно, преимущественно в среде образованной русской элиты, и вследствие этого отличалась камерностью, своего рода ролевой дифференциацией приобщенных к тому или иному салону.

В определенной мере российские салонные объединения ориентировались на западные и во многом на те из форм общения, которые были свойственны европейским культурам и могли быть «перенесены» на русскую почву.

Салонная культура отличалась полифункциональностью, была отмечена атмосферой, способствующей раскрытию творческих возможностей в нее входящих персонажей, формированием новых для русской культуры форм, но в значительной мере была «закрытой» и «консервативной» по отношению к другим формам и культурным объединениям времени.

Музыкальные и литературные салоны в России формировались рядом параметров преимущественно под влиянием европейских традиций, однако по отношению к ним неизбежно обладали «русской» спецификой.

Как отмечает Нонна Марченко в работе «Приметы милой старины: нравы и быт пушкинской эпохи», «каждый салон отличался подбором посетителей, своим «характером» [2, 34], вернее будет сказать – своими пристрастиями к разным жанрам и текстам русской культуры.

В русской культуре этого времени функции салона определились рядом параметров: идентификацией, закреплении социальных отличий в культурном пространстве, коммуникацией, нормативностью поведения, формированием эстетических пристрастий, вкусов и идеалов. Тем не менее каждый салон отличался доминантой пристрастия к литературным, музыкальным интересам.

Значимыми функциями салонов были популяризация новой русской литературы, литературных игр, публичного чтения, музицирования, преодоление галломании, рождение литературных кружков и обществ, развитие жанров, общения писателя и читателя, знакомство с музыкальными произведениями, в частности романсом, и, что показательно для времени, с народной песней.

Салоны этого времени обладали, безусловно, теми формами, которые предопределялись спецификой русского романтизма и предполагали соответствующее ролевое поведение людей, в них входящих. В ряду популярных, пользующихся востребованностью у просвещенных людей эпохи, был салон В. Ф. Одоевского, обладающий философской, музыкальной, литературной направленностями.

Как правило, направления салона, обуславливающие его атмосферу, определились интересами хозяина или хозяйки. Так, И. И. Шувалов ориентировал функционирование своего салона на литературный толк; Виельгорский – на музыкальный; Е. М. Хитрово – на великосветский.

Зинаида Волконская держала один из популярных литературных салонов, в рамках которого она успешно демонстрировала свои литературные и музыкальные таланты и, как отмечает Н. Марченко, «производила ... своим полным и звучным контральто и одушевленною игрою неизгладимое впечатление на присутствующих» [2, 42].

Московские салоны Елагиных, Свербеевых, Павловых; провинциальные салоны в Казани, Воронеже, Харькове являлись центрами просвещения: в их рамках обсуждали литературные, политические события. Однако основной сферой интересов представителей салонов были преимущественно литература и музыка.

Специфика салона неизбежно предполагала константы самосотворения ролевого образа: необычность ситуации или обстоятельств, осознаваемых субъектом как избранные им самим или навязанные роком; их мотивированность и закреплённость (в значении особого «последования», тайны, судьбы) в сознании определенного круга людей, расположенных к поддержанию эмоционально-психологической атмосферы роли.

Можно привести множество примеров культурного алгоритма ролевых моделей: «беглец» (К. Н. Батюшков); человек сильных страстей (А. А. Тургенев); «безмятежный ленивец», счастье жизни которого составляют безделье и бездумное веселье (А. А. Дельвиг); роль «особничества», отстраненности и принужденной замкнутости (П. Я. Чаадаев); «гусарство» как разгульное, бесшабашное поведение (Д. В. Давыдов); «буйство молодое» (Н. М. Языков); эпатажность (Ф. Толстой-Американец).

Современники активно творили романтические биографии А. Орловского, Ф. Толстого-Американца. Авантюренность и непредсказуемость их натур были безусловным основанием для творения образа «романтического героя». Вместе с тем наблюдалось явление «культурного отстранения» от общепризнанных ролей и связанных с ними типов поведения, что принуждало человека (особенно декабристов, в большинстве своем молодых людей) быть посмешищем или «слыть странными».

Салоны играли значимую роль в культурной жизни эпохи: обсуждение новых литературных произведений, составление шаржей, эпиграмм и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяземский, П. А. Эстетика и литературная критика / П. А. Вяземский. – М.: Искусство. – 463 с.
2. Марченко, Н. Приметы милой старины: нравы и быт пушкинской эпохи / Н. Марченко. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001 – 352 с.
3. Кошелев, А. И. О значении Жуковского в русской жизни и поэзии / А. И. Кошелев. – М.: 853 с.
4. Палий, Е. Н. Салонная культура, салон как феномен культуры России XIX века: традиции и современность / Е. Н. Палий. – М.: Наука, 2008. – 234 с.
5. Пушкин, А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 9. / А. С. Пушкин. – М.: – С. 139.

Булавенко О. А., Василенко А. В.
O. A. Bulavenko, A. V. Vasilenko

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF CONSUMER LOANS

Булавенко Олег Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса и торгового дела Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: o-bul@yandex.ru.

Mr. Oleg A. Bulavenko – Doctor of economic sciences, professor, head of the service and trade business department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: o-bul@yandex.ru.

Василенко Анна Владимировна – студентка магистратуры 1-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: ann_love_summer@mail.ru.

Ms. Anna V. Vasilenko – Master's Degree Student of the first year major in Trade business, faculty of economics and management, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: ann_love_summer@mail.ru.

Аннотация. В данной статье дано определение потребительских кредитов, их классификация и сравнительный анализ трех видов потребительских кредитов.

Summary. In this article definition to consumer loans is given, their classification and the comparative analysis of three types of consumer loans are presented.

Ключевые слова: потребительский кредит, классификация потребительских кредитов, базовые условия, потребительский кредит без обеспечения, потребительский кредит под поручительство физических лиц, потребительский кредит на рефинансирование кредитов.

Key words: consumer loan, classification of consumer loans, basic conditions, uncovered consumer loan, a consumer loan under the guarantee of individuals, a consumer loan for refinancing of the credits.

УДК 336.77

В банковской сфере наиболее востребованным продуктом для населения является потребительский кредит, ведь именно потребительский кредит позволяет приобрести товар или услугу в момент ее наивысшей актуальности для потребителя. Банковская деятельность является очень чувствительной как к разным факторам социально-экономического характера, так и к политическим, экологическим и прочим факторам, иными словами, банк несет весь спектр банковских рисков. Для наиболее качественного предоставления услуг населению и наибольшей минимизации рисков изначально необходимо ознакомиться с классификацией потребительских кредитов и их базовыми условиями.

Потребительский кредит – форма общественных отношений, возникающая между физическими лицами – заемщиками и кредитными учреждениями – кредиторами для приобретения предметов потребления.

Классификация потребительских кредитов представлена на рис. 1.

В зависимости от целей кредиты могут оформляться на покупку определенных отваров (в таком случае кредит может носить неденежную форму) и тратиться на усмотрение заемщика. Кредиты с обеспечением выдаются под залог имущества или под поручительство.

Рис. 1. Классификация потребительских кредитов

Рассмотрим следующие продукты, предлагаемые ПАО «Сбербанк России»:

- потребительский кредит без обеспечения;
- потребительский кредит под поручительство физических лиц;
- потребительский кредит на рефинансирование кредитов.

Данные продукты банка являются наиболее востребованными из всей линейки потребительских кредитов на Дальневосточном рынке.

Сравнительная таблица базовых условий продуктов: потребительский кредит без обеспечения, потребительский кредит под поручительство физических лиц и потребительский кредит на рефинансирование кредитов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Базовые условия предоставления потребительских кредитов физическим лицам

Параметр	Потребительский кредит без обеспечения	Потребительский кредит под поручительство физических лиц	Потребительский кредит на рефинансирование кредитов
1	2	3	4
Целевое назначение	На цели личного потребления. Подтверждение целевого использования кредита не требуется	На цели личного потребления. Подтверждение целевого использования кредита не требуется	На цели личного потребления (в том числе на погашение задолженности по кредитам): - потребительским кредитам, автокредитам, кредитной карте, дебетовой карте с разрешенным овердрафтом, предоставляемым первичным кредитором (иные юридические лица, которые приобрели права кредитора и являются в настоящее время текущими кредиторами); - потребительскому кредиту, автокредиту, предоставленным банком
Валюта кредита	Рубли	Рубли	Рубли
Минимальный срок	3 месяца	3 месяца	3 месяца

1	2	3	4
Максимальный срок	60 месяцев	60 месяцев	60 месяцев Если заемщиком в составе Пакета документов не предоставлены документы, подтверждающие его финансовое состояние и трудовую занятость, а также не предоставлена информация о номере зарплатной карты/вклада в Банке, максимальный срок кредитования должен быть равен: - сроку в целых месяцах до полного планового погашения рефинансируемого кредита в соответствии с кредитным договором со дня принятия решения о возможности предоставления кредита; - сроку в целых месяцах до полного планового погашения рефинансируемого кредита в соответствии с кредитным договором со дня принятия решения о возможности предоставления кредита, по которому данное значение максимально – при рефинансировании более одного кредита; - в случае рефинансирования задолженности по кредитной карте и дебетовой банковской карте с разрешенным овердрафтом срок до полного планового погашения рефинансируемого кредита принимается равным 36 месяцам с даты приема полного Пакета документов
Минимальный размер кредита	15 000 рублей	15 000 рублей	15 000 рублей (но не менее остатка задолженности по рефинансируемому кредиту)
Максимальный размер кредита	1 500 000 рублей	3 000 000 рублей	1 000 000 рублей Если заемщиком в составе Пакета документов не предоставлены документы, подтверждающие его финансовое состояние и трудовую занятость, а также не предоставлена информация о номере зарплатной карты/вклада в Банке, максимальный срок кредитования должен быть равен: 1) остатку ссудной задолженности и начисленных процентов по рефинансируемому кредиту; 2) остатку ссудной задолженности и начисленных процентов по рефинансируемому кредиту, выданному Банком, увеличенному на сумму процентов за 31 день пользования Первичным кредитором. Но не более максимального размера кредита по продукту
Порядок погашения	Ежемесячно аннуитетными платежами перечислением со счета (по вкладу или банковской карте) в день, соответствующий дню фактического предоставления кредита, начиная с месяца, следующего за месяцем фактического предоставления кредита		
Досрочное погашение	Осуществляется без предварительного уведомления Банка по заявлению, содержащему дату досрочного погашения, сумму и счет списания денежных средств. Дата досрочного погашения должна приходиться исключительно на рабочий день		
Возможность предоставления отсрочки погашения кредита	Не предусмотрено	Не предусмотрено	Не предусмотрено

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Наличие созаемщиков	Не предусмотрено	Предусмотрено, но не является обязательным	Не предусмотрено
Требования к заемщику/созаемщику	Возраст – от 21 года до 65 лет. Физическим лицам, являющимися судьями, кредит предоставляется до 70 лет Регистрация по месту жительства – обязательная (постоянная или временная) Трудовой стаж на текущем месте работы – не менее 3-х месяцев на дату предоставления Пакета документов в Банк		
Обеспечение	Не требуется	Поручительства платежеспособных физических лиц	Не требуется
Порядок подтверждения целевого использования кредита	Не предусмотрено	Не предусмотрено	В течение 45 суток с даты заключения Кредитного договора должны быть представлены заверенные печатью и подписью уполномоченного работника Первичного кредитора справка /выписка об отсутствии задолженности по рефинансируемому кредиту
Срок рассмотрения кредитной заявки	Не более 2-х рабочих дней	Не более 2-х рабочих дней	Не более 2-х рабочих дней

Итак, у данных продуктов установлены различия: в целевом назначении и наличии целевого подтверждения, максимальной сумме кредита, максимальном сроке предоставления кредита и наличии обеспечения. Но такие показатели как валюта, минимальный размер кредита, максимальный срок кредита, условия предоставления кредита и срок рассмотрения заявки на кредит у данных продуктов являются одинаковыми.

Таким образом, потребительский кредит является наиболее актуальным продуктом, предлагаемым на рынке, который позволяет не только приобретать необходимые товары, но и на более выгодных условиях рефинансировать действующий кредит, полученный у Первичного кредитора. Для более качественного консультирования клиентов и составлении заявки на кредит используются базовые условия предоставления кредита, которые также были изложены и сведены в табл. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банковское дело: современная система кредитования: учеб. пособие / под ред. засл. деят. науки РФ, д-ра экон. наук, проф. О. И. Лаврушина. – М.: КНОРУС, 2010. – 256 с.
2. Ключников, И. К. Кредит и банки: вводный курс: учеб.-метод. пособие / И. К. Ключников, О. А. Молчанова, О. И. Ключников. – М.: Финансы и статистика, 2007. – 176 с.

Кононенко Т. Е., Кузнецова О. Р.
T. E. Kononenko, O. R. Kuznetsova

УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ РИСКАМИ В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ

FINANCIAL RISK MANAGEMENT IN TRADE BANKS

Кононенко Тамара Евгеньевна – магистр кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8 (914) 218-10-95. E-mail: www.tomusya@mail.ru.

Ms. Tamara Ye. Kononenko – Master's Degree student, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin str., Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, 681013; +7 (914) 218-10-95. E-mail: www.tomusya@mail.ru.

Кузнецова Ольга Рудольфовна – доцент кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет», кандидат экономических наук Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8 (914) 427-55-47. E-mail: orkuznetsova@mail.ru.

Ms. Olga R. Kuznetsova – PhD in Economics, Associate Professor, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin str., Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; +7 (914) 427-55-47. E-mail: orkuznetsova@mail.ru.

Аннотация. В работе уточнены понятия «риск», «финансовый риск» в банковской деятельности, рассмотрены основные проблемы управления финансовыми рисками коммерческого банка при кредитовании заемщиков. Выделены наиболее актуальные проблемы, проведен анализ просроченной задолженности на примере ПАО «Сбербанк России». Предложен ряд мер для уменьшения влияния финансовых рисков на результаты деятельности коммерческих банков в современных условиях.

Summary. The paper clarifies the concepts of «risk», «financial risk» in banking business, and considers the main problems of financial risk management in trade banks while financing borrowers. The authors single out the most relevant problems, and conduct the analysis of overdue payment in case of OJSC “Sberbank of Russia”. The authors also offer a number of measures to minimize financial risks in trade bank activities in modern conditions.

Ключевые слова: финансовый риск, коммерческий банк, финансовый менеджмент, риск-менеджмент, просроченная задолженность, прибыль, кредитный риск, рыночный риск, фондовый риск, процентный риск, валютный риск, риск ликвидности, кредитование.

Key words: financial risk, trade bank, financial management, risk management, overdue payment, profit, repayment risk, market risk, stock market risk, interest-rate risk, exchange risk, liquidity risk, crediting.

УДК 336.71

Понятие «риск» характеризует возможность отклонения от цели. Под риском принято понимать угрозу потери лицом или организацией части своих ресурсов, недополучения доходов или проявления дополнительных расходов в результате осуществления определенной производственной и финансовой политики. Проблема риска – одна из ключевых в экономической деятельности [4]. С высокой степенью риска связано и функционирование кредитных организаций. Проблема управления рисками по своей значимости считается одной из самых актуальных в банковской сфере. Это обусловлено, в первую очередь, объективностью проявления риска, который сопровождает практически все виды финансовых операций и все направления финансовой деятельности любой организации.

Деятельность банков подвергается постоянному развитию и, как правило, процесс внедрения новых банковских продуктов осуществляется в условиях неопределенности конечного результата деятельности.

Наиболее характерными в деятельности коммерческих банков являются финансовые риски. Понятие «финансовый риск» имеет большое количество определений, но мнение многих ученых сводится к тому, что это опасность возникновения непредвиденного обстоятельства [5]. По нашему мнению под финансовыми рисками в банковской практике следует понимать опасность (возможность) финансовых потерь при наступлении определенных событий.

Так как получение прибыли является основной целью в деятельности коммерческих банков, а финансовые риски являются основными источниками негативного влияния на эту деятельность, то основной задачей банковских структур является минимизация кредитных рисков. Для эффективного управления рисками необходимо наличие подготовленных специалистов в области финансового менеджмента.

В условиях нестабильности финансовых рынков, усиления конкуренции в банковском секторе, в том числе со стороны международных финансовых институтов, усложнения операций и одновременно доступа банков к инструментам хеджирования рисков приоритетной становится задача выстраивания банками системы риск-менеджмента. Принято выделять несколько функций риск-менеджмента:

- по объекту правления, к которому относится организация разрешения риска; рискованных вложений капитала; работ по снижению величины капитала; процесса страхования рисков; экономических отношений и связей между субъектами хозяйственного процесса;

- по субъектам управления, в рамках которых осуществляется прогнозирование, организация, координация, регулирование, стимулирование, контроль.

Основная задача финансового риск-менеджмента заключается в поддержании оптимального соотношения между доходностью и риском, однако, можно выделить еще несколько основополагающих пунктов: обеспечение ликвидности при оптимизации прибыли; обеспечение конкурентоспособности банка; осуществление прогноза общих параметров экономики; разработка методов защиты от риска.

Несмотря на благоприятную в целом ситуацию для развития банковского сектора России в последние годы, анализ основных показателей, характеризующих уровень подверженности рискам, показывает достаточно напряженную картину. Основные риски по-прежнему сконцентрированы в сфере проведения коммерческими банками кредитных операций. Банки несут значительные риски при невозврате заемщиками предоставленных во временное пользование денежных средств. Данное явление называется просроченной задолженностью и возникает при непогашении в срок задолженности по основному долгу в рамках кредитного договора.

Проанализировав состояние просроченной задолженности в коммерческих банках страны, было выявлено, что реальные доходы населения достаточно низкие, наблюдается высокая закредитованность граждан. В настоящее время 38 миллионов россиян имеют долги перед банками. Однако, несмотря на данные показатели просроченная задолженность в целом по предоставленным кредитам коммерческими банками России в 2016 г. значительно снизилась [8].

Более детальный анализ состояния просроченной задолженности был произведен на примере ПАО «Сбербанк России» и Дальневосточного банка Сбербанка России (см. рис. 1).

Как видно из рис. 1, величина просроченной задолженности как в целом по Сбербанку России, так и по Дальневосточному банку нестабильна и постоянно динамично изменяется. Она имеет тенденцию к росту и в последний год достигла наибольшей величины. Доля Дальневосточного банка Сбербанка России в 2015 г. составила 3,34 %, что на 0,15 % больше, чем в 2011 г. (в 2011 г. – 3,19 % от общего объема просроченной задолженности ПАО «Сбербанк России»).

В банковской сфере проблема просроченной задолженности решается после её непосредственного появления. Поэтому более эффективным был бы не ситуационный подход, а предупреждающий для предотвращения ее возникновения еще на первых стадиях.

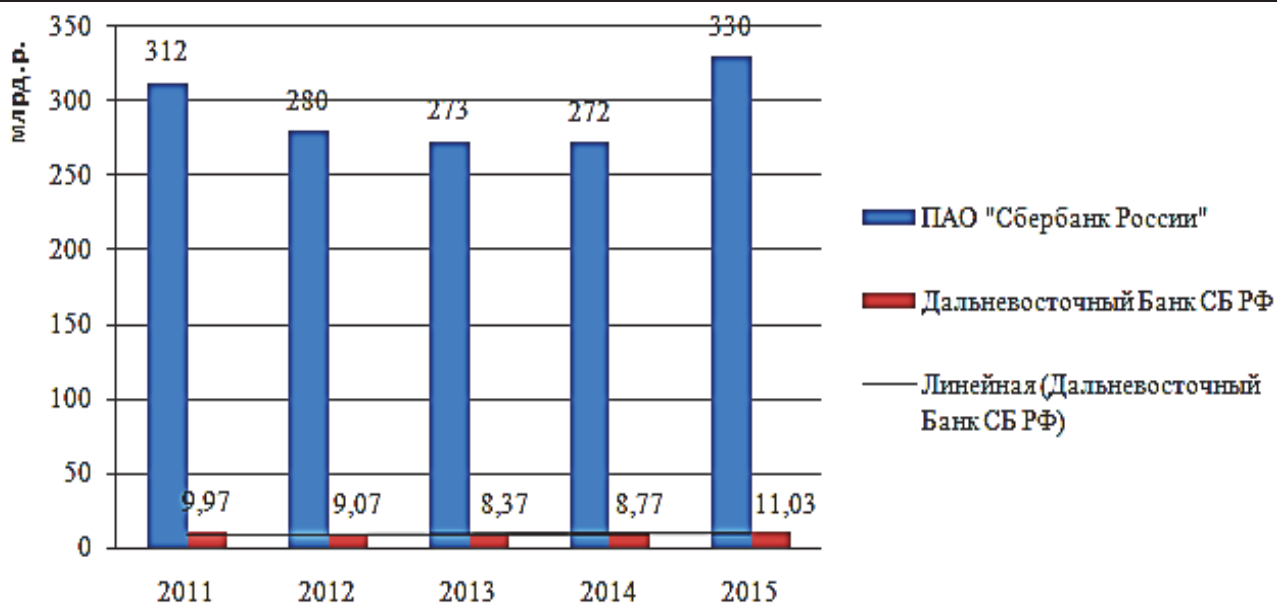

Рис. 1. Динамика просроченной задолженности ПАО «Сбербанк России» и Дальневосточного банка Сбербанка России с 2011 по 2015 гг., млрд р.

В связи с этим необходимо принять ряд мер для снижения отрицательного эффекта, возникающего по причине наличия просроченной задолженности:

- повысить эффективность аналитической деятельности при оценке кредитоспособности заемщика;
- производить сегментацию старых и новых клиентов;
- таргетировать продажи, что означает выдачу кредитных продуктов лишь тем категориям заемщиков, которые были определены самим банком и соответствуют уровню кредитного риска конкретного банка;
- сотрудничать со сторонними банками для разработки единой тактики сбора просроченной задолженности по общим должникам;
- повысить качество работы финансовых менеджеров;
- внедрить новые кредитные продукты для низкорискованных клиентских сегментов.

Для того чтобы эффективно управлять финансовым риском, необходимо произвести систематизацию множества рисков, с которыми сталкивается любой коммерческий банк.

К финансовым рискам принято относить кредитный риск, рыночный риск (фондовый, процентный, валютный), а также риск ликвидности. Наиболее важным видом финансовых рисков коммерческих банков является кредитный риск, поскольку проценты, полученные по размещенным ссудам, являются составляющей доходов. К валютному риску принято относить риск получения убытков вследствие неблагоприятного изменения курсов иностранных валют и драгоценных металлов. Фондовый риск характеризуется возможностью неблагоприятного изменения рыночных цен на фондовые ценности торгового портфеля и производные финансовые инструменты. Процентный риск связан с финансовыми потерями при неблагоприятном изменении процентных ставок по активам, пассивам и внебалансовым инструментам. Большое внимание также уделяется риску ликвидности, т.е. риску возникновения убытков при неспособности кредитной организации обеспечить исполнение своих обязательств в полном объеме [2].

Для обеспечения стабильности банковского сектора важно не только грамотное управление рисками со стороны самих кредитных учреждений, но и эффективное регулирование рисков на законодательном и нормативном уровне, которое задает «правила игры» коммерческим банкам.

Регулирование банковских рисков направлено, прежде всего, на поддержание доверия общества к банковскому сектору экономики государства, а, следовательно, и к самому государству, к его органам власти, осуществляющим публичные функции.

На законодательном уровне финансовые риски в банковской сфере представлены в России большим количеством нормативно-правовых документов. Но, несмотря на это, в настоящее время всё еще существуют определенные пробелы в законодательстве.

Анализируя структуру Федерального закона «О банках и банковской деятельности» было выявлено отсутствие конкретных требований по построению системы управления рисками. В свою очередь Центральный банк РФ не установил нормативные стандарты оценки процентного риска. Все это требует корректировки и дополнения в целях совершенствования системы управления финансовыми рисками.

Таким образом, выявлено, что ряд мер, применяемых для управления рисками, разрабатывается в индивидуальном порядке с учетом специфики каждого конкретного банка. Для поддержания стабильного состояния коммерческих банков важно не только правильное управление рисками, но и их эффективное регулирование на законодательном и нормативном уровне.

Отрегулировав данные аспекты, можно получить максимально эффективную систему управления финансовыми рисками в коммерческих банках.

Отметим также, что интерес к исследованию рисков в банковском секторе в настоящее время возрастает. Это обусловлено несколькими причинами:

- ужесточением нормативных требований;
- необходимостью обеспечения конкурентоспособности;
- стремлением российских банков выйти на международные рынки.

При выборе банка-контрагента зарубежными инвесторами производится детальная оценка системы управления рисками кредитной организации [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабанов, И. Т. Основы финансового менеджмента / И. Т. Балабанов. – М.: Финансы и статистика, 2011. – 528 с.
2. Байдина, О. С. Финансовые риски / О. С. Байдина, Е. В. Байдин // Деньги и кредит. – 2001. – № 7. – С. 29-32.
3. Басовский, Л. Е. Финансовый менеджмент / Л. Е. Басовский. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 240 с.
4. Кузнецова, О. Р. Понятие и характеристика экономического риска / О. Р. Кузнецова // Евразийский Союз Ученых, ежемесячный научный журнал Современные концепции научных исследований: материалы V междунар. научно-пр. конференции, 2014. – № 5. – С.105-108.
5. Синки, Дж. Ф. Управление финансами в коммерческих банках / Дж. Ф. Синки. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 340 с.
6. Хохлов, Н. В. Управление риском / Н. В. Хохлов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 239 с.
7. Чернова, Г. В. Управление рисками / Г. В. Чернова, А. А. Кудрявцева. – М.: Проспект, 2013. – 160 с.
8. Сайт Центрального Банка Российской Федерации // www.cbr.ru / (дата обращения 06.06.2016).

Яковлева Т. А.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ИНЖЕНЕРОВ

Яковлева Т. А.

T. A. Yakovleva

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ИНЖЕНЕРОВ

DEMAND FOR ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC COMPETENCE OF ENGINEERS

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economics, Professor, the Department of Economics, Finances and Accounting, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка обосновать необходимость формирования у будущих инженеров организационно-экономических компетенций. Наличие таких навыков позволит инженерам реально включиться в процесс создания в России инновационной модели экономики. Далее приведены аргументы современных отечественных специалистов в пользу реализации идеи статьи, рассмотрен исторический опыт нашей страны по подготовке инженеров-экономистов, а также даны примеры решения вопроса из зарубежной практики. На основе анализа ситуации на инженерно-экономических факультетах в некоторых отечественных вузах сделан вывод о том, что они не выполняют свою главную задачу. В заключение статьи предложены возможные варианты создания условий для формирования у инженеров организационно-экономических компетенций.

Summary. The paper attempts to justify the need for training future engineers' organizational and economic competence. The availability of such skills will enable engineers to get involved in creating innovative economy model in Russia. The authors provide the domestic experts' arguments in favor of implementation of ideas discussed in the given article, review the historical experience of our country in training engineers-economists, and give examples of dealing with these issues in foreign countries. Basing on the analysis of the situation at the engineering and economic faculties in some domestic universities the authors concluded that the faculties did not perform their main task. In conclusion, the article puts forward possible ideas to create conditions for training future engineers' organizational and economic competence.

Ключевые слова: инженерное образование, инженер-генералист, профессиональные компетенции, организационно-экономические компетенции, образовательные стандарты, инжиниринг.

Key words: engineering education, engineer-generalist, professional competence, organizational and economic competence, educational standards, engineering.

УДК 331.5.024

Современная практика хозяйствования показывает, что более конкурентными на мировых рынках оказываются носители различных передовых технологий – информационных, производственных, управленческих и т.д. Стать обладателем «продвинутой» технологии можно, по крайней мере, двумя путями – либо разработать такую технологию самостоятельно, коммерциализировав соответствующую инновацию, либо позаимствовать нечто передовое из зарубежного опыта и на этой основе создать собственные нестандартные техпроцессы. Последний вариант означает, что перейти из состояния технологической отсталости на ведущие позиции можно одним прыжком, не втягиваясь в длительную и затратную «гонку за лидером». Такой подход был бы очень полезен сегодня для российской экономики в условиях наращивая импортозамещения. Но здесь обнаруживается проблема нехватки в нашей стране специалистов, способных понимать и воспринимать импортные инновации, а также инициировать собственные технологические решения.

Речь идет, прежде всего, о специалистах инженерно-технического профиля. Как показывают результаты международного исследования «Сравнительный анализ качества высшего образования в глобальной экономике знаний», проведенного Институтом развития образования НИУ «Высшая школа экономики», российские инженерные вузы и инженерные факультеты готовят кадры не для инновационной, а по-прежнему для индустриальной экономики [1].

В ходе упомянутого исследования было выявлено, что выпускники отечественных инженерных вузов имеют слабо развитые коммуникативные навыки, не умеют представлять результаты своей работы, защищать свои идеи, а также не обладают комплексным представлением о «своей» отрасли, об экономическом контексте ее функционирования. На первый взгляд, перечисленные умения могут показаться вторичными по отношению к профессиональным компетенциям. Тем не менее в таких зарубежных компаниях, как «Боинг» и «Дженерал моторс», в требованиях к сотрудникам помимо сугубо профессиональных квалификаций сформулирован целый ряд сопутствующих компетенций, который зафиксирован Американским советом по аккредитации в области инженерных наук и технологий (ABET) [2].

Следовательно, в повестке дня технических вузов нашей страны стоит задача по подготовке специалистов, способных не только разрабатывать инновационный продукт (технологию), но и внедрять его в производство. Иными словами, современный инженер должен обладать компетенциями двух специалистов – инженера-разработчика и менеджера-предпринимателя. Мотивы деятельности каждого из них в отдельности существенно различаются, так как они принадлежат к разным социальным стратам общества и критерии успеха для них также различны. Для налаживания взаимодействия между инженером-разработчиком и менеджером-предпринимателем или для аккумуляции их умений в одном лице необходима система определенных мер, в том числе обучение будущих инженеров основам предпринимательства, а будущих менеджеров – основам инженерного дела.

Именно эта мысль была ключевой в докладе «Обучение и повышение квалификации инженерно-технических и управленческих кадров в сфере промышленного инжиниринга в Московской высшей школе инжиниринга», с которым выступил директор Московской высшей школы инжиниринга Вальтер Рац на третьем Дальневосточном конгрессе инженеров, состоявшемся в июне 2016 г. в городе Комсомольске-на-Амуре. Важное место в повестке дня форума занимали вопросы подготовки инженерных кадров для формирующихся в Хабаровском крае территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и в первую очередь для ТОСЭР «Комсомольск», ориентированную на создание новых материалов и продвижение инновационной продукции.

Так как на Дальнем Востоке в рамках ТОСЭР планируются к реализации технологически сложные, в том числе международные, проекты, то работающему здесь инженеру необходимо быть не только технически грамотным специалистом, но и разбираться в тонкостях привлечения инвестиций, специфике внешнеэкономической деятельности, основах менеджмента и многих других экономических вопросах.

В Германии инженера, одновременно разбирающегося в различных отраслях знаний, называют «инженер-генералист». В общем случае генералист это человек, обладающий широчайшим кругозором и имеющий представление обо всем понемногу. Такая профессиональная широта позволяет комплексно видеть проблему, поэтому именно генералисты обычно становятся руководителями различных проектов или структурных подразделений, так как они находят необходимых специалистов для достижения конкретных задач.

В России со специалистами-генералистами неплохо обстоит дело в энергетике, а вот в машиностроении и станкостроении, отраслях специализации ТОСЭР «Комсомольск», проблема стоит остро. Способствовать ее решению могут не только специализированные бизнес-школы, такие, как Московская высшая школа инжиниринга, но и любые учреждения высшего образования, реализующие соответствующие образовательные программы. В заключение выступления В. Рац высказал мнение, что Хабаровский край, наряду с Москвой, Санкт-Петербургом и Пермским краем,

может стать регионом, в вузах которого появятся программы подготовки высококвалифицированных инженерных кадров с междисциплинарными компетенциями.

Можно отметить, что идея инженерно-экономического образования в нашей стране далеко не нова. В свое время в СССР система инженерно-экономического образования функционировала как отдельная отрасль высшего экономического образования. На тот момент времени инженерно-экономическое образование включало в себя подготовку инженеров по экономике и организации производства для отдельных отраслей народного хозяйства – машиностроения, химической, радиоэлектронной, металлургической, горной, нефтегазовой, лесной, полиграфической, лёгкой промышленности, а также для транспорта, энергетики, строительства, связи, городского хозяйства.

В ряде вузов страны были организованы факультеты по подготовке хозяйственных кадров с техническим и экономическим образованием. Первоначально к таковым относились инженерно-экономический факультет в Московском промышленно-экономическом институте, промышленные факультеты в Харьковском и Ленинградском институтах народного хозяйства, которые затем были реорганизованы в специализированные вузы. Помимо трех специализированных институтов в 1972 г. в СССР подготовку специалистов с инженерно-экономическим образованием осуществляли факультеты в более чем 40 отраслевых вузах, в которых обучалось 186 тыс. студентов, а ежегодный выпуск составлял около 11 тыс. специалистов [3].

Под влиянием конъюнктурных факторов в 1990-е гг. во многих российских университетах были организованы инженерно-экономические факультеты. Однако анализ направлений подготовки на таких факультетах в некоторых вузах (Тюменский государственный архитектурно-строительный университет, Ярославский, Самарский, Дагестанский государственные технические университеты, Сибирский государственный аэрокосмический университет, Рязанский государственный радиотехнический университет) показал следующее:

1. обязательный набор реализуемых ими образовательных программ включает направления «Экономика», «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление» и другие из УГПС «Экономика и управление»;

2. в некоторых вузах перечень из п. 1 дополнен такими техническими направлениями, как «Информационные системы и технологии», «Экономическая безопасность», «Теплоэнергетика и теплотехника», «Машиностроение»;

3. подготовка по специальностям «Экономика и управление на предприятиях машиностроительного комплекса», «Маркетинг в промышленном комплексе», «Менеджмент аэрокосмического предприятия» является единичной.

Таким образом, в нынешнем своем виде инженерно-экономические факультеты не выполняют свое первоначального предназначения – дополнение инженерной подготовки экономической составляющей. Инженерные и экономические направления подготовки реализуются самостоятельно, формируя у будущих инженеров традиционные технические компетенции, а у экономистов – их узко профессиональные компетенции.

Сегодня такой подход к процессу подготовки инженерно-технических кадров не соответствует требованиям рынка. Не случайно все участники общенациональной дискуссии по проблеме «инженера-2020», которая в настоящее время активно идет среди специалистов по инженерному образованию США, сходятся во мнении, что программа обучения инженеров должна быть существенно расширена за счет добавления таких дисциплин, как социальные науки, биология, экономика, менеджмент, культурология [2].

В учебных планах подготовки инженеров в российских вузах экономический блок очень часто ограничивается дисциплиной «Экономика». Естественно, времени хватает только на освоение основных экономических понятий и приобретение навыков владения элементарными экономическими инструментами. Усугубляет ситуацию отсутствие в выпускных работах инженеров-бакалавров экономического обоснования предложенных технических решений. Таким образом, студенты инженерных направлений подготовки не имеют возможности полноценного формирования

ния организационно-экономических компетенций, наличие которых столь необходимо на любом уровне инновационной модели экономики.

Анализ учебных планов подготовки инженеров в ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» подтверждает сделанный ранее вывод. У большинства (60 %) направлений подготовки инженеров-бакалавров экономическая компетенция формируется только в рамках одной дисциплины, объем которой не превышает 3 – 4 зачетные единицы. Конечно, можно сослаться на федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО), где по всем техническим направлениям подготовки указана только одна «экономическая компетенция» – способность использовать основы экономических знаний в различных сферах деятельности. Но при такой же ситуации учебными планами по ряду направлений подготовки («Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры», «Металлургия», «Машиноведение», «Строительство», «Техносферная безопасность», «Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов») предусмотрено изучение таких дисциплин, как экономика отрасли, организация и управление производством, экономика предприятия, инновационный менеджмент и т.п. В процессе изучения этих дисциплин как раз и формируются те компетенции, отсутствие которых было выявлено в ходе международного исследования, проведенного Институтом развития образования НИУ «Высшая школа экономики». Следовательно, непосредственно на уровне образовательных учреждений есть возможность, не нарушая требований ФГОС ВО, создать возможности для формирования у будущих инженеров организационно-экономических или, по терминологии АВЕТ, сопутствующих компетенций.

Достижению этой же цели, по нашему мнению, могут помочь инжиниринговые центры. Министерство промышленности и торговли РФ активно способствует появлению инжиниринговых центров, работающих по наиболее востребованным промышленностью направлениям. Ведомство совместно с Министерством образования и науки России реализует масштабную программу развития инжиниринговой инфраструктуры. За три года на базе ведущих технических ВУЗов было создано 30 инжиниринговых центров, оказывающих услуги широкому спектру компаний по различным отраслевым направлениям: машиностроение, материаловедение, фотоника, биотехнологии, компьютерный инжиниринг, технологии работы с трудноизвлекаемыми минеральными ресурсами. Объем заказов у инжиниринговых центров, созданных на базе технических вузов, достиг 800 миллионов [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Добрякова, М. С. Российское инженерное образование в глобальной экономике знаний // Аккредитация образования. – № 2 (86) 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akvobr.ru>.
2. Кочетков, Г. Б. Инновационная экономика и инженерный корпус. Опыт США и уроки для России [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-180418.html?page=3>.
3. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://go.mail.ru/>.
4. Объем заказов у инжиниринговых центров, созданных на базе технических вузов, достиг 800 миллионов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enginrussia.ru/news/lenta-novostey>.

Клымась М. В., Симоненко В. Н.
M. V. Klymas, V. N. Simonenko

ВВП – ИНДИКАТОР УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ПРОГНОЗ

GDP AS THE INDICATOR OF LIVING STANDARDS: THE ANTICIPATION

Клымась Максим Валерьевич – магистрант кафедры «Экономика и финансы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: stormsol93@mail.ru.
Mr. Maxim V. Klymas – Master's Degree student, Economics and Finance Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: stormsol93@mail.ru.

Симоненко Виталий Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и финансы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: simonenko@knastu.ru.

Mr. Vitaliy N. Simonenko – Doctor of economics, professor, Economics and Finance department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: simonenko@knastu.ru.

Аннотация. Любое государство заинтересовано в повышении уровня качества жизни населения, а одним из показателей, отражающих этот уровень, является ВВП страны как в общем его понимании, так и в пересчете на душу населения. Поэтому повышение ВВП страны, в конечном итоге, основная задача любого государства. Предельные размеры роста ВВП ограничены многими факторами, а в развивающихся странах с экспортно-ориентированной сырьевой экономикой основной фактор – это цена за ресурс в мировых ценах и курс национальной единицы по отношению к мировой. В этой статье мы обратились к проблеме зависимости ВВП РФ от цен на нефть, а также влияния на данный показатель курса доллара США к рублю. Мы попытались ответить на вопрос, является ли экономика России экспортно-ориентированной на сырьевой сектор и является ли возможным рост ВВП без учета курса валют.

Summary. Every state is interested in improving the quality of life of the population. One of the indicators reflecting the living standards is GDP of the country in its general understanding, and in per capita terms. Therefore, increasing the country's GDP is the main goal of any state. GDP growth is limited by many factors. In developing countries with export-oriented and commodity-based economy the main factor is the price of resources in international market prices and the central rate. In this article, we addressed the issue of Russia's GDP, depending on oil prices, as well as the impact of exchange rate of the US dollar to the Russian Federation rouble. We tried to answer the question whether Russia's economy is export-oriented at the commodity sector, and whether it is possible to grow GDP excluding exchange rates.

Ключевые слова: ВВП, экономика, уровень жизни, зависимость, сырьевой сектор, прогноз.

Key words: GDP, the economy, quality of life, dependency, commodity sector, the anticipation.

УДК 330.55

Интерес к проблемам качества жизни населения наблюдается среди различного рода наук, к числу которых относятся экономика, социология, философия, медицина и многие другие. Согласно классическому определению, качество жизни населения представляет собой обобщающую социально-экономическую категорию, включающую в себя не только уровень потребления материальных благ и услуг (уровень жизни), но и удовлетворение духовных потребностей, здоровье, продолжительность жизни, условия окружающей человека среды, морально-психологический климат, душевный комфорт. Несмотря на значительный объем работ и разнообразие подходов интерпретации качества жизни, в целом научное сообщество сходится во мнении, что данная категория представляет собой ёмкое, многомерное и сложно конструируемое понятие. Определенный смысл в данное понятие вкладывается в том числе и экономикой, использующей различные показатели, характеризующие те или иные аспекты вопроса. Одним из важнейших показателей в экономической системе координат

является ВВП. При изучении этого показателя в первую очередь возникают следующие вопросы: «Каким образом формируется ВВП? Какие факторы оказывают на него ключевое влияние?» [1].

В последние годы в сознании зарубежных и российских экономистов и политологов сложился определенный стереотип, характеризующий роль Российской Федерации в системе международных экономических взаимоотношений. Стереотип этот заключается в том, что Россия является сырьевой державой, более чем полностью зависимой от экспорта сырья, в частности нефти и газа. В свете политических и экономических изменений, произошедших в последнее время, становится резонным вопрос о том, насколько данный стереотип соответствует действительности, т.к. необходимо понять степень угрозы российской экономике вследствие падения цен на нефть, а также изменения курса доллара США по отношению к российской валюте. Данную задачу можно решить, определив меру влияния перечисленных явлений на ВВП Российской Федерации.

Исходные данные для анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Исходные данные для анализа

Год	ВВП, млрд р. (в текущих ценах)	Цена на нефть, долларов за баррель	Курс доллара США к рублю
2011	59 698,1	110	29,39
2012	66 926,9	110	31,08
2013	71 055,4	107	31,85
2014	77 893,1	97	38,61
2015	80 412,5	59	61,07

Анализируя имеющиеся данные, можно сделать ряд определенных выводов. Так, например, показательны рост объема ВВП в рублевом эквиваленте на 35 % в период с 2011 по 2015 гг., снижение цены на нефть на 86 % за аналогичный период, а также более чем двукратное увеличение курса доллара США по отношению к российской валюте.

На основании имеющихся данных можно построить модели, наглядно демонстрирующие взаимосвязь данных показателей. Рис. 1 показывает зависимость ВВП РФ от цены на нефть, а рис. 2 – зависимость ВВП РФ от курса доллара США к рублю. Полученный результат свидетельствует о том, что цена на нефть и курс доллара к рублю напрямую влияют на уровень ВВП РФ (см. рис. 3).

Данные модели показывают, что прогнозное значение ВВП на 2016 г. составит около 87 000-88 000 млрд р. с учетом прогнозируемых цен на нефть порядка 40 долларов за баррель, а также при курсе доллара к рублю в районе 70 р. за одну единицу американской валюты. Данный результат означает снижение реального объема ВВП РФ в 2016 г. на 8-9 % по отношению к предыдущему периоду.

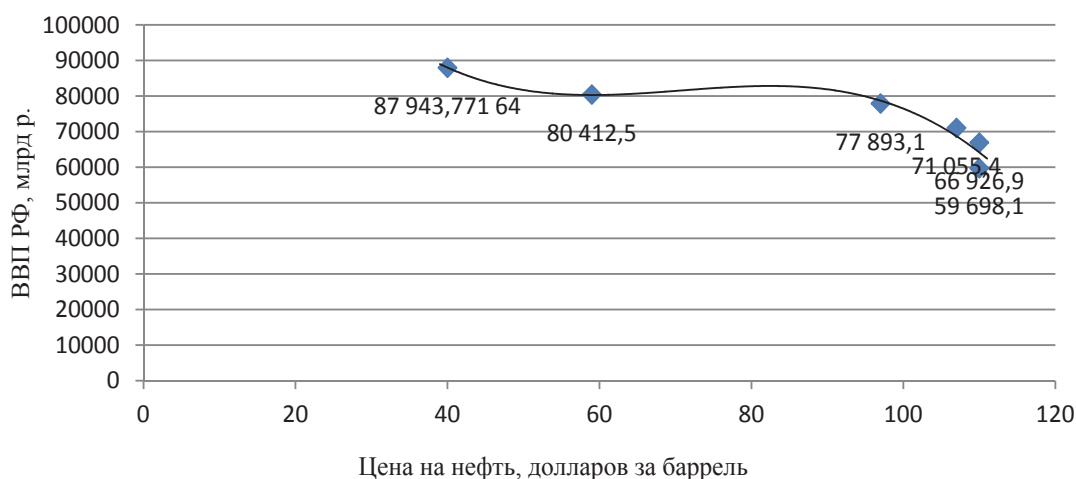

Рис. 1. Зависимость ВВП РФ от цены на нефть

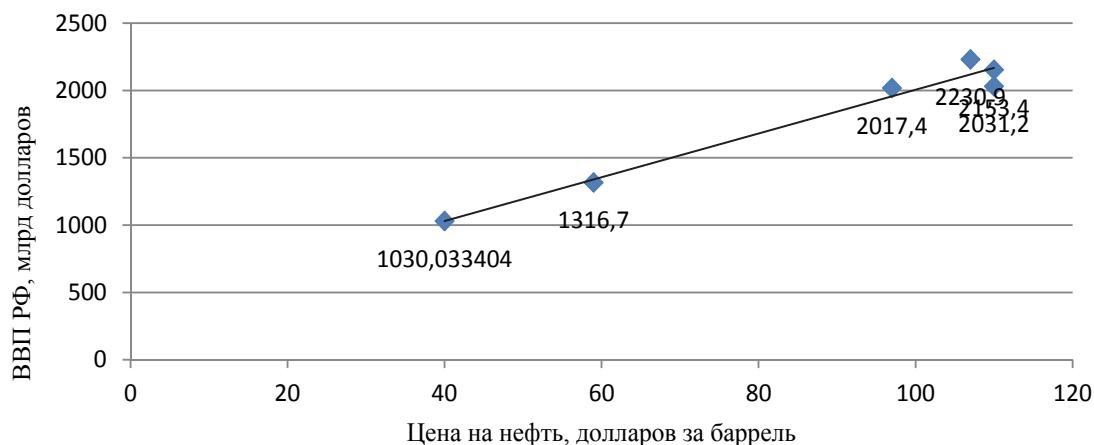

Рис. 2. Зависимость ВВП РФ от цены на нефть

Для более наглядной демонстрации зависимости объема ВВП РФ представим ВВП РФ в долларах США.

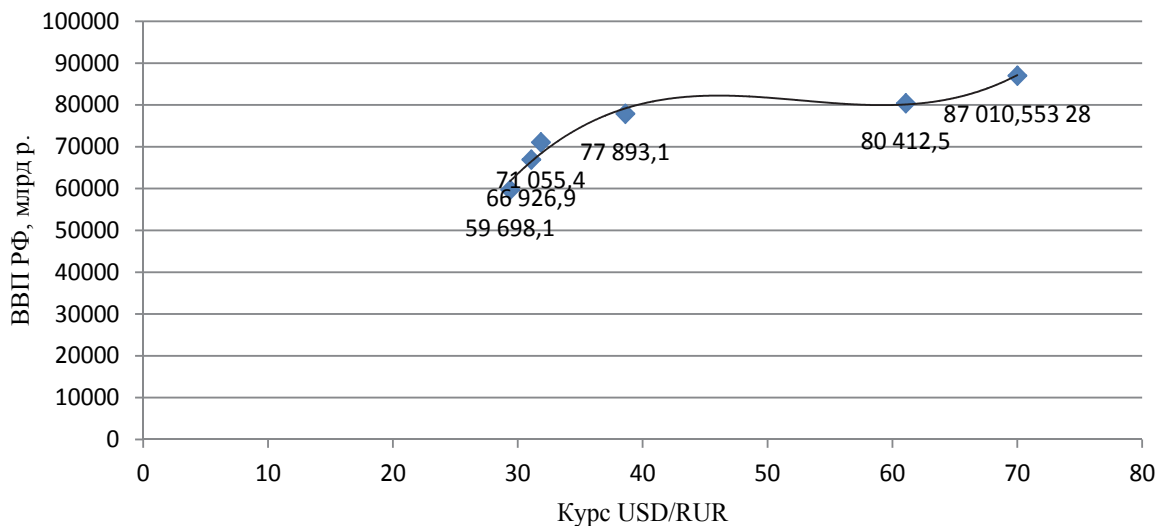

Рис. 3. Зависимость ВВП РФ от курса доллара США к рублю

Официальный прогноз ЦБ РФ на 2016 г. в базовом сценарии предполагает снижение ВВП РФ в 2016 г. на 1,3-1,5 %, это означает, что объем ВВП РФ в рублевом эквиваленте составит порядка 90 788,5 млрд р., т.е. данный сценарий стоит признать более оптимистичным по сравнению с рассмотренным в этой статье. Кроме того, стоит учитывать, что мы не рассматривали другие факторы, влияющие на объем ВВП РФ, однако полученные результаты позволяют смело утверждать о высокой степени зависимости российской экономики от цен на нефть на мировом рынке, а также от изменения котировок российской валюты по отношению к доллару США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симоненко, В. Н. Показатели качества и уровня жизни трудового потенциала / В. Н. Симоненко, Н. Н. Симоненко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № IV-2(8). – С. 96-100.
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 11.12.2015).

ПОЛЕМИКА
DISPUTES

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.
A. A. Shuneiko, I. A. Avdeenko

**ОСКОРБЛЕНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН IV: ОСКОРБЛЕНИЕ
И АГРЕССИЯ – ХАРАКТЕР РЕАКЦИИ**

**INSULT AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON IV: INSULT AND AGRESSION –
RESPONSE PATTERN**

Упрощение, оборотничество, концентрация, типизирование, доминирование и сакрализация, как правило, реализуются одномоментно и в совокупности генерируют у адресата коммуникативный и мировоззренческий шок: адресат исключается из числа активных участников коммуникации, а вся инициатива переходит к оскорбителю. Этот шок может быть различной степени длительности и глубины. Мастерство оскорбителя проявляется в умении использовать любое шоковое состояние объекта агрессии. А способность противостоять определяется тем, как быстро оскорбленный может из него выйти. Мгновенный выход гарантирует возможность адекватной действенной реакции. «Зависание», напротив, создает опасность усиления воздействия за счет общих для перечисленных аспектов речевой агрессии следствий. Набор возможных реакций в случае с быстрым выходом из состояния шока и «зависанием» един, но эффективность реакции зависит от ее убедительности, которая в свою очередь обеспечивается осознанностью действий, которая обратно пропорциональна степени погруженности в шоковое состояние.

В результате действия всех факторов даже одна единственная номинация переворачивает представление адресата о мире и его месте в мире с ног на голову. В силу дезориентации он лишается какой бы то ни было поддержки: в нормах, в окружающих, в контексте, в опыте. Если дезориентация произошла в полной мере, она подталкивает адресата к трем способам действий: повтору (ты сам такой), молчанию (мычанию, плачу) и физической расправе. Любое из этих действий устраивает речевого агрессора и обозначает его победу. Наиболее распространенные импульсивные, спонтанные, неподготовленные реакции являются подтверждением того, что человек самим фактом оскорбления оказывается в навязанном представлении о коммуникативной ситуации.

Состояние коммуникативного шока предоставляет агрессору возможность продолжать свои действия, тем самым усугубляя положение оскорбленного. Все сказанное в защиту десемантизируется, коммуникативно обесценивается и превращается не более чем в «вяканье», «гавканье», «мычание» и т.п. Одновременно с этим в сознание адресата речевой агрессии внедряется вопрос: «А может, я и на самом деле такой?». Это повышает степень нестабильности, поскольку мыслительная энергия оттягивается в сторону самоанализа.

Отсутствие какого-либо, пусть даже неадекватного, убедительного ответа на оскорбление ставит оскорбленного вне закона, делает его изгоем. Такое положение запрещает установление с ним коммуникативных контактов. Наиболее показателен в этом отношении дворянский кодекс чести или дуэльный кодекс: нет ответа – значит, ты не достоин собственного имени, а имя, присвоенное оскорбителем, соответствует истине. Отсутствие ответа обозначает согласие с номинацией по принципу: молчание – знак согласия.

Фактом оскорбления человек ставится перед необходимостью доказывать, что он не такой. Причем сделать это – как и принять взвешенное решение о недопустимости никакого ответа – нужно достаточно быстро. Различные социальные образования отмеряют отрезки времени различной длительности, в течение которых должен прозвучать ответ, а при выходе за рамки которых он уже ответом не является. В частности, по воровским понятиям это следует делать немедленно, а в научном, художественном дискурсах ответ на оскорбление может прозвучать спустя годы.

Наличие или отсутствие своевременного ответа, кроме социальных условий, регламентирующих допустимое для него время, зависит от того, способен ли человек преодолеть коммуникативный шок и как быстро он способен это сделать.

Сама речевая агрессия может существовать и быть действенной только в рамках такого представления о мире, где признается чья бы то ни было монополия на истину. Если объект агрессии согласен с таким взглядом на мир, то он оказывается подверженным оскорблению. Если он такого взгляда не признает, то он в принципе не может почувствовать себя оскорбленным, поскольку понимает, что выраженная точка зрения лишь одна из множества других. Какие бы факторы ни вызвали речевую агрессию, всегда есть другие взгляды.

Характер реакции на оскорбление зависит от социальной иерархии. В частности, лицо с более низким, как и с более высоким статусом оскорбить не может, соответственно, и ответа на оскорбление не производится. То есть оскорбить может только равный. Этим определяется нежелание некоторых судей инициировать дела об оскорблениях в их адрес; такие дела, как правило, инициируются судебными приставами. В коммуникации же с равными действует принцип: никто не может отрицать самоидентификацию человека, если же он это делает (словом или действием), то он должен за это ответить.

Таким образом, наличие или отсутствие ответа, а также степень его адекватности определяются социальными, личностными, мировоззренческими, а также иерархическими факторами, каждый из которых диктует свои формальные и содержательные рамки допустимого и необходимого коммуникативного поведения объекта агрессии.

Адекватный ответ нейтрализует факт оскорбления, восстанавливает паритет, возвращает к исходному состоянию, объявляет факт оскорбления не бывшим. После дуэли говорят уже не об оскорблении, а именно о дуэли, даже если дуэль ограничилась скрещением шпаг или была остановлена церемонией примирения. Ответ на оскорбление ритуализируется с разной степенью детализации, но в целом сходно и в дворянском дуэльном кодексе, и «по понятиям», и в бытовой, и в научной, и в политической, и в иных сферах. Так, в политическом дискурсе нота протеста не обязательно приводит к войне, а в бытовой сфере фраза «Пойдем выйдем» по сути является формулой вызова и приводит именно к ритуализованному поединку, а не к банальной драке.

Любой ответ на речевую агрессию адекватен и действенен, если он демонстрирует доминирование в той или иной сфере, поскольку сам факт доминирования обесценивает сказанное перед этим, деактуализирует его, основан на принципе: ты не можешь до меня доплюнуть, собака лает – ветер уносит, не стоит обращать на тебя внимания. Действенность ответа существенно повышается, если отвечающий затрагивает один или несколько аспектов, которыми характеризуется оскорбление. Например, если он сакрализует свой ответ (Да простит тебя господь за слова твои), концентрирует внимание на одной черте (У тебя язык грязный), типизирует оскорбителя (Ты же добрый человек, что с тобой происходит), доминирует (За словами следи) и т.д.

Профессиональным коммуникаторам столкновение с речевой агрессией помогает мобилизовать все свои речевые способности. Тем самым агрессор играет на руку объекту агрессии, обозначая некий центр, создавая точку, которые помогают сделать речь повышено актуальной, образной, эмоциональной, логичной, заразительно азартной и непредсказуемо парадоксальной. Присутствие в ситуации хотя бы потенциального агрессора выполняет для профессионального коммуникатора функцию допинга: он не только молниеносно реагирует на сказанное оппонентом, но и может предвидеть каждый его последующий шаг и перспективу разговора в целом. Профессиональный коммуникатор в такой ситуации знает, что можно сделать, он оказывается в своей тарелке, поэтому потенциальное или реальное столкновение с агрессором в концентрированном виде выявляет его лучшие коммуникативные способности. В этом смысле поведение в условиях речевой агрессии служит стресс-тестом, выявляющим профессионализм коммуникатора. Такой тест может проявить степень профессионализма в широком диапазоне реакций: от состояния коммуникативного ступора до ощущения драйва или эйфории.

Все реакции на оскорбление сводятся к нескольким типам: 1) оценка говорящего (Сам такой, на себя посмотри. Чья бы корова мычала...); 2) оценка информации (Ты не прав. Ты что несешь? Думай, что говоришь! Спасибо на добром слове. Раз я козел, так я и буду поступать как козел. Ты еще не видел какой я козел); 3) игнорирование; 4) оценка себя (Ты кому такое говоришь? Зато я...); 5) оценка ситуации (Не место и не время обсуждать эти вопросы. Тут же люди

ходят. Пойдем выйдем. Я тебя сейчас ударю. Я буду жаловаться! Вы вынуждаете меня вызвать вас на дуэль), в том числе демонстрация ее непонимания (И что теперь? Ты к чему это? Ну и что дальше?); 6) смена темы (Смотри, птичка пролетела...); 7) повторение предшествующего оскорблению действия; 8) физическое действие. Каждый из этих типов представлен разновидностями (с прямым или косвенным выражением; с положительной или отрицательной оценочностью, с задачей стабилизации или обострения, в форме констатации или императива, в различных эмоциональных ключах, с разной степенью напора, с обращением непосредственно к агрессору, группе лиц, к коммуникативному пространству в целом).

Любой тип реакции так или иначе оценивает агрессора, его речь, его картину мира, его состояние, степень его информированности и т.д., но поскольку происходит это прямо или косвенно и с акцентированием различных аспектов, названные типы реакций имеет смысл рассматривать по отдельности.

Оценка говорящего является таким типом реакции, при котором оценке подвергается личность речевого агрессора, опыта общения с ним и тем самым агрессор постфактум лишается права давать оценки вообще или в данной ситуации. Поэтому сама оскорбительная оценка лишается авторитетного источника, обесмысливается, повисает в воздухе, объявляется незначительной или приравнивается к коммуникативному шуму, на который не следует обращать внимания. Такое лишение права может быть общим, когда личность агрессора оценивается в целом, безотносительно к ситуации (Ты дурак. Ты такой догадливый. Ты большой оригинал. Сначала научись грамотно говорить. Ты по понедельникам на всех кидаешься), локальным, когда оценивается ситуативное состояние агрессора (Ты не в себе. Ты пьян. На тебя луна дурно влияет), или гипотетическим, при котором выдвигается предположение относительно целей, мотивов поведения агрессора (Ты хочешь меня обидеть. Я знаю, почему ты так говоришь. Ты, наверное, на солнце перегрелся). С помощью оценки говорящего производятся разные виды диагностики причин или личностных мотивов агрессивного высказывания. Таким образом, демонстрируется контроль над ситуацией и регулируется характер ее восприятия, восстанавливается баланс между внутренним и внешним образом человека. Действенность такой реакции обусловлена тем, что агрессия, выраженная человеком, возвращается к нему бумерангом: коммуникативные эффекты агрессии концентрируются на самом агрессоре, причем очевидность предшествующей агрессии делает оценку со стороны оскорбленного обоснованной. В классических примерах: Сам дурак! От идиота слышу. На себя посмотри! За слова отвечаешь?

Оценка информации – такой тип реакции, при котором оценке подвергаются сообщаемые в оскорблении сведения и тем самым ее семантика обесценивается в отношении содержательности, новизны, актуальности, правомерности, вероятности, достоверности и т.п. В результате этой информация противопоставляется категории полезности, приравниваясь к шуму, лжи, избыточному дублированию, нечленораздельному бормотанию, бреду, нечеловеческой речи. Оценке могут подвергаться как информация в целом (Полная чушь. Это ложь), так и ее части (Так-то оно так, но в деталях нестыковка. А ты докажи. Неубедительно), а также качество передачи (Да не козел я, не козел, а баран. Я слышал это в другом варианте. И это слишком мягко сказано. Фу, как грубо). В ходе оценки информации может производиться анализ ее происхождения (Я знаю, откуда у этого ноги растут), трансформации (В первоначальном варианте было не так. Не мент позорный, а мент поганый, волк позорный), полноты (Не все ты сказал), степени искажения (Поешь с другого голоса, так хоть слов не путай). Таким образом, демонстрируется не только контроль над ситуацией, но и осведомленность в широком контексте, способность воспринимать сказанное агрессором с учетом множества факторов. Человек выходит за пределы ситуации, поднимается над ней и утверждает тем самым, что находится выше нее. Действенность такой реакции обусловлена эффектом отстраненности, формальной исключенности личности и оскорбляющего, и оскорбленного из коммуникативной ситуации, в результате которой агрессивное высказывание оказывается предметом объективного, отчужденного рассмотрения вне конкретного контекста. Классические примеры: Поясни! Не выдумывай! Сам-то понял, что сказал? Что за бред?

Игнорирование – такой тип реакции, при котором агрессивное речевое действие остается без какого бы то ни было выраженного ответа: человек внешне не демонстрирует всего набора обязательных реакций, которые предполагает оскорбление, т.е. не впадает в ступор, не проявляет взаимной агрессии, не сбивается с темы и тональности речи, не делает акцентированной паузы, не выражает удивления или негодования. Все эти реакции могут присутствовать у него в ментальном плане, но не имеют внешнего выхода. Человек во всех отношениях продолжает вести себя точно так же, как вел до оскорбления. В результате высказывание речевого агрессора подразумевается отсутствующим, объявляется не бывшим, вычеркивается из истории коммуникативной ситуации. Как следствие, отрицается существование самого агрессора, той его части, которая в данный момент говорит от его имени, или его присутствие в ситуации. Оскорбителя, не замечая, объявляют недостойным внимания, а ценность того, что он говорит, сводится к нулю. Своим поведением потенциально оскорбленный говорит: «Тебя здесь нет или это не ты». Таким образом, демонстрируется абсолютное доминирование в ситуации, право отбора существенного и вычеркивания несущественного, предоставления слова тому или иному участнику коммуникации, утверждается существующая или устанавливается новая иерархия, в соответствии с которой оскорбляемый недосягаем для агрессора и поэтому не может быть оскорбленным в принципе. Ср. замечание, которое делает князь Осип-Юльян Викентьевич Грабе-Горский по поводу своих обидчиков: «<...> а от личного оскорбления я был огражден своим званием» (Басаргин Н. В. Записки. – Красноярск, 1985. – С. 229). Действенность игнорирования обеспечивается тем, что агрессор сам приписывает себе характеристики ничтожества, голос которого не слышен, начинает сомневаться в собственном существовании, продуктивности своих слов, качестве своей речи, возможности осуществлять нормальную коммуникацию и реализовать свои цели. С другой стороны, наблюдателями сам факт оскорбления, не получившего никакого отзыва, воспринимается как проявление должного, закономерного внимания к объекту агрессии. Этот посторонний взгляд либо присутствует, либо предполагается, усиливая тем самым действенность реакции. Любой выраженный ответ предполагает соревнование. Игнорирование ставит жирную точку сразу же после вызова, и в состязание, поскольку оно объявлено агрессором, включаются другие участники по принципу: если ты сказал оскорбительное не конкретному адресату, тогда кому, не мне ли? Возмущения, переданные в коммуникативное пространство, не доходят до адресата (проходят мимо), оказываются не поглощенными (не воспринятыми) конкретным объектом, деллокализуются, утрачивают определенность и возвращаются самому возмутителю со стороны других участников ситуации. Например, если хулиган пытается зацепить прохожего, а тот на него никак не реагирует, окружение самого хулигана начинает издеваться над коммуникативным неудачником: «Да тебя послали! Ну, ты лошара!».

Оценка себя – такой тип реакции, при котором сказанное агрессором дополняется самооценкой объекта оскорбления, перевешивающей отрицающей или уравнивающей оскорбительную информацию. Объект агрессии противопоставляет навязываемому взгляду на себя свой собственный взгляд. Он задает свою собственную, приемлемую для него шкалу оценки. Противопоставление может формулироваться как отрицание (– Ты дурак! / – Я гений!) и как дополнение. Дополнение может быть в параллельном (– Ты дура! / – Зато я натуральная блондинка!) или продолжающем русле (– Ты дурак! / – И еще негодяй, сволочь и козел!). Таким образом ставится под сомнение содержание оскорбительного высказывания и выражается косвенная оценка его автора как человека неадекватного, не владеющего информацией либо владеющего ей не в полной мере. Объект речевой агрессии говорит: «Ты меня не знаешь либо знаешь недостаточно хорошо, а следовательно, твои слова не заслуживают внимания, не могут приниматься в расчет и восприниматься как оскорбительные». В результате объект агрессии показывает, что является умным собеседником, имеющим представление о множестве оценочных шкал, способным рассматривать предметы оценки в их сложности и многомерности, на фоне чего сам агрессор и сказанное им обесценивается, представляется поверхностным, частным и неумным, утрачивает исключительную силу, становясь в открытый ряд других возможных высказываний. Кроме того, такой реакцией человек показывает, что он человек организованный и способен самостоятельно оценивать свои поступки, свое поведение, видеть их негативные и положительные свойства. Действенность такой

реакции обеспечивается отсутствием внешне выраженной взаимной агрессии, на фоне которой речевая агрессия оскорбителя выглядит крайне неуместно. В то время как само оскорбление ориентировано на диктат, выражается в форме прямо или косвенно выраженного безапелляционного утверждения и действенно только в однополярном представлении о мире, оценка себя утверждает возможность различных точек зрения, что подрывает саму основу возможности оскорбления и выгодно смотрится в аспекте демократических идеалов.

Оценка ситуации – тип реакции, при котором акт агрессии объявляется чужеродным по отношению к коммуникативному контексту, не соответствующим месту, времени, составу участников и наблюдателей, теме разговора, нормам ситуативного коммуникативного взаимодействия. Акт агрессии представляется невозможным в таких условиях, а само высказывание представляется как мусор. В результате такой реакции объект агрессии не только дискредитирует агрессора как человека неумного и неадекватного и презентует себя как человека, хорошо ориентирующегося в нормах и правилах приличной коммуникации, но и выступает в качестве защитника других участников, указывая на то, что в их присутствии неадекватное поведение недопустимо, поднимает их над семантикой оскорбления. При этом оскорбленный не отрицает и не утверждает согласия с содержанием высказывания, ссылаясь на независимые ни от кого причины, которые, кроме всего прочего, не позволяют и другим участникам продолжать разговор в русле, заданном актом речевой агрессии. Он ограничивает набор возможных коммуникативных действий всех участников, лишает их возможности поддержать агрессора. Действенность оценки ситуации обусловлена тем, что реагирующий таким образом апеллирует к категориям, внешним по отношению к себе, которые в данный момент ни от кого не зависят, а агрессору и другим участникам не остается ничего иного, нежели принять эту апелляцию. Это парализует коммуникативную деятельность агрессора, поскольку, если она будет продолжена, и сам агрессор, и все участники оказываются перед необходимостью полемизировать, вести борьбу с абстрактными, внеположенными им категориями времени, пространства, социального договора. Они лоб в лоб сталкиваются с неподконтрольными и непонятными им объектами высокого уровня. Агрессивное высказывание тонет в несоизмеримом с ним объеме содержания актуализируемых категорий и полностью обесценивается. Типовые формулы: сейчас не место и не время, это не имеет отношения к разговору, здесь приличные люди, надо уважать окружающих.

Смена темы – такой тип реакции, при котором в ответ на агрессию адресат озвучивает информацию, которая раньше не затрагивалась и которая переводит всех участников в совершенно иной контекст. Это осуществляется без какой бы то ни было мотивации или с мотивировкой, не связанной с сутью оскорбления, не следует из предшествующего разговора и никак с ним не взаимодействует. Тем самым объект агрессии обрывает нить разговора, которая привела к агрессивному высказыванию. При этом весь предшествующий разговор и всё коммуникативное взаимодействие с агрессором объявляются несущественными, необязательными, не заслуживающими в данный момент внимания, не имеющими перспектив развития, лишены продолжения. В общем плане оскорбленный говорит, что в мире есть вещи важнее, чем то, что приводит к агрессии и агрессия как таковая. Поскольку последнее слово в прерванной теме остается за агрессором, на него возлагается ответственность за прекращение ее обсуждения. В то же время реагирующий таким образом коммуникатор сохраняет за собой либо приобретает доминирующую роль, показывает, что именно он определяет, о чем следует или не следует говорить. Косвенная оценка оскорбления как малозначительного события заставляет агрессора испытывать дискомфорт. Кроме того, объект агрессии демонстрирует заботу об эмоциональной стабильности наблюдателей, не давая конфликту разгореться у них на глазах. Начало новой темы не позволяет агрессору продолжать, поскольку продолжение будет выглядеть нелепо, как возврат к прошлому, косвенно объявленному неактуальным.

Повторение предшествующего оскорблению действия как тип реакции состоит в буквальном повторении высказывания, за которым последовало выражение речевой агрессии. При этом не важно, является ли эта фраза поводом или причиной для нее. Предшествующая оскорблению фраза может повторяться с той же интонацией, с интонацией усталости и с интонацией настойчивого

утверждения: в первом случае говорящий вычеркивает оскорбительную фразу из разговора, во втором – выражает сожаление в том, что ему приходится разговаривать с людьми, которым нужно повторять несколько раз, в третьем – показывает, что никому не уступит своего доминирующего положения. В любом случае говорящий одновременно демонстрирует полный контроль над ситуацией, нежелание реагировать на речь оскорбителя, следовать предложенному им сценарию развития событий; указывает на отсутствие какой-либо обоснованности оскорбления, отношение к говорящему как к производящему бессмысленные высказывания, неспособность оскорбителя что-либо изменить в ходе и содержании разговора, отсутствие значимости сказанного и сказавшего в данной ситуации; проявляет способность к предвидению агрессивных реакций, умение бороться с коммуникативным шумом, заботу о последовательном восприятии окружающими своей речи. Повтором предшествующей фразы он говорит: «Кто бы и как меня и сказанное мной не оценивал, я остаюсь таким, какой есть, и говорю то, что считаю нужным, и так, как считаю нужным». В результате агрессор не только дискредитируется как участник коммуникативной ситуации, но и ставится в затруднительную позицию: повтор оскорбления и продолжение оскорбительного поведения становится неуместным. Действенность такой реакции обеспечивается игнорированием в сочетании с демонстрацией контроля обратной связи. Пресуппозиция повтора в данном случае содержит утверждение: «Я слежу за тем, как вы реагируете, слышу все, но замечаю лишь то, что считаю важным, а в данном случае существенна только моя речь». За границами ситуации это обозначает позицию говорящего, в соответствии с которой ему важно не только что-то сказать, но быть услышанным в нужном ключе, он формально ни на кого не собирается давить, а все сказанное должно быть принято в силу его исключительной ценности.

Каждая из перечисленных реакций может быть нацелена как на погашение конфликта, так и на его разжигание. Поэтому единый критерий оценки эффективности определить нельзя. В то же время для любой ситуации, в которой так или иначе реализуется речевая агрессия, актуальна категория победы, не связанная с категорией убедительности. Если в ситуации присутствуют наблюдатели, то победителем, независимо от характера поведения, может считаться тот участник, сторону которого они принимают. В ситуации же отсутствия наблюдателей, как, впрочем, и в ситуации безразличия к их мнению, при любом исходе победителем, равно как и проигравшим, может считать себя каждый из участников.

Любая реакция на речевую агрессию предполагает обязательное закономерное продолжение. Характер этого продолжения напрямую связан со степенью эффективности первой реакции. Конфликтная ситуация может тем или иным способом сворачиваться (извинение, игнорирование) или развиваться, уходя в бесконечность. Однако поскольку реакция на речевую агрессию является сама по себе формой в той или иной степени выраженной агрессии, набор типов продолжения развития коммуникативной ситуации со стороны агрессора тот же, что и описанный выше набор типов реакции со стороны объекта агрессии.

Таким образом, анализ всех проявлений речевой агрессии позволяет дать строго формальное определение, которое раскрывает ее коммуникативную суть и одновременно может служить четким критерием идентификации фактов речевой агрессии в практике общения. Речевая агрессия – это такая смена говорящим темы, которая отрицает саму возможность возврата к предшествующему течению разговора, предполагает упрощение, оборотничество, концентрацию, типизирование, доминирование и сакрализацию и которой сопутствует, по крайней мере, два из существующих субъективных признаков (отрицание социальной иерархии, оценка, нарушение дистанции, нарушение коммуникативных ожиданий).

Количество агрессии отражает количество и разнообразие конкурирующих сценариев. Чем больше сценариев сталкивается, тем больше агрессии. Таким образом, количество агрессии в социуме является прямым показателем активности процессов самоорганизации и разнообразия информационно-коммуникативного пространства. Поскольку речевая агрессия является следствием действия процессов самоорганизации информационно-коммуникативного пространства, общество без речевой агрессии существовать не может. Наличие же сегментов коммуникативного пространства, в которых речевая агрессия практически не заметна, объясняется либо хорошей маскировкой,

либо наличием коммуникаторов, способных гасить речевую агрессию, противопоставлять ее проявлениям коммуникативные формы, полностью ее деактуализирующие.

Делать это не сложно, т.к. у речевой агрессии нет в ней самой заложенной цели. Человеку, который стремится погасить ее, следует исходить в своих действиях не из наличия факта агрессии, а из того, какие условия коммуникативной ситуации к ней приводят. Если воспринимать агрессивную форму не как самостоятельную данность, а как одно из возможных проявлений стремления агрессора к какой-то внеположенной агрессии цели, агрессия исчерпывается сама собой. В этом отношении библейский принцип, согласно которому если тебя ударили по одной щеке, следует подставить другую, является идеальным средством погашения агрессии. В реальной коммуникативной практике в основном встречается противоположное: речевая агрессия воспринимается как имеющая своей целью оскорбить, унижить конкретного адресата, а не сменить тему, свернуть исчерпавшую себя реализацию сценария или перейти к реализации другого сценария, что порождает ответную агрессию, активизирует агрессивные цепные реакции, замкнутые в пределах ситуации или выходящие вовне, и тем самым увеличивает ее количество.

Если в социальном плане без речевой агрессии обойтись нельзя, то в личностном плане каждый конкретный человек, адекватно понимающий свою роль в самоорганизации информационно-коммуникативного пространства, может препятствовать ее нарастанию.

Количество речевой агрессии определяет и степень стабильности коллектива. Однако зависимость количества речевой агрессии и стабильности коллектива не является прямолинейной. Под количеством агрессии понимается не ее объем, хотя он тоже может иметь значение, а количество актуальных для данного коллектива непосредственных источников агрессивных действий. Кроме количества источников речевой агрессии принципиальное значение имеет включенность источников агрессии в конкретный коллектив. Если в рамках коллектива присутствует один источник агрессии, то это становится существенным фактором, определяющим стабильность коллектива. При этом источник агрессии – это человек или фрагмент мира, порождающий агрессию в отношении себя или кого-либо. Источником агрессии в этом случае далеко не всегда является объект, имеющий отрицательные, с позиции коллектива, характеристики, он может быть нейтральным или настолько положительным, что отторгается коммуникативными стереотипами. Единство источника агрессии за пределами коллектива также стабилизирует, объединяет коллектив.

Множество источников агрессии как в пределах, так и вне коллектива, напротив, разобщает, раскалывает, дестабилизирует его структуру, поскольку наличие или понимание в качестве таковых различных источников агрессии приводит к конфликту агрессоров и порождает агрессию между ее субъектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Стереотипы речевого поведения / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2011. – № 1. – С. 70-73.
2. Шунейко, А. А. Стереотипы речевого поведения / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2011. – № 2. – С. 58.
3. Шунейко, А. А. Стереотипы речевого поведения / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2011. – № 3. – С. 47-50.
4. Юрислингвистика: межвуз. сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001-2010. – Вып. 1-10.
5. Leech, Geoffrey N. Principles of Pragmatics. – London and New York, 1986.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Латина С. В.
S. V. Latina

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ОБЛАСТИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ОБОРУДОВАНИЯ»

A MANUAL “ENGLISH IN THE SPHERE OF MECHANIC ENGINEERING TECHNOLOGIES AND EQUIPMENT”

Латина Светлана Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры «Иностранные языки» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: lat-sveta@yandex.ru.

Ms. Svetlana V. Latina – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Foreign Languages Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin str., 27. E-mail: lat-sveta@yandex.ru.

Новые федеральные образовательные государственные стандарты заставляют по-иному взглянуть на методику преподавания иностранного языка в вузе, а именно с учетом как общекультурных, так и общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Современное общество требует от выпускников не только владеть иностранным языком как средством межличностного и международного общения, но и уметь изъясняться на иностранном языке в профессиональных, деловых и научных кругах, поэтому создание авторских профильных пособий по иностранному языку для студентов технических специальностей является основополагающим.

Пособие Ю. В. Марковой «Английский язык в области машиностроительных технологий и оборудования» предназначено для студентов-бакалавров неязыковых специальностей и построено с учетом профильной специфики при изучении иностранного языка, его направленности на реализацию целей и задач профессиональной деятельности выпускников в будущем.

Задача учебного пособия состояла в систематизации и представлении учебного материала по дисциплине «Иностранный (английский) язык» направлений подготовки 150100.62 – «Материаловедение и технологии материалов», 150400.62 – «Металлургия», 150700.62 – «Машиностроение», 151000.62 – «Технологические машины и оборудование», 151900.62 – «Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств», 241000.62 – «Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии», а также представлении собственного опыта в организации учебного процесса в вузе.

Учебное пособие состоит из последовательного изложения материала в одной части, включающей 11 уроков: 1. Machine-Building (Машиностроение); 2. MaterialTechnology (Материаловедение); 3. Welding (Сварочное производство); 4. TypesofWelding (Способы сварки); 5. Foundry (Литейное производство); 6. Metals (Металлы); 7. FerrousandNon-FerrousMetals (Черные и цветные металлы); 8. Machine-Tools (Станки); 9. MillingMachines (Фрезерный станок); 10. Lathe (Токарный станок); 11. DrillingMachines (Сверлильный станок). Также предлагаемое учебное пособие содержит предисловие, приложения, тезаурус, заключение, список использованных источников

Каждый урок имеет четкую структуру: 1. ознакомление с новым лексико-грамматическим материалом; 2. закрепление нового лексико-грамматического материала; 3. текстовый этап; 4. послетекстовый этап. Для реализации поставленных целей в пособии предлагаются следующие режимы работы на занятии по иностранному языку: индивидуальный, парный и групповой; используются упражнения на трансформацию, соотнесение, корректировку, выбор.

Лексический материал вводится и закрепляется с помощью тренировочных упражнений, нацеленных на автоматизацию навыка употребления новых слов, например, Choose the right word from the ones given in brackets; Find the synonyms from the words in the first column to the words in the second column; Translate the following word combinations; Find the correct translation of each word.

В данном пособии реализуются следующие аспекты речевой деятельности: чтение, говорение и письмо. Работа над всеми аспектами осуществляется комплексно и одновременно с учетом принципа «от простого к сложному», например, работа над диалогической и монологической речью начинается с вопросно-ответных упражнений (Answer the questions to the text), в дальнейшем предлагается работа в парах на составление диалога или самостоятельная работа, направленная на составление монолога (Make up short stories on the following topics).

В основе обучения иностранному языку в техническом вузе лежит чтение профильных текстов. Существование большого количества научно-технической информации на иностранном языке во многом объясняет то, что именно чтение находит наиболее широкое применение в будущей профессиональной деятельности выпускников. Предтекстовые задания направлены на создание необходимых и достаточных знаний для понимания читаемого текста, на устранение языковых и смысловых трудностей, связанных с его пониманием, и на формирование навыков и умений чтения. К каждому тексту предлагается подробный словарь, которому уделяется большая часть внимания на занятии. Для более успешного овладения лексическим материалом и его дальнейшего закрепления в конце пособия предлагаются тексты для дополнительного чтения. Тексты для дополнительного чтения содержат информацию об известных личностях в той или иной технических сферах и направлены на дальнейшее совершенствование знаний в области изучения профессионального английского языка. Например, Famous people of science and engineering. George Stephenson; Famous inventors. Alfred Bernhard Nobel; Famous people of science and technology. James Prescott Joule; Famous people of science and engineering. James Watt и др.

При работе над грамматикой и для снятия возникающих трудностей студенты могут обратиться к грамматическому справочнику, находящемуся в конце пособия.

Послетекстовые задания предназначены для проверки понимания прочитанного, для контроля степени сформированности умений чтения и дальнейшего использования полученной информации в своей будущей профессиональной деятельности. Послетекстовые упражнения разнообразны и позволяют студентам закрепить не только лексический и грамматический материал данного урока, но и материал предыдущих уроков. Хочется отметить, что в системе послетекстовых упражнений можно встретить такие упражнения, которые способствуют развитию коммуникативной направленности говорения, а именно составление диалогов, монологических высказываний на основе предложенных автором ситуативных заданий.

Предлагаемые в конце учебного пособия письменные контрольные работы, направлены на проверку не только полученных фонетических и грамматических умений и навыков в изучении английского языка, но и на умение оперировать лексическими единицами по теме, на подготовку бакалавров к самостоятельной работе на английском языке как учебной, так и научно-исследовательской, а в дальнейшем и профессиональной.

В ходе работы с пособием Ю. В. Марковой «Английский язык в области машиностроительных технологий и оборудования» можно выделить следующие положительные моменты: развитие общеучебных знаний и навыков, таких как языковая догадка, актуальность тем, логичность в представлении материала и его закреплении, достаточное количество упражнений на развитие навыков устной речи, наличие элементов общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Отличительной особенностью пособия и большой заслугой автора является включение в список приложений изображений-схем некоторых станков: drillingmachine (сверлильный станок), millingmachine (фрезерный станок), lathe (токарный станок), что облегчает понимание и закрепление профессионально-ориентированного материала.

Материалы пособия помогают бакалаврам развить и закрепить умения и навыки использования разных видов чтения с поиском и извлечением необходимой информации из научной и научно-популярной литературы.

Матюшко А. В.

НАДВИКОВА, И. А. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ГУМАНИТАРИЕВ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2016. – 171 С.

Матюшко А. В.

A. V. Matyushko

НАДВИКОВА, И. А. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ГУМАНИТАРИЕВ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2016. – 171 С.

NADVILOVA, I. A. ENGLISH FOR HUMANITIES MAJORS: A MANUAL. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR: KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2016. – 171 P.

УДК 811.111

Как известно, мобильное общество способно «диахронизировать» под влиянием огромного числа факторов: политических, экономических, социально-исторических, природно-временных, психофизиологических и культурно-просветительских. Однако в нашей статье затронута идиосинкразия культурно-просветительских факторов с элементами педагогики и психологии.

Итак, проблема обучения лексической арабальности английского языка на гуманитарных специальностях «Реклама и связь с общественностью», «Документоведение и архивоведение» технических вузах остается все еще открытой и не в полной мере разрешенной по следующим причинам: дефицит специализированно-образовательного ресурса, слабая личностная мотивация, частично модернизированная учебная мобильность. Тем не менее университетская программная система обучения иностранному языку и международная потребность во владении иноязычной компетенции и языковой эклиптики (узкоспециализированная лексическая совокупность языковых единиц) определено высоки.

Однако учебное пособие «Английский язык для гуманитариев» в рамках основной образовательной программы бакалавров по направлениям подготовки «Реклама и связь с общественностью», «Документоведение и архивоведение» разрешает проблему обучения лексической арабальности английского языка в силу наличия сильной степени исследованности анализируемой тематики, новых возможностей научного поиска и решения практических вопросов преподавания иностранного языка в высшей школе технических вузов, на гуманитарных специальностях. Более того, данное пособие способствует преобразованию лексической арабальности посредством психолого-педагогической когезии (образовательный ресурс, программная система, личностная мотивация, международная потребность, учебная мобильность) [1, 83].

Следует отметить перечень плюсов данного пособия, помогающего решить проблему актуализации специализировано-образовательных ресурсов. Во-первых, учебная книга отличается системностью и ясностью изложения материала, достаточной полнотой приводимых сведений, необходимых для изучения дисциплины «Иностранный (английский) язык» по направлениям подготовки бакалавров «Реклама и связь с общественностью», «Документоведение и архивоведение», доступностью для студентов. Трактовка излагаемого материала и рекомендации к его применению удовлетворяют имеющимся психолого-педагогическим требованиям.

Во-вторых, научный уровень содержательной части раскрытых в учебной книге тем, относящихся к направлению подготовки бакалавров «Реклама и связь с общественностью», «Документоведение и архивоведение», в целом отвечает современным представлениям об этой области знаний, что требует и акцентирует университетская программная система, а именно: принцип профессиональной направленности обучения (учета специальности) предусматривает учет будущей специальности и профессиональных интересов студентов на занятиях по языку и другим дисциплинам учебного плана. Принцип межпредметной интеракции предполагает согласование тем более трех дисциплин с целью исключения их дублирования и формирования в сознании студентов целостного восприятия окружающего мира [2, 92].

В-третьих, предлагаемая учебная книга позволяет заполнить лауну в методическом обеспечении по направлениям подготовки «Реклама и связь с общественностью», «Документоведение

и архивоведение», является полезной и востребованной, содержание учебной книги соответствует основной образовательной программе подготовки дипломированных специалистов и бакалавров по названным специальностям.

В-четвертых, обширность лексической наполняемости пособия обусловлена повышением владением общекультурной компетенцией (арабальности или, иными словами, иноязычной культивируемости: владеть необходимыми навыками профессионального общения на иностранном языке (ОК-15)) [3, 29]. Таким образом, студентам направлений подготовки «Реклама и связь с общественностью», «Документоведение и архивоведение» будет легче сориентироваться в лексической терминологии, свойственной сфере рекламы и связи с общественностью, т.к. область профессиональной деятельности бакалавров включает разделы науки и общества, документации и архивации, СМИ и коммуникации, содержащие совокупность средств, приемов, способов и методов человеческой деятельности, направленной на создание конкурентоспособной, уникальной и передовой продукции СМИ, а также правильное ведение документации и соблюдение правил хранения ценных бумаг и досье. Следственно, возрастает личностная мотивация среди студентов. К тому же учебная мобильность программной системы по ИЯПФ (иностранному языку в профессиональной сфере) отражает международную потребность в знании и владении иностранным языком студентами гуманитарных специальностей технических вузов.

В пособии есть много заданий по устной части, что актуально отображает один из общекоммуникативных принципов программной системы (ОК-15), о котором уже было упомянуто в четвертом аргументе плюсов данного пособия, разрешающего проблему обучения лексической арабальности английского языка на гуманитарных специальностях «Реклама и связь с общественностью», «Документоведение и Архивоведение» технических вузах. Эффективная лексическая программа по иностранному языку должна включать в себя и такие компоненты, как экстенсивное чтение и аудирование для самостоятельного развития профессионального тезауруса, обучение специальной лексике, ознакомление студентов с приемами самостоятельной работы, лексические задания, в том числе и в игровой форме, для мотивирования студентов.

Итак, учебное пособие «Английский язык для гуманитариев» представляет собой самостоятельный целостный текст со строгой содержательной и структурной организацией, которая проявляется в следующих характеристиках составляющего ее материала: его стилистическом единстве, концептуальной определенности, исследовательской направленности и композиционной нормативности. Композиционная нормативность определяется тем, что учебное пособие состоит из нормативно-определенного набора обязательных и факультативных разделов, располагаемых в неизменной последовательности: оглавления, введения, содержательной части (состоящей из 24 уроков), 3 приложений, заключения и списка литературы. Более того, пособие отвечает эффективной лексической программе по иностранному языку в профессиональной сфере, поэтому и включает в себя такие компоненты, как: экстенсивное чтение и аудирование для самостоятельного развития профессионального тезауруса, обучение специальной лексике, ознакомление студентов с приемами самостоятельной работы, лексические задания, в том числе и в игровой форме, для мотивирования студентов гуманитарных специальностей технических вузов.

Данная учебная книга соответствует содержанию и требованиям основной образовательной программы подготовки дипломированных специалистов и бакалавров по гуманитарным специальностям, что напрямую разрешает преодолеть проблему обучения лексической арабальности английского языка на гуманитарных специальностях «Реклама и связь с общественностью», «Документоведение и Архивоведение» технических вузах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Надвикова, И. А. Английский язык для гуманитариев: учеб. пособие / И. А. Надвикова. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2016. – 171 с.
2. Английский язык для журналистов: учеб. пособие / под ред. Э. Ф. Телень. – 2-е изд. – М.: ТЕИС, 2000. – 380 с.
3. Marion, Grussendorf. English for presentation / Grussendorf Marion. – Oxford, 2009.

Надвикова И. А.

ПЕРШИНА, Е. Ю. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО И МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2015. – 156 С.

Надвикова И. А.

I. A. Nadvikova

ПЕРШИНА, Е. Ю. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО И МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2015. – 156 С.

PERSHINA, E. YU. ENGLISH FOR METALLURGY AND MECHANIC ENGINEERING INDUSTRY: A MANUAL. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR: KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2015. – 156 P.

УДК 811.111

К сожалению, в системе высшего образования Российской Федерации присутствует зияющая лакуна в содержании и использовании методического обеспечения по иностранному языку в направлении учета технических специальностей. Несмотря на широкое распространение английского языка в технических сферах производства, наблюдается острая нехватка специализированных пособий по иностранному языку в технических вузах России, способствующих формированию у выпускников лингвистической компетенции свободного понимания иноязычной речи в реальных условиях и мобильного применения выработанной языковой эклиптики (узкоспециализированная лексическая совокупность языковых единиц) при любой ситуации.

Однако учебное пособие «Английский язык для металлургического и машиностроительного производства» в рамках основной образовательной программы бакалавров по направлениям подготовки 150400 «Металлургия», 150700 «Машиностроение», 150100 «Материаловедение и технология материалов» разрешает проблемы создания специализированных иноязычных учебных пособий в силу наличия сильной степени исследованности анализируемой тематики, новых возможностей научного поиска и решения практических вопросов преподавания иностранного языка в высшей школе технических вузов [1, 74].

Следует отметить перечень плюсов данного пособия, помогающего решить проблему актуализации специализированных ресурсов. Во-первых, учебная книга отличается системностью и ясностью изложения материала, достаточной полнотой приводимых сведений, необходимых для изучения дисциплины «Иностранный (английский) язык» по направлениям подготовки бакалавров 150400 «Металлургия», 150700 «Машиностроение», 150100 «Материаловедение и технология материалов», доступностью для студентов. Трактовка излагаемого материала и рекомендации к его применению удовлетворяют имеющимся психолого-педагогическим требованиям.

Во-вторых, научный уровень содержательной части раскрытых в учебной книге тем, относящихся к направлению подготовки бакалавров 150400 «Металлургия», 150700 «Машиностроение», 150100 «Материаловедение и технология материалов», в целом отвечает современным представлениям об этой области знаний.

В-третьих, предлагаемая учебная книга позволяет заполнить пробел в методическом обеспечении по направлениям подготовки 150400 «Металлургия», 150700 «Машиностроение», 150100 «Материаловедение и технология материалов», является полезной и востребованной, содержание учебной книги соответствует основной образовательной программе подготовки дипломированных специалистов и бакалавров по названным специальностям.

В-четвертых, лексическая наполняемость текстов и упражнений уроков дополняется текстами из приложения 6 («Тексты для дополнительного чтения»). Тематика текстов позволяет в полной мере реализовать методические принципы, на базе которых строится обучение иностранному языку в целом. Принцип профессиональной направленности обучения (учета специальности) предусматривает учет будущей специальности и профессиональных интересов студентов на занятиях по языку и другим дисциплинам учебного плана [2, 11]. Принцип межпредметной координации предполагает согласование тем различных дисциплин с целью исключения их дублирования и

формирования в сознании студентов целостного восприятия окружающего мира [2, 65]. Более того, тексты из приложения 6 способствуют развитию навыка работы с аутентичным научным материалом профессиональной направленности, обучению навыкам реферирования и аннотирования, что обусловлено владением общекультурной компетенции: владеть необходимыми навыками профессионального общения на иностранном языке (ОК-15) [3, 56]. Таким образом, студентам направлений подготовки 150400 «Металлургия», 150700 «Машиностроение», 150100 «Материаловедение и технология материалов» будет легче сориентироваться в лексической терминологии, свойственной сфере машиностроения и металлургии, т.к. область профессиональной деятельности бакалавров включает разделы науки и техники, содержащие совокупность средств, приемов, способов и методов человеческой деятельности, направленной на создание конкурентоспособной продукции машиностроения, металлургии и основанной на применении современных методов и средств проектирования, математического, физического и компьютерного моделирования технологических процессов.

Более того, к каждому тексту предлагается подробный словарь, причем некоторые слова снабжены транскрипцией. Так как автору представляется, что данное пособие и рассчитано на рецептивное (пассивное) усвоение материала, весьма важно, чтобы сразу формировался аудитивно-визуальный образ лексической единицы, таким образом наличие транскрипции у некоторых наиболее трудно произносимых слов считается необходимым. В последующих уроках, когда у студентов уже выработалось умение правильно произносить слова, по аналогии с уже знакомыми словами, количество слов, к которым дается транскрипция, постепенно уменьшается.

В целом, каждый урок подчиняется единой структуре. Он состоит из обязательных аспектов: грамматики, лексики, говорения и письма.

Итак, учебное пособие «Английский язык для металлургического и машиностроительного производства» представляет собой самостоятельный целостный текст со строгой содержательной и структурной организацией, которая проявляется в следующих характеристиках составляющего ее материала: его стилистическом единстве, концептуальной определенности, исследовательской направленности и композиционной нормативности. Композиционная нормативность определяется тем, что учебное пособие состоит из нормативно-определенного набора обязательных и факультативных разделов, располагаемых в неизменной последовательности: оглавления, введения, содержательной части (состоящей из 15 уроков), тезауруса, 9 приложений, заключения, биографической справки об авторе и списка литературы. Более того, автор решил выйти за рамки тематики, присущей направлениям подготовки 150400, 150700, 150100, и представил свою работу в виде развернутого экскурса в направление машиностроительных и металлургических процессов в целом. Эта тенденция просматривается в той лексической направленности, которая отражает деятельность работника тяжелого машиностроения не только в области металлообработки, а также и в области металлургического производства (например, урок 2 – металлургия; урок 3 – сталеплавильное производство; уроки 6-9 – легированная сталь, чугун, нержавеющая сталь и пр.).

Данная учебная книга соответствует содержанию и требованиям основной образовательной программы подготовки дипломированных специалистов и бакалавров по машиностроительным и металлургическим специальностям, что напрямую разрешает преодолеть проблемы в разработке и актуализации специализированных пособий по иностранному языку в технических вузах России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Першина, Е. Ю. Английский язык для металлургического и машиностроительного производства: учеб. пособие / Е. Ю. Першина. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2015. – 156 с.
2. Английский язык для инженерных специальностей: учеб. / С. Г. Дубровская, Д. Б. Дубина [и др.]. – М.: Высш. шк., 2000. – 380 с.
3. Английский язык для инженеров: учеб. / Т. Ю. Полякова, Е. В. Синявская [и др.]. – М.: Высш. шк., 2004. – 470 с.

Лопатина О. И.

А. А. ШУНЕЙКО, И. А. АВДЕЕНКО. ОСНОВЫ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2016. – 192 С.

Лопатина О. И.

O. I. Lopatina

А. А. ШУНЕЙКО, И. А. АВДЕЕНКО. ОСНОВЫ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2016. – 192 С.

A. A. SHUNEYKO, I. A. AVDEENKO. BASICS OF SUCCESSFUL COMMUNICATION: TEXTBOOK. – M.: FLINTA: NAUKA, 2016. - 192 p.

Лопатина Ольга Ивановна – старший преподаватель кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, ул. Ленина, 27, КнАГТУ, корп. 4, ауд. 335; +7(4217)27-62-00. E-mail: olikšana@mail.ru.

Ms. Olga I. Lopatina – Senior teacher of Linguistics and Intercultural Communication Department of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St., building 4, apt. 335; tel. +7(4217)27-62-00. E-mail: olikšana@mail.ru.

Само слово «коммуникация» имеет множество значений, сгруппировавшихся вокруг идей взаимного обмена. Люди могут обмениваться не только материальными объектами, но и такими идеальными, как мысли и смыслы, а также возможен обмен жизненной энергией. Например, можно воодушевить людей для совместной целевой деятельности или омрачить их будущее жутким высказыванием. В результате происходит эмоциональное переключение, жизненные силы в случае воодушевления прибывают, а в случае тревоги падают. Что такое успешная коммуникация? Та, которая достигает своей цели. А что за цель? Донести своё послание до другого и уловить его послание. Очень часто вторую часть цели мы забываем.

Авторы учебного пособия «Основы успешной коммуникации» А. А. Шунейко и И. А. Авдеенко, выпущенного Московским издательством учебной литературы «Флинта» в 2016 г., уверены в насущной необходимости специального обучения основам успешной коммуникации. Они утверждают, что целостное описание коммуникации возможно только в рамках теории коммуникации, в отличие от лингвистических дисциплин. Инструментарий теории коммуникации принципиально отличается от тех терминов и понятий, которыми пользуется традиционное языкознание. Набор этих единиц определяется достаточно строго: коммуникативные стратегии, тактики, приёмы, стереотипы, темы, сценарии информационно-коммуникативных событий, переходы. Эти единицы, за исключением приёмов, тем и переходов, рассматриваются в настоящем учебном пособии.

Без умения распознавать эти единицы и «адекватно оценивать особенности коммуникативного взаимодействия, в котором он находится», человек становится беспомощен в процессе коммуникации.

С учётом всего вышесказанного появление такого учебного пособия, как «Основы успешной коммуникации» авторов А. А. Шунейко и И. А. Авдеенко, является своевременным и крайне необходимым.

Данное учебное пособие разработано в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования. Пособие предназначено для подготовки специалистов в сферах, связанных с рекламой, связями с общественностью, международными отношениями. Рецензируемое учебное пособие по основам успешной коммуникации соответствует требованиям образовательной системы нового типа, т.к. обеспечивает эффективное овладение основами теории и практики коммуникации на основе формирования умений, входящих в состав ключевых компетенций современного специалиста.

Форма организации учебного материала в рецензируемом учебном пособии способствует развитию способностей организовывать самостоятельную учебную деятельность, работать с различными источниками информации, развитию у обучающихся аналитического мышления, что особенно ценно в условиях нарастания информационных потоков и интенсификации социального взаимодействия. Необходимость развития данных качеств личности отражена и в Федеральном

государственном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки 035700 – «Лингвистика» (квалификация (степень) «бакалавр»). Обязательными требованиями к результатам освоения основных образовательных программ являются: владение выпускниками навыками коммуникации, обеспечивающими адекватность социальных и профессиональных контактов (ОК-3); представление о типичных сценариях взаимодействия (ПК-2); владение основными дискурсивными способами реализации коммуникативных целей высказывания применительно к особенностям текущего коммуникативного контекста (ПК-3); обладание готовностью преодолевать влияние стереотипов (ПК-7).

Учебный курс разбит на три основных модуля: стратегии и тактики речевого поведения, коммуникативные стереотипы и сценарии информационно-коммуникативных событий.

Первый модуль даёт определение стратегиям и тактикам речевого поведения и выделяет их основные типы. Кроме того, он знакомит студентов с множеством других понятий, а также даёт образцы реализации данных стратегий речевого поведения в художественной литературе, что позволяет нам более подробно ознакомиться с характерными признаками рассматриваемого речевого поведения. В данном модуле также рассматриваются характерные симптомы тактик речевого поведения и указаны способы эффективной защиты от них.

Второй и третий модули пособия посвящены подробному и чёткому описанию коммуникативных стереотипов и сценариев информационно-коммуникативных событий, описанию этой совокупности. Стереотипы коммуникативного поведения затрагивают включение в коммуникацию и выключение из неё, уместность и неуместность речевых форм и эффективность речевого взаимодействия. Авторы данного пособия описывают стереотипы по единому плану: общая характеристика стереотипа, устойчивые выражения, примеры воплощения стереотипа в художественной и эзотерической литературе и др.

Формат данного учебного пособия не позволяет представить характерные признаки конкретных сценариев в полном объёме. Однако в работе использована масса устойчивых выражений, фиксирующих практику речевого взаимодействия во всём её многообразии.

Пособие структурировано таким образом, что может быть использовано не только для аудиторной, но и для самостоятельной работы, и, следовательно, оно может быть полезным не только студентам лингвистических специальностей, но и широкому кругу лиц, которые стремятся самостоятельно создавать и изменять информационно-коммуникативное пространство для достижения эффективной коммуникации

Таким образом, изучение теории коммуникации, способность и готовность эффективно применять полученные знания, умения и навыки в процессе личностного взаимодействия в общении и профессиональной деятельности являются неотъемлемыми компонентами подготовки квалифицированных специалистов по коммуникативной деятельности и обязательным условием профессионального успеха выпускников.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ
CHRONICLE OF SCIENCE LIFE

Клиикова Е. В.
E. V. Klinkova

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ
КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2015-2016**

**INTERNATIONAL LINGUISTICS EVENTS OF KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE
TECHNICAL UNIVERSITY (2015-2016)**

Клиикова Екатерина Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранные языки гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: katekl@mail.ru.

Ms. Ekaterina V. Klinkova – Senior Lecturer, Foreign Languages Department, Faculty of Humanities, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: katekl@mail.ru.

УДК 81:378

В период с 16 декабря 2015 г. по 13 апреля 2016 г. в Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете проводились мероприятия в рамках реализации Плана сетевых (кластерных) профильных мероприятий КнАГТУ и отдела образования администрации г. Комсомольска-на-Амуре на 2015-2016 учебный год. В конкурсах, олимпиадах и конференциях принимали участие учащиеся старших классов средних школ города и лицея КнАГТУ, студенты первых и вторых курсов неязыковых специальностей и направлений КнАГТУ и АмГПГУ, в том числе иностранные граждане (КНР и Республика Мьянма). Организатором конкурсов выступила кафедра «Иностранные языки».

16 декабря 2015 г. состоялся «Международный фонетический конкурс» на английском языке. Конкурс проводился как в очной форме, так и дистанционной, в два этапа. На первом этапе каждому участнику раздавался текст для выразительного чтения. Второй этап конкурса считался творческим. Участники рассказывали любимые поэтические произведения на английском языке. Участники дистанционной формы проведения конкурса записывали свои выступления на видео и присылали в оргкомитет в день проведения конкурса на электронную почту. Отрывок для чтения был выбран из книги Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». В конкурсе приняли участие 20 студентов неязыковых специальностей КнАГТУ, 7 учащихся старших классов средних школ города Комсомольска-на-Амуре и 5 иностранных студентов КнАГТУ (КНР и Республика Мьянма). По итогам конкурса все участники были номинированы и награждены памятными призами и грамотами. Среди номинаций были: «Артистизм и перфекционизм», «Оригинальность и мастерство исполнения», «Выразительность», «Современное прочтение Шекспира», «Импровизация».

10 февраля 2016 г. проходил Международный лингвострановедческий конкурс «Лингво-эрудит» на английском языке. Конкурс состоял из двух заданий: лингвострановедческий тест и эссе на тему «Что такое английский характер?». В конкурсе приняли участие 25 студентов технических специальностей КнАГТУ и 10 учащихся старших классов средних школ города Комсомольска-на-Амуре. В ходе подведения итогов активным участникам были присуждены следующие номинации: «Аудирование», «Страноведение», «Эссе», «Гран-при». Победителями конкурса стали студенты технических специальностей КнАГТУ: Куликов Алексей, гр. 5ИББ-1, занявший первое место; Ефимов Алексей, гр. 4ИНБ-1, занявший второе место; Евтушенко Данил, гр. 4МАБ-1, занявший третье место.

3 марта 2016 г. стартовала международная олимпиада «Английский язык в мировом сообществе». В олимпиаде приняло участие 30 студентов технических специальностей КнАГТУ, 8 учащихся старших классов средних школ города Комсомольска-на-Амуре и 8 иностранных студентов КнАГТУ (КНР и Республика Мьянма). Олимпиада проводилась в два этапа, первый этап включал в себя: аудирование; задание на нахождение и исправление ошибок в деловом письме; задание на восстановление реплик диалога из заданных слов; письменный (литературный) перевод текста аннотации с английского языка на русский (со словарем), объем – 800 печатных знаков, средняя степень сложности. Среди участников олимпиады выявлялись лучшие в количестве 10 человек, которые получали право участвовать во втором этапе. Второй этап проводился с 10 по 31 марта 2016 г. в дистанционной форме. Второй этап носил творческий характер и предполагал написание эссе на тему «Английский язык в мире и в моей жизни». Для участия во втором этапе олимпиады участникам необходимо было написать эссе на заданную тему на указанный в письме электронный адрес. По итогам олимпиады активным участникам были присуждены следующие номинации: «Аудирование», «Диалогическая речь», «Перевод аннотации», «Редактирование делового письма», «Лучшее эссе». Победителями олимпиады стали: студентка КнАГТУ гр. 5ПЭб-1 Ненюк Вероника и Капустина Полина учащаяся 11 класса МОУ СОШ № 27 г. Комсомольска-на-Амуре, разделившие первое место; студенты КнАГТУ гр. 5ХТб-1 Ежак Илья и Боровикова Софья заняли второе место; третье место заняла Ковко Ирина учащаяся 11 класса МОУ СОШ № 51 г. Комсомольска-на-Амуре.

Заключительным мероприятием была Открытая международная конференция по английскому языку «Мое место в современном обществе», которая проводилась 13 апреля 2016 г. К участию приглашались студенты 1-2 курсов неязыковых направлений высших учебных заведений, учащиеся 10-11 классов общеобразовательных средних школ и лицеев, а также учащиеся образовательных учреждений среднего профессионального образования Хабаровского края. В конкурсе приняли участие 15 студентов неязыковых специальностей КнАГТУ, 5 учащихся старших классов средних школ города Комсомольска-на-Амуре и 4 иностранных студента КнАГТУ (КНР и Республика Мьянма). Доклады составлялись на английском языке по теме конференции и должны были сопровождаться презентацией. Сообщение каждого из участников должно было занимать не более 5 минут. В ходе подведения итогов каждый участник получил памятный приз и грамоту.

В заключении хочется добавить, что проведение мероприятий с привлечением учащихся средних и высших учебных заведений и иностранных студентов стало традицией на кафедре «Иностранные языки». Как показала практика, ежегодные студенческие конкурсы, конференции и олимпиады с каждым разом приобретают все большую масштабность, а участие в данных мероприятиях уже стало позитивной лингвистической традицией университета.